



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-практический юридический журнал

Основан в феврале 2017 г.

2024. Том 8. № 4
Сквозной номер выпуска – 32

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России, по юридическим научным специальностям 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Лапаева Ангелина Вячеславовна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Моисеева Ольга Васильевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Андрияшко Марина Васильевна – к.ю.н., доцент. Белорусский институт стратегических исследований (г. Минск, Республика Беларусь), советник отдела внутривластного анализа управления внутренней политики

Афанасьев Сергей Федорович – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, РФ), заведующий кафедрой арбитражного процесса

Блинкова Елена Викторовна – д.ю.н., профессор. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления интеллектуальной собственностью

Бурашников Наталия Анатольевна – к.ю.н. Председатель Тамбовского областного суда (г. Тамбов, РФ)

Воронов Александр Федорович – д.ю.н., профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, РФ), профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета

Демичев Алексей Андреевич – д.ю.н., к.и.н., профессор. Нижегородская академия МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса; Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород, РФ), главный научный сотрудник научного центра

Зеленукин Роман Валерьевич – к.ю.н., доцент. Судья Арбитражного суда Тамбовской области (г. Тамбов, РФ)

Камышанский Владимир Павлович – д.ю.н., профессор. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар, РФ), заведующий кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского и международного частного права

Клименко Таужан Микаиловна – д.ю.н., доцент. Юридический институт Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (г. Черкесск, РФ), профессор кафедры уголовного права и процесса

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор. Юридический институт (г. Санкт-Петербург, РФ), научный руководитель; Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права (г. Москва, РФ), президент; Башкирский государственный университет (г. Уфа, РФ), профессор кафедры теории государства и права

Кочетков Александр Викторович – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), и.о. директора Института права и национальной безопасности, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке

Лагутин Игорь Борисович – д.ю.н., доцент. Юго-Западный государственный университет (г. Курск, РФ), заведующий кафедрой финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства

Лопашенко Наталья Александровна – д.ю.н., профессор. Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции (г. Саратов, РФ), директор

Махина Светлана Николаевна – д.ю.н., профессор. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Овсянников Игорь Владимирович – д.ю.н., доцент. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра

Осокин Роман Борисович – д.ю.н., профессор. Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя (г. Москва, РФ), начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров

Панько Кирилл Константинович – д.ю.н., доцент. Воронежский государственный университет (г. Воронеж, РФ), профессор кафедры уголовного права

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – д.ю.н., профессор. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Полищук Николай Иванович – д.ю.н., профессор. Академия ФСИН России (г. Рязань, РФ), профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права

Редкоус Владимир Михайлович – д.ю.н., профессор. Институт государства и права РАН (г. Москва, РФ), ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

Романовская Ольга Валентиновна – д.ю.н., профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, РФ), заведующий кафедрой «Государственно-правовые дисциплины»

Романовский Георгий Борисович – д.ю.н., профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, РФ), заведующий кафедрой «Уголовное право»

Рыбакова Светлана Викторовна – д.ю.н., доцент. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, РФ), главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства

Трофимов Василий Владиславович – д.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности

Туманова Анастасия Сергеевна – д.и.н., д.ю.н., профессор. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, ведущий научный сотрудник; НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, РФ), профессор факультета гуманитарных наук

Шуняева Вера Анатольевна – к.ю.н., доцент. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (г. Тамбов, РФ), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности

Юдин Андрей Владимирович – д.ю.н., доцент. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (г. Самара, РФ), заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. 140 с. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4>

Издание журнал «Актуальные проблемы государства и права / Aktual'nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). Электронная почта редакции: apgospravo.tgu@mail.ru

Ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов *И.В. Ильина*

Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*

Редакторы английских текстов: *И.С. Голыбина, М.А. Сенина*

Администратор сайта *М.И. Филатова*

Прием статей осуществляется по адресу:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 214. Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. Институт права и национальной безопасности

Телефон: +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **Электронная почта:** apgospravo.tgu@mail.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (на русском языке)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (на английском языке)

Подписано в печать 29.11.2024. Дата выхода в свет 24.12.2024

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ 24218. Свободная цена.

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024

Все права защищены

© Редакционная коллегия журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024

© Редакция журнала «Актуальные проблемы государства и права», 2024



CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical law journal

Established in February, 2017

2024, vol. 8, no. 4

Issued 4 times a year

Continuous issue number – 32

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia, in law scientific specialties 5.1.1, 5.1.3, 5.1.4

The establisher and publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Derzhavin Tambov State University”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF: Lapaeva Angelina Vyacheslavovna – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Head of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Moiseeva Olga Vasilevna – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Theory and History of State and Law Department, Law and National Security Institute

EDITORIAL BOARD:

Andryashka Maryna Vasilevna – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Belarusian Institute of Strategic Research (Minsk, the Republic of Belarus), Advisor of Domestic Political Analysis of Domestic Policy Management Department

Afanasev Sergey Fedorovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation), Head of the Arbitral Procedure Department

Blinkova Elena Viktorovna – Dr. Sci. (Law), Professor. Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil and Business Law Department of Intellectual Property Management Faculty

Burashnikova Nataliya Anatolevna – Cand. Sci. (Law), Chair of Tambov Regional Court (Tambov, Russian Federation)

Voronov Alexander Fedorovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Professor of the Civil Procedure Department, Faculty of Law

Demichev Aleksei Andreevich – Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Professor of Civil Law and Procedure Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Branch (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Head Researcher of the Science Center

Zelepukin Roman Valerevich – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Judge of the Arbitration Court of Tambov Region (Tambov, Russian Federation)

Kamyshanskiy Vladimir Pavlovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation), Head of the Civil Law Department, Professor of the Civil and Private International Law Department

Klimenko Tauzhan Mikailovna – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. North Caucasian State Academy Law Institute (Cherkessk, Russian Federation), Professor of Criminal Law and Procedure Department

Komarov Sergey Aleksandrovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Private Educational Institution of the Higher Training “Institute of Law” (St. Petersburg, Russian Federation), Scientific Advisor; The Interregional Association of Theorists of State and Law (Moscow, Russian Federation), President; Bashkir State University (Ufa, Russian Federation), Professor of State and Law Theory Department

Kochetkov Aleksandr Viktorovich – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Acting Director of Law and National Security Institute, Retired Chairman of the Arbitral Court of Voronezh Region

Lagutin Igor Borisovich – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Southwest State University (Kursk, Russian Federation), Head of the Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedure Department

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Dr. Sci. (Law), Professor. Saratov State Law Academy, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law Department; Saratov Research Centre for Organized Crime and Corruption Issues (Saratov, Russian Federation), Director

Makhina Svetlana Nikolaevna – Cand. Sci. (Law), Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Head of the Chair of Theory and History of State and Law Department

Ovsyannikov Igor Vladimirovich – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Chief Research Scholar of Research Department of Scientific Center

Osokin Roman Borisovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot (Moscow, Russian Federation), Head of the Faculty of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Training

Panko Kirill Konstantinovich – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation), Professor of Criminal Law Department

Pashentsev Dmitrii Alekseevich – Dr. Sci. (Law), Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Head Researcher of Law Theory and Interdisciplinary Legislative Research Department

Polishchuk Nikolay Ivanovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Academy of the FPS of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of Theory of the State and Law, International and European Law Department

Redkous Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Law), Professor. The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of the Sector for Administrative Law and Administrative Process

Romanovskaya Olga Valentinovna – Dr. Sci. (Law), Professor. Penza State University (Penza, Russian Federation), Head of “State Law Disciplines” Department

Romanovskii Georgii Borisovich – Dr. Sci. (Law), Professor. Penza State University (Penza, Russian Federation), Head of “Criminal Law” Department

Rybakova Svetlana Viktorovna – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Financial, Tax and Budgetary Legislation Department

Trofimov Vasilii Vladislavovich – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Director of Research Institute of State Legal Research, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Law and National Security Institute

Tumanova Anastasia Sergeevna – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Professor. Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research, Leading Researcher; Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Professor of Humanitarian Sciences Faculty

Chunyaeva Vera Anatolevna – Cand. Sci. (Law), Associate Professor. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation), Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Law and National Security Institute

Yudin Andrew Vladimirovich – Dr. Sci. (Law), Associate Professor. Samara National Research University (Samara, Russian Federation), Head of the Civil Procedure and Business Law Department of the Law Faculty

For citation:

Current Issues of the State and Law, 2024, vol. 8, no. 4, 140 p. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4>

The journal “Aktual’nye problemy gosudarstva i prava / Current Issues of the State and Law” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor), the mass media registration certificate ПИИ no. ФС 77-69827 dated May 18, 2017.

ISSN 2587-9340 (Print) ISSN 2782-3334 (Online)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 (extension 3112). E-mail: apgospravo.tgu@mail.ru

Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals *I.V. Ilyina*

Editors: *Y.A. Biryukova, M.I. Filatova*

English texts editors: *I.S. Golybina, M.A. Senina*

Web-site administrator *M.I. Filatova*

Article acceptance:

Office 214, 181 B, Sovetskaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Derzhavin Tambov State University, Law and National Security Institute. **Telephone:** +7(4752)72-34-34 (доб. 3112). **E-mail:** apgospravo.tgu@mail.ru

Web site: <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law/> (In Russian)

<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law-eng/> (In English)

Signed for printing 29.11.2024. Release date 24.12.2024

Format A4 (60×84 1/8). Typeface «Times New Roman». Printed on risograph.

Pr. sheet 17,5. Conv. pr. sheet 17,0. Copies printed 1000. Order no. 24218. Free price.

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”

FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

190g Sovetskaya St., Tambov, 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2024.

All rights reserved

© Editorial board of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

© Editorial of the journal “Current Issues of the State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Ковалева Н.В., Зозуля А.А.* Требования к военной продукции по законодательству Российской империи XIX века 475
- Краковский К.П.* Является ли деятельность отечественного суда «традиционной ценностью»? 483
- Борисов А.М.* Институт юридического лица и его развитие в представлении П.И. Стучки 492
- Сироткина Е.В.* Эволюция законодательства о пенсионном страховании в Германии и Австрии в XIX–XX вв.: «болевы́е точки» и пути их преодоления 502

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

- Борисова Н.Е.* Государственное мировоззрение как альтернатива идеологии 510
- Демичев А.А.* Экологический парк как особо охраняемая природная территория местного значения: теория и практика 520
- Романовский Г.Б., Романовская Е.А., Дасаева А.И.* Публично-правовое регулирование биомедицинских технологий: опыт Норвегии 530
- Гурулева Э.А., Иванова Н.А.* К вопросу о безопасности как категории в гражданском праве 538
- Омелина О.С.* Сравнительный анализ Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года и проекта Стратегии противодействия экстремизму на период 2025–2036 годов в Российской Федерации 546
- Пономаренко С.В.* БРИКС как инструмент международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций 552

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НАУК

- Шестак В.А.* Генезис криминологической теории преступной личности: от античности до рубежа XX века 559
- Чапурко Т.М., Картавченко В.В., Назаренко Н.Е.* Банда как разновидность организованной группы и ее отличие от вооруженной группы, виновной в совершении разбойного нападения 567
- Кузьменко Э.Ю., Ментюкова М.А.* К вопросу об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних и структуре преступности (региональный аспект) 576

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, АНАЛИТИКА

- Залоило М.В.* Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки: обзор III Всероссийского форума историков права 587
- Лапаева А.В., Моисеева О.В.* Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений: обзор Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина 598



CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Scientific-practical legal journal

Established in February, 2017 2024, vol. 8, no. 4 Issued 4 times a year

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

- Kovaleva N.V., Zozulya A.A.* Requirements for military goods under the legislation of the Russian Empire of the 19th century 475
- Krakovsky K.P.* Is the activity of the domestic court a “traditional value”? 483
- Borisov A.M.* The institute of legal entity and its development in the representation of P.I. Stuchka 492
- Sirotkina E.V.* The evolution of pension insurance legislation in Germany and Austria in the 19th–20th centuries: “pain points” and ways to overcome them 502

ISSUES OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

- Borisova N.E.* State worldview as an alternative to ideology 510
- Demichev A.A.* Ecological Park as a specially protected natural area of local significance: theory and practice 520
- Romanovsky G.B., Romanovskaya E.A., Dasaeva A.I.* Public law regulation of biomedical technologies: the Norwegian experience 530
- Guruleva E.A., Ivanova N.A.* On the issue of security as a category in civil law 538
- Omelina O.S.* Comparative analysis of the Strategy for Countering Extremism until 2025 and the draft Strategy for Countering Extremism for the period 2025–2036 in the Russian Federation 546
- Ponomarenko S.V.* BRICS as an instrument of international cooperation in global crisis situations 552

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LEGAL SCIENCES

- Shestak V.A.* The genesis of criminological theory of criminal personality: from antiquity to the turn of the 20th century 559
- Chapurko T.M., Kartavchenko V.V., Nazarenko A.E.* Gang as a type of organized group and its difference from an armed group guilty of committing a robbery 567
- Kuzmenko E.Yu., Mentyukova M.A.* On the issue of peculiarities of juveniles criminal liability and the structure of crime (regional aspect) 576

OVERVIEWS, REVIEWS, ANALYTICS

- Zaloilo M.V.* Traditional values, family and society in focus of Historical and Legal science: review of the 3rd All-Russian Forum of Legal Historians 587
- Lapaeva A.V., Moiseeva O.V.* Formation and development of the legal profession: legacy of generations: review of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of Law and National Security Institute of Derzhavin Tambov State University 598

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.130

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-475-482>

Шифр научной специальности 5.1.1

Требования к военной продукции по законодательству Российской империи XIX века

© КОВАЛЕВА Наталья Витальевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский просп., 99; главный научный сотрудник, ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Российская Федерация, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

© ЗОЗУЛЯ Александр Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева», Российская Федерация, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 149, <https://orcid.org/0000-0002-6571-136X>, alezozulya@mail.ru

Аннотация

Обеспечение безопасности государства объективно связано с оснащением его силовых структур, вооружением и техникой. Интенсивное развитие методов и средств ведения боевых действий предъявляет новые требования к характеристикам военной продукции, что вызывает необходимость совершенствования технико-юридического регулирования в этой сфере. Названные факторы ориентируют на изучение имеющегося опыта правовой регламентации качества изделий оборонного назначения. Целью исследования является проверка гипотезы о том, что установление на законодательном уровне требований к военной продукции происходило преимущественно посредством технико-юридических норм. В ходе исследования применены системный, структурно-функциональный, историко-правовой и формально-юридический методы. Проанализировано действовавшее в рассматриваемой сфере законодательство Российской империи первой половины XIX века. Выявлена бессистемность и фрагментарность определенных нормативных правовых актов (указаний), содержащих требования к военной продукции. Установлено, что особое внимание законодатель уделял детализации требований на случай выявления дефектов изделий в ходе их приемки государственным заказчиком. Сделан вывод о применении разнообразных правотворческих приемов для формулировки технико-юридических норм.

Ключевые слова

правовое регулирование, техническое регулирование, нормативный правовой акт, технико-юридические нормы, военная продукция, государственная приемка

Для цитирования

Ковалева Н.В., Зозуля А.А. Требования к военной продукции по законодательству Российской империи XIX века // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 475-482. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-475-482>

Requirements for military goods under the legislation of the Russian Empire of the 19th century

© Natalia V. KOVALEVA,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of Public Law and Legal Support of Management Department, The State University of Management, 99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russian Federation; Chief Researcher of Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 8 Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125993, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2982-871X>, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

© Alexandr A. ZOZULYA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of Theory and History of State and Law Faculty, Saint-Petersburg University State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, 149 Moskovskiy Ave., St. Petersburg, 196105, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6571-136X>, alezozulya@mail.ru

Abstract

Ensuring the state's security is objectively related to providing its force structures with weapons and equipment. The intensive development of warfare methods and means imposes new requirements on the characteristics of military goods, which necessitates the improvement of technical and legal regulation in this area. These factors focus on the study of the existing experience in the legal regulation of the quality of defense products. The study aims to test the hypothesis that the establishment of requirements for military goods at the legislative level was mainly through technical-legal norms. In the course of the study, systemic, structural-functional, historical-legal and formal-legal methods are applied. The legislation of the Russian Empire of the first half of the 19th century in force in this area is analyzed. The unsystematic and fragmentation of certain statutory instruments containing regulatory requirements for military goods is revealed. It is established that the legislator paid special attention to detailing the requirements for the detection of product defects during their acceptance by the state customer. It is concluded that various methods have been used to formulate technical and legal norms.

Keywords

legal regulation, technical regulation, legislative act, technical-legal norms, military goods, state acceptance

For citation

Kovaleva, N.V., & Zozulya, A.A. (2024). Requirements for military goods under the legislation of the Russian Empire of the 19th century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 475-482. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-475-482>

Введение

Одним из стратегических направлений военной политики Российской Федерации является инновационное развитие оборонно-промышленного комплекса страны, разработка и производство новых систем вооружений, военной и специальной техники, что требует модернизации его производственной базы¹. Перед отечественным ВПК стоит задача выпуска приоритетных образцов военной продукции в заданных объемах и требуе-

мого качества². Оснащение силовых структур государства вооружением и техникой, относясь к сфере политики и экономики, нуждается в действенном правовом регулировании. Эффективная регламентация столь сложного комплекса отношений возможна, в том числе, с использованием технико-юридических норм, детализирующих, например, определенные свойства военной продукции, а также иные правоотношения в этой сфере.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 05.08.2024).

Применение новых технологий объективно ведет к разработке средств ведения вооруженной борьбы с ранее недостижимыми характеристиками, что генерирует потребность актуализации соответствующей нормативной базы. Кроме того, потребность детализации правового регулирования связана с необходимостью определенной стандартизации в сфере производства изделий военного назначения в рамках ОДКБ. Представляется справедливым мнение ряда исследователей об особой актуальности *«разработки межгосударственной системы общих тактико-технико-экономических требований к вооружению и военной технике»* [1, с. 43]. Соответствующий документ стратегического планирования³ как средство «мягкого права» играет особую роль в правовых системах государств-участников договора о коллективной безопасности [2, с. 15] и нацеливает отечественного законодателя на детализацию определенного спектра отношений посредством технико-юридических норм, устанавливающих, в том числе, требования к военной продукции.

Важнейшим условием эффективного обновления законодательства является ретроспективный анализ опыта правового регулирования в исторические периоды, сопоставимые по ключевым характеристикам с современным этапом развития исследуемых отношений [3]. В качестве одного из таких периодов отечественной истории следует выделить середину XIX века, когда тенденция отказа от *«принятия на вооружение иностранных образцов, переход к ввозу технологий с целью создания и производства отечественного оружия»* [4, с. 29] заданного качества объективно вызвала необходимость юридического закрепления требований к военной продукции российских заводов.

Вопросам упорядочения в России XIX века тех или иных сфер общественных отношений, связанных с изготовлением военной продукции, уделялось внимание в ряде

работ. Предметно изучалось регулирование опасных производств, организация и функционирование промышленных складов, в том числе пороховых [5; 6].

Проблемы нормативной регламентации производства изделий военного назначения рассматривались преимущественно в контексте исторических исследований. Так, ученый Ю.Н. Лещенко в некоторой степени осветил аспект правового регулирования вооружения русской армии стрелковым оружием в конце XIX – начале XX веков [4]. Исследователь А.А. Бакшаев изучал нормативную базу изготовления военной продукции казенными горными заводами Урала [7]. Некоторые авторы затрагивали нормативные требования к вооружению и технике в рамках истории органов военной приемки России [7]. В целом анализ научной литературы по обозначенному предмету позволяет констатировать отсутствие глубоких ретроспективных работ, исследующих правовой опыт установления требований к изделиям военного назначения. В этой связи можно констатировать, что проблематика закрепленных на законодательном уровне требований к военной продукции означенного исторического периода изучена недостаточно, при этом регламентация данного спектра общественных отношений не теряет своей актуальности и по сей день.

Результаты исследования

До начала XIX века в российском законодательстве, за редким исключением, отсутствовали правила, устанавливающие стандарты изделий военного назначения. Отмечалось, что недостаточный объем технических норм, позволяющих осуществлять контроль качества различных видов вооружения, нередко приводил к спорам между изготовителями и заказчиками [8, с. 19]. Опыт производства оружия в период военных кампаний конца XVIII – начала XIX века, когда практика понуждения частных подрядчиков к выполнению военных заказов [9, с. 11] привела к снижению качества оборонной продукции, выявил необходимость четких правовых предписаний относительно ее государственных испытаний [10]. Обозначенные проблемы, а также внедрение новых технологий изготовления вооружений потребовали *«совершенствования порядка их произ-*

³ Концепция стандартизации вооружения и военной техники в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (Утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года). URL: <https://mkves.odkb-csto.org/standards/kontsepsiya-standartizatsii.php> (дата обращения: 05.09.2024).

водства и приемки» [7, с. 84]. В итоге совместной работы представителей военного ведомства и Горного Департамента был разработан ряд инструкций, что, по оценкам исследователей, стало «одним из знаковых моментов в процессе создания системы контроля качества изготовления изделий военного назначения» [11, с. 132].

Цель такой регламентации состояла в достижении заданных свойств военной продукции, обеспечивающих эффективность применения по назначению и безаварийность использования, при экономии затрат на ее создание и эксплуатацию. Приемка государственным заказчиком изделий военного назначения ставилась в прямую зависимость от результата испытаний, направленных на обнаружение явных и скрытых отклонений от предписываемых характеристик.

Принятые в Российской империи первой четверти – середине XIX века многочисленные нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере целесообразно классифицировать в зависимости от вида военной продукции, а именно: артиллерия, стрелковое вооружение, боеприпасы, «белое» (холодное) оружие, обмундирование и амуниция. Отдельно следует обозначить и требования к вспомогательной продукции и сопутствующим процессам, таким как качество сукна, кожи, правила упаковки, перевозки оружия и многим другим. Регламентация каждого из вышеуказанных направлений имела свои характерные черты, связанные со специфическими особенностями производства отдельных видов военной продукции. Такого рода упорядочивание непосредственно влияло как на качество изготавливаемой военной продукции, так и на эксплуатационные свойства в боевых действиях.

Установление обязательных требований в отношении стрелкового оружия в большинстве случаев характеризовалось отсутствием единого нормативного акта. Положения, определяющие различные аспекты производства, приемки, хранения, модернизации и ремонта ружей и их частей, имели место в отдельных законодательных актах и не были связаны между собой. Существовали как требования для изготовления отдельных частей оружия (введение нарезки на затравочных штуцерных стержнях, «четырёх разрывных»

ударных капсюлей и последующих усовершенствованных их образцов⁴, введение и перенос мушек на ружьях⁵, изготовление новых лож к «Английским ружьям»⁶, употребление нового калибра пуль⁷ и пр.), так и нормы, регламентирующее производство изделия в целом, например, изготовление новых видов казачьих ружей⁸, изыскание способа «выделки» металла для стволов⁹ и пр.

Нередко законодатель, определяя требования к огнестрельному оружию, не предусматривал конкретных характеристик изделий или описания производственных процессов, ограничиваясь ссылкой на утвержденные характеристики пробных образцов. В этом случае нормативные положения отличались конкретикой в части установления технических характеристик образца, а иногда дополнялись чертежом¹⁰.

Изготовление артиллерийских орудий осуществлялось также на основе технических норм. Регламентация вопросов их производства периодически менялась, причем она могла затрагивать как требования к данному виду вооружений в целом, так и к отдельным аспектам его производства, проверки и пр. Например, предписывалось использовать для изготовления орудий особый сорт железа, а также количество добавляемого при отливке пушек олова¹¹.

⁴ О введении капсюлей нового образца // ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание второе. Т. XX. Ст. 19495. СПб., 1846. С. 161-163.

⁵ О мушке на ружьях // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. X. Ст. 8603. СПб., 1836. С. 1119.

⁶ О делании к Английским ружьям новых лож // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. Ст. 15896. СПб., 1843. С. 793-794.

⁷ О введении нового калибра пуль // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. Ст. 19604. СПб., 1847. С. 26-27.

⁸ О казачьем ружье нового устройства // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Ст. 11802. СПб., 1839. С. 363-364; Об образце нового ударного казачьего ружья // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. Ст. 20733. СПб., 1847. С. 702.

⁹ Об употреблении на инструменты оружейных заводов литой стали, приготавливаемой на Златоустовской фабрике // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. Ст. 12533. СПб., 1840. С. 622-623.

¹⁰ О способе заменять истершиеся ружейные целики другими // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Ст. 11187. СПб., 1839. С. 389-390.

¹¹ Об употреблении при отливке бомбовых пушек по 5 фунтов олова на пуд красной меди // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XII. Ст. 10035. СПб., 1838. С. 172.

Заметное количество технических норм содержалось в правилах проверки орудий при их приемке с заводов. Законодатель не только детально упорядочивал процедуру испытания изделий, но также устанавливал ряд технических параметров: вес пороховых зарядов для различных видов орудий в зависимости от числа проверочных выстрелов, минимальную температуру воздуха, допустимое количество «раковин» в орудиях и пр.¹²

Приемка орудий для флота регулировалась отдельными правилами, которые отличались более жесткими требованиями к проверке изделий. Так, в целях «открытия могущих оказаться в канале и в стенах таких трещин, коих никаким образом рассмотреть не возможно», надлежало «произвести пробу водою». Для пробных выстрелов предписывалось «употреблять порох пушечный того самого качества... не уменьшать пробных зарядов, под предлогом сильнеешего качества пороха»¹³.

Особо выделялась процедура приемки орудий в случае выявления дефектов изделий. В целях исключения «могущих случиться между сдачиками и приемщиками споров и недоразумений» предписывалось собирать образцы с недопустимыми и допустимыми недостатками, которые подлежали утверждению «главным артиллерийским приемщиком и заводским начальством»¹⁴.

Значительное внимание законодатель уделял вопросам введения новых и изменения утвержденных образцов орудий¹⁵ и их

частей («оковок», «скоб», «затыльников»¹⁶, лафетов), в том числе правилам приемки и допускаемым отклонениям от норм последних регламентации их установки и пр.¹⁷

Требования в отношении изготовления и проверки различных видов артиллерийских снарядов и прочих приспособлений также в исследуемый период устанавливались законодателем¹⁸. Предписывалось не употреблять введенную ранее проверку снарядов «чугунным прокатным цилиндром», а измерять «кособоконость» необходимо было посредством специального кружала путем установления предельных значений «просвета» между ним и снарядом¹⁹. Для «калибрования» последних вводились специальные артиллерийские шкалы²⁰. В некоторых случаях предусматривались определенные положения для принятия карточной дробы, введения специальных зарядов и пр.²¹ В качестве примера широкого исполь-

отмене литья пушек на Олонекских заводах 36 и 30 фунтового калибров // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. Ст. 16031. СПб., 1843. С. 186.

¹⁶ О отступлениях от чертежей при выделке оковок для полевой артиллерии // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. Ст. 15438. СПб., 1843. С. 244-245; О введении дельфинов к полевым орудиям и скоб к осадным мортирам // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIX. Ст. 17621. СПб., 1845. С. 112-113; О введении к орудиям затыльников с утолщенными рожками // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVI. Ст. 15029. СПб., 1842. С. 55-56.

¹⁷ О пороках, допускаемых в чугунных приборах к крепостным лафетам и платформам // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVIII. Ст. 9515. СПб., 1844. С. 18-19; О постройке лафетов и платформ из сучковатого дерева // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. Ст. 12724. СПб., 1840. С. 740; О приготовлении из бревен меньших размеров платформ // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVI. Ст. 14772. СПб., 1842. С. 783-784.

¹⁸ О некоторых переменах в бомбах // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. Ст. 23178. СПб., 1830. С. 456-457; Об уменьшении зазора между диаметрами снарядов и калибром орудий // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. Ст. 23179. СПб., 1830. С. 457; Инструкция для приема Артиллерийских снарядов // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. Ст. 23233. СПб., 1830. С. 530.

¹⁹ Об отмене чугунных прокатных цилиндров для проверки снарядов // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. Ст. 15263. СПб., 1843. С. 73.

²⁰ О приготовлении артиллерийских шкал нового образца, употребляемых при калибровании снарядов // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVI. Ст. 14808. СПб., 1842. С. 799.

²¹ Об отступлениях при принятии в парках карточной дробы // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XI. Ст. 8969. СПб., 1837. С. 193-194; О введении в сухо-

¹² Об утверждении Инструкций для приема с горных заводов чугунных орудий, белого оружия, снарядов, уклада и железа // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. VI. 1831. Отделение первое от № 4233-4779. Отделение Второе от № 4780-5052. Ст. 4306. СПб., 1832. С. 86-88.

¹³ Высочайше утвержденный доклад Комитета, учрежденного для пересмотра правил осмотра пробы и приема чугунных орудий с заводов на флот, с приложением инструкции // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. II. 1827. от № 800 до 1676. Ст. 947. СПб., 1830. С. 226-228.

¹⁴ О правилах для приема чугунных орудий с сыпью в каналах // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVIII. Отделение первое. 1843. От № 16404-17471. Отделение второе. 1843. Ст. 16456. СПб., 1844. С. 30-31.

¹⁵ О имени в крепостной артиллерии полупудовых мортир медных // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Ст. 11625. СПб., 1839. С. 203; Об отливке орудий на Олонекских заводах для флота, по новой удобнейшей пропорции // ПСЗРИ. С. 1649 года. Т. XXVII. 1802-1803. Ст. 21047. СПб., 1830. С. 1024-1025; Об

зования технико-юридических норм можно привести Высочайше утвержденную докладную записку Артиллерийского Департамента «О новых образцах пик», в которой устанавливались строго детализированные требования к холодному оружию. Примечательно, что длина и толщина древков, размеры наконечников и пр. указывались не в абсолютных величинах, а с отсылкой на ранее принятый нормативный акт с формулировкой «*противу образца, Высочайше утвержденного в 1839 году*»²².

В некоторых случаях параметры устанавливались посредством закрепления в правовых актах физических формул. Например, с помощью формулы с показателями веса, высоты и скорости падения молота устанавливалось требование к качеству железа, используемого для изготовления военной продукции²³. Технические нормы преобладали в положениях, регламентирующих возможность принятия штыков с недостатками, не влиявшими на их качества. В примечании к «*правилам для пробы и приема штыков*» приводилось описание способа проверки таких изделий, которое предполагало использование различных приспособлений и точных устройств, а также содержало детальное изложение самого процесса²⁴.

Необходимо констатировать, что детализация законодательно установленных требований присутствовала и в отношении военного обмундирования, вспомогательных предметов, включая параметры различных сумок и ранцев. Так, размеры капсюльной сумочки при офицерской «*лядунке*» были строго обозначены, менее конкретно устанавливались положения относительно материала для изготовления и ее последующего размещения²⁵.

путной артиллерии удлиненных зарядов // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIX. Ст. 18355. СПб., 1845. С. 695.

²² О новых образцах пик // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVIII. Отделение первое. 1843. От № 16404-17471. Отделение второе. 1843. Ст. 16475. СПб., 1844. С. 41-43.

²³ Положение для пробы и приема железа, якорей и артиллерийских снарядов // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXVIII. 1804–1805. Ст. 21359. СПб., 1830. С. 399.

²⁴ О приеме с заводов нового оружия // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Ст. 10862. СПб., 1839. С. 9; О правилах для пробы и приема штыков // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. Ст. 19740. СПб., 1847. С. 265-266.

²⁵ О утверждении образца капсюльной сумочки при офицерской лядунке // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIII. Ст. 21904. СПб., 1849. С. 49-50.

Относительно крышек к «*сумам патронным, подсумкам саперным и лядункам кавалерийским*» регламентации подлежали только их размеры²⁶. В отношении ранцев вводились критерии по виду и размерам «*телячьих кож*», служивших исходных материалом для данного вида амуниции²⁷. Впоследствии аналогичные нормы о включении в состав каждого ранца одной «*полной кожи*» и другого куска «*со вставками и затянутыми дырами*» были распространены и на казенную лосинную фабрику²⁸. К этой же группе можно отнести положения Приказа Военного Министра, которым вводились новые образцы кавалерийской пистолетной чушки и «*портупеи ремешка*», а также порядок ношения этих предметов и срок их использования²⁹.

Интересен тот факт, что в некоторых случаях законодательно регламентировались такие аспекты, как количество драгоценных металлов, необходимых для изготовления «*офицерских вещей масифа*»³⁰. В ряде случаев нормативному регулированию подлежали не только непосредственно процессы производства различных веществ и изделий военного назначения, но и связанные с ними другие аспекты. К примеру, разрабатывались правила «*возобновления лесов*», необходимых для такого производства, которые устанавливали порядок их вырубki, посадки, расчистки и пр.³¹ С использованием технико-юридиче-

²⁶ Об образцах крышек к сумам патронным, подсумкам саперным и лядункам кавалерийским // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVIII. Ст. 16832. СПб., 1844. С. 306.

²⁷ О кожах, какие следует принимать на ранцы // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. V. Ст. 3897. СПб., 1831. С. 16-17.

²⁸ О приготвлении на казенной лосинной фабрике телячьих ранцев // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. Ст. 13316. СПб., 1841. С. 200.

²⁹ О постройке чушек для вкладывания пистолетов // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. X. Ст. 8320. СПб., 1836. С. 833; О новых образцах кавалерийской пистолетной чушки и к портупеи ремешка // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Ст. 11003. СПб., 1839. С. 137-138.

³⁰ О количестве золота и серебра на приготвление масифа на казенной фабрике офицерских вещей // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. Ст. 13810. СПб., 1841. С. 613-614.

³¹ Правила восстановления лесов Шостенского порохового завода // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. Ст. 13490. СПб., 1841. С. 343-344.

ских норм определялись требования к упаковке и перевозке оружия³².

Представленные положения, охватывающие сферу отечественной военной промышленности XIX века, позволяют констатировать, что упорядочивание этапа изготовления продукции преимущественно состояло в установлении физических характеристик деталей, составных частей и целых изделий, а также определенных свойств используемого в производстве сырья (металла, текстиля, кожи и т. п.). На основе введенных в законодательные акты технико-юридических норм осуществлялась приемка со стороны государственного заказчика военной продукции. Прежде всего данные регуляторы способствовали объективному выявлению возможных дефектов, устанавливали определенные процедуры, вводили приемы и способы для определения характеристик столь специфической продукции. В значительной мере посредством технико-юридических норм [12] регламентировались предельно допустимые отклонения от тех или иных параметров.

³² Высочайше утвержденное положение об упаковке и перевозке // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Отделение первое. 1838. От № 10855-11376. Отделение второе. От № 11377-11908. Ст. 11276. СПб., 1839. С. 734-735.

Список источников

1. Серов И.Б. Современные международно-правовые вопросы международного оборота оружия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 170 с. <https://elibrary.ru/ubbxha>
2. Бондуровский В.В., Поспелов С.В. Деятельность Парламентской Ассамблеи ОДКБ в контексте трансформации вызовов и угроз безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 2 (63). С. 14-26. <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-14-26>, <https://elibrary.ru/maqbzmm>
3. Ковалева Н.В. Промышленное законодательство Российской империи XIX века // Право и государство: теория и практика. 2021. № 8 (200). С. 44-46. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_8_44, <https://elibrary.ru/gthdzc>
4. Леценко Ю.Н. Организация вооружения русской армии стрелковым оружием (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 34 с. <https://elibrary.ru/znxhqf>
5. Ковалева Н.В. Техничко-юридическое регулирование опасных производств в Российской империи (XIX – начало XX в.) // Журнал российского права. 2011. № 3 (171). С. 94-102. <https://elibrary.ru/ndoqif>
6. Ковалева Н.В. Организация, размещение и функционирование промышленных складов по законодательству Российской империи XIX – начала XX веков // История государства и права. 2011. № 3. С. 30-34. <https://elibrary.ru/ntlkjrr>
7. Бакишев А.А. Развитие нормативной базы производства военной продукции казенными горными заводами Урала во второй четверти XIX в. // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 3. С. 79-85. <https://doi.org/10.33693/2658-4654/-2020-2-3-79-85>, <https://elibrary.ru/bnbmje>
8. Сергиевский И.А., Соклаков А.Ю. «Имея за успешным приемом снарядов и орудий строгое наблюдение». Создание органов военной приемки в России впервой трети XIX века // Военно-исторический журнал. 2019. № 12. С. 17-24. <https://elibrary.ru/jsjnyi>

Заключение

Историко-правовой анализ юридических документов, устанавливающих правила производства и приемки изделий военного назначения, позволил определить специфику регулирования отношений в рассматриваемой сфере, выявить особенности применявшихся для этого норм, осуществить условную классификацию значительного массива действовавших в этой сфере нормативных предписаний.

В исследуемый период существовали отдельные нормативные правовые акты по видам оружия, по родам войск (морские, сухопутные, казаки), по боеприпасам, по амуниции, по используемым для производства изделий материалам. Введение технико-юридических норм позволило более точно сформулировать необходимые правила, нередко с использованием формул и схем, а также отразить конкретные физические величины, параметры в сравнении с существовавшими образцами, методики расчета требуемых характеристик. Результаты исследования высветили сложность и многоаспектность отношений в рассматриваемой сфере, что с учетом актуальности обеспечения военной безопасности государства требует дальнейшего изучения опыта регламентации требований к военной продукции.

9. Куракин А.Б. Высочайше подтвержденные доклады о снабжении армии сукнами, о умножении и усилении выделки в государстве сукон и о образовании Главного правления мануфактур. СПб.: Медцинская типография, 1808. 158 с.
10. Свинных Е.А. Правовое регулирование закупок вооружения и боеприпасов для нужд русской армии в дореволюционной России // Военное право. 2013. № 3. С. 130-162. <https://elibrary.ru/tbinkn>
11. Сергиевский И.А. Зарождение отечественного института военной приемки на горных заводах России в начале XIX века // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2018. № 3. С. 128-138. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2018.3.12>, <https://elibrary.ru/oozlrn>
12. Ковалева Н.В. Природа и функции технико-юридических норм // Государство и право. 2016. № 11. С. 5-12. <https://elibrary.ru/xafmmr>

References

1. Serov I.B. (2018). *Sovremennye mezhdunarodno-pravovye voprosy mezhdunarodnogo oborota oruzhiya. Cand. Sci. (Law) diss.* Moscow, 170 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ubbxha>
2. Bondurovskii V.V., Pospelov S.V. (2024). The activities of the CSTO parliamentary assembly in the context of the transformation of challenges and threats to security. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii = Law. Safety. Emergency Situations*, no. 2 (63), pp. 14-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-2-14-26>, <https://elibrary.ru/maqbznm>
3. Kovaleva N.V. (2021). Industrial legislation of the Russian empire of the 19th century. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 8 (200), pp. 44-46. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_8_44, <https://elibrary.ru/gthdzc>
4. Leshchenko Yu.N. (2009). *Organizatsiya vooruzheniya russkoi armii strelkovym oruzhiem (konets XIX – nachalo XX v.). Cand. Sci. (History) diss. abstr.* Moscow, 34 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/znxhqf>
5. Kovaleva N.V. (2011). Technical legal regulation of dangerous manufacturing in the Russian empire (19th – early 20th century). *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 3 (171), pp. 94-102. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndoqif>
6. Kovaleva N.V. (2011). Organisation, location and functioning of industrial warehouses according to the law of Russian Empire of 19th– the beginning of 20th centuries.. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, no. 3, pp. 30-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ntlkjr>
7. Bakshaev A.A. (2020). The development of regulatory framework for military production by the state mining plants of the Urals at the second quarter of the 19th century. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie = History and Modern Perspectives*, vol. 2, no. 3, pp. 79-85. (In Russ.) <https://doi.org/10.33693/2658-4654/-2020-2-3-79-85>, <https://elibrary.ru/bnbmje>
8. Sergievskii I.A., Soklakov A.Yu. (2019). “Keeping a close watch on accepting ammunition and guns properly”. Establishment of military acceptance bodies in Russia in the first third of the 19th century. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Magazine*, no. 12, pp. 17-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jsjnyi>
9. Kurakin A.B. (1808). *Highly Confirmed Reports on Providing the Army with Cloth, on the Multiplication and Strengthening of the Manufacture of Cloth in the State and on the Formation of the Main Board of Manufactories*. St. Petersburg, Meditsinskaya tipografiya Publ., 158 p. (In Russ.)
10. Svinnykh E.A. (2013). Legal regulation of state procurement of armament for the Russian Army’s needs in pre-revolutionary Russia. *Voennoe pravo = Military Law*, no. 3, pp. 130-162. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tbinkn>
11. Sergievskii I.A. (2018). The origin of the national institute of military acceptance at the Russian mines in the early 19th century. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo = Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, no. 3, pp. 128-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2018.3.12>, <https://elibrary.ru/oozlrn>
12. Kovaleva N.V. (2016). Nature and functions of technical-legal norms. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 11, pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xafmmr>

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.10.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-483-491>

Шифр научной специальности 5.1.1

Является ли деятельность отечественного суда «традиционной ценностью»?

© КРАКОВСКИЙ Константин Петрович,

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34, <https://orcid.org/0000-0001-7399-5422>, frelena@mail.ru

Аннотация

Дан обзор положения и деятельности суда в России с целью ответа на вопрос об отнесении деятельности отечественного суда к составу традиционных ценностей. Рассмотрены основные параметры судебной деятельности в Московском государстве (до конца XVII века), Российской империи (с начала XVIII века до 1864 г.), в пореформенный период (до 1917 г.) и в советский период (1917–1991 гг.). В ходе анализа правового статуса суда в различные исторические периоды пришли к выводам, что до XVIII века нельзя было и говорить о сложившейся судебной системе, в области судопроизводства царил хаос, в реальности вылившийся в печально известную «московскую волокиту». В эпоху Российской империи наблюдается активное движение русского суда к независимости и отделению судебной власти в самостоятельную инстанцию, однако стать «ценностью» в политической культуре самодержавия ей так и не удалось. Пореформенный период ознаменовался Великой Судебной реформой 1864 года, принципиально изменившей положение суда в государстве и создавшей условия участия суда в процессе нормотворчества. Однако активное становление судебной системы было приостановлено событиями 1917 года, в рамках которых суд утратил свой статус независимости и на долгие десятилетия стал техническим инструментом для достижения партийных целей. В ходе исследования сделан вывод, что суд и его деятельность в ходе непростого исторического пути его оформления в самостоятельный правовой институт до настоящего времени так и не стали в России традиционной ценностью.

Ключевые слова

традиционные ценности, судоустройство и судопроизводство, суд и администрация, самодержавие, судебная реформа, номенклатура

Для цитирования

Краковский К.П. Является ли деятельность отечественного суда «традиционной ценностью»? // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 483–491. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-483-491>

Is the activity of the domestic court a “traditional value”?

© Konstantin P. Krakovsky,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7399-5422>, frelena@mail.ru

Abstract

The article is devoted to an overview of the situation and activities of the court in Russia in order to answer the question of attributing the domestic court activities to the composition of traditional values. The article considers the main parameters of judicial activity in the Moscow state (until the end of the 17th century), the Russian Empire (from the beginning of the 18th century to 1864), in the post-reform period (until 1917) and in the Soviet period (1917–1991). During the analysis of the legal status of the court in various historical periods, it was concluded that before the 18th century it was impossible to talk about the established judicial system, chaos reigned in the field of judicial proceedings, which in reality resulted in the infamous “Moscow red tape”. In the era of the Russian Empire, there was an active movement of the Russian court towards independence and the separation of the judiciary into an independent instance, but it did not succeed in becoming a “value” in the political culture of the autocracy. The post-reform period was marked by the Great Judicial Reform of 1864, which fundamentally changed the position of the court in the state and created conditions for the court’s participation in the rule-making process. However, the active formation of the judicial system was suspended by the events of 1917, in which the court lost its status of independence and for many decades became a technical tool for achieving party goals. The study concluded that the court and its activities during the difficult historical path of its formation into an independent legal institution have not yet become a traditional value in Russia.

Keywords

traditional values, judicial system and judicial proceedings, court and administration, autocracy, judicial reform, nomenclature

For citation

Krakovsky, K.P. (2024). Is the activity of the domestic court a “traditional value”? *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 483-491. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-483-491>

Введение

Упоминание о традиционных и духовно-нравственных ценностях присутствует в Конституции РФ, а также ряде других документов стратегического планирования (указ «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей», «Основы государственной культурной политики», «Стратегия национальной безопасности» и др.) вызвало и появление списка из семнадцати «российских традиционных ценностей». Логично возникает вопрос: нельзя ли этот список расширить?

Зададимся и другим вопросом: Что делают эти ценности традиционными? Ответ можно найти в аналитических статьях, посвященных этой теме [1, с. 159; 2, с. 97; 3, с. 20; 4, с. 130]. Прежде всего, тот факт, что

они укоренены в нашей истории и культуре. Наши традиционные ценности, как утверждают интерпретаторы, – это и ценности **дореволюционной России, и ценности советского периода.**

Из семнадцати в список попали две, которые имеют не только духовно-нравственное значение, но и *нравственно-правовое содержание*: «права человека» и «справедливость». Представляется и по поводу этих двух названных ценностей, особенно по поводу прав человека, могут возникнуть обособленные вопросы. Если понятие справедливости в народном правосознании, действительно, формируется уже в первые века жизни государства, то категория «прав человека» появляется в отечественном дискурсе относительно поздно. Теоретическое осмыс-

ление ее началось в XVIII веке, а закрепление, причем в урезанном виде, можно датировать началом XX века (1905–1906 гг.).

Каким образом быть с судом и судебной деятельностью? Хотя они и не включены в «ценностный список», но поставить вопрос вполне уместно: является ли суд, его деятельность традиционной ценностью России? Выполнял ли суд роль хранителя права и законности в отечественной истории – давней и не очень?

Обсуждение

Первый период. Начиная с первых исследований по истории русского суда (К.Е. Трощина, Ф.М. Дмитриев, К.Д. Кавелин) хрестоматийным стало утверждение об отсутствии в нашем Отечестве «чисто судебных инстанций» от времени «откуда есть пошла русская земля» и до Петра I [5].

Судебная, по своей природе, деятельность, то есть разрешение споров о праве гражданском или осуждение за совершенные преступления (как бы они не назывались: обида, лихое дело, воровство), была частью компетенции административных институтов, центральных и местных. Жалкое состояние государственных институтов, осуществлявших судебную деятельность до начала XVIII века, некоторые из которых даже носили название судебных приказов (например, Московский, Владимирский, Дмитровский и Рязанский) [6, с. 268; 7, с. 106], но судами «в чистом виде» по определению не являлись, были частью административной системы, не давало никаких шансов обнаружить в их деятельности не то что перспективы «судебного активизма», нормотворчества, но даже относительно самостоятельного толкования закона.

Как писал позднейший исследователь, «суд в Московском государстве отправлялся, так сказать, в порядке управления и далеко не порвал еще своих интимных связей с процессом правообразования. Благодаря этому, судебная власть не чувствовала под собой твердой почвы, так как, с одной стороны, в ее сферу постоянно происходило вторжение правительственных видов («как бы казне было выгоднее и людям не в разорение»), а с другой – судьям приходилось либо «законодательствовать», так сказать, на ходу («как их Бог вразумит»), либо возбуждать в

каждом отдельном случае перед высшей властью вопросы общего характера» [8, с. 103].

«Смешанный» характер компетенции административно-судебных институтов («нерушимое единство администрации и суда») дополнялся такой особенностью, явно не способствовавшей утверждению принципа равенства перед судом – «расщепленность личности» перед лицом «специализации» судебной юрисдикции. Действительно, в допетровский период доминировали «специализированные суды», а судебных инстанций «общей юрисдикции» не было по определению [9, с. 77]. К примеру, больше 50 приказов, существовавших в XVII веке, наряду с административной, осуществляли судебную деятельность. «На практике, – как отмечал историк Д.О. Серов, – все это оборачивалось полнейшей «судебной чересполосицей», когда один и тот же человек оказывался в поле взаимопересекающихся юрисдикций многих ведомств [9, с. 78]. Отсутствовало и единство в *судоустройстве* в различных местах, что не позволяет говорить о сложившейся судебной системе.

Наконец, и с области *судопроизводства* царил хаос: отсутствовал строго регламентированный порядок прохождения дел по инстанциям, что усложнялось возможностью обращения *напрямую* в любой судебно-административный орган, доминировало частное обвинение/иск на начальной стадии не только гражданского, но и уголовного процесса, нормы процессуального права не были систематизированы [9, с. 81].

Никакого даже намека на подготовку к судебной деятельности до XVIII века не было, не было образовательных учреждений (первое такое возникло только в 1724 г.) и, соответственно, ни о каких квалификационных требованиях к кадрам «судей» не было (это произойдет только в 1864 г.).

Следствием такого состояния судоустройства и судопроизводства была печально знаменитая «московская волокита», истребить которую оказались неспособны даже самые суровые властители. Драматизм картины судебной неразберихи дополнялся тотальным взяточничеством: служилые люди охотно брали «посулы», «поминки» и т. п. как в качестве администраторов, так и «судей». Законодательные запреты брать взят-

ки – от Псковской судной грамоты до Соборного уложения оказывались неэффективными против «сребролюбия» отечественных судей-администраторов [10, с. 140; 11, с. 11; 12, с. 42]. Впрочем, нередко взятка выступала лишь в качестве «смазки» для ускорения судебного процесса, преодоления «московской волокиты».

Иными словами, знаменитая статья 1 Главы X Соборного уложения 1649 г.: «Суд <...> судити бояром и окольными и думным людем и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая расправа делати всем людем Московского государства, от большего и до меньшого чину вправду. <...> и своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе ничего не прибавлявати, ни убавлявати, и ни в чем другу не дружити, а недругу не мстити и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных, и избавляти обидящего от руки неправедного» [13, с. 102] – закрепляла лишь благое пожелание, которое было весьма далеко от реалий того времени. До суда «скорого, правого милостивого и равного для всех» оставалось без малого 200 лет.

Второй период – с конца XVII века до 1864 г. – от петровской до Великой судебной реформы – характеризуется мучительным процессом движения русского суда к независимости, к отделению судебной власти от административной и одновременно к появлению в итоге корпорации юристов-профессионалов, действующих самостоятельно в своей обособленной юридической сфере, которая ранее находилась в руках администрации [14, с. 27-28].

Судебная деятельность стала осуществляться рядом «чисто» судебных инстанций, наделенных компетенцией, стремительно развивалось и процессуальное право. Общим трендом стало движение в сторону независимости суда.

Однако судебная деятельность и тогда не ценилась в политической культуре самодержавия. Ничем не стесненное властвование было его природной стихией; оно придавало российской монархии блеск и магнетизм, оно сделало возможным ее величайшие победы [15, с. 456]. Трудный полуторавековой путь русского суда к самостоятельности и независимости от администрации, начатый Пет-

ром I, сопровождался жесткой постановкой суда в прокрустово ложе *формального правоприменителя*. Даже толкование закона ему запрещалось. («...*право толкования закона есть зло*», – заявляла в «Наказе Уложенной комиссии» Екатерина II) [16, с. 41]. Это было очевидным выражением недоверия (заметьте, небезосновательного!) власти, да и не только власти, но и народа, к суду¹.

Впрочем, такое «захудалое» положение суда было неслучайным: закон не требовал, и судьи по-прежнему не имели, по общему правилу, юридического образования (до середины XVIII века его и получить-то было негде!); коррупция в суде была невероятная, о чем знали власть предержащие, поэтому даже не допускали мысли доверить судам возможность творить свое (судейское) право. Законы должны были применяться точно и буквально, ибо правители страны отдавали себе отчет в том, что «...легче создать хорошее законодательство, нежели сословие идеальных судей» [17, с. 748].

Каковы были направления, по которым шел процесс приобретения русским судом качеств цивилизованного судебного института [18]?

1-е направление – провозглашение принципа законности, необходимости соблюдения законов государства под страхом наказания, красной линией проходившего через законодательство от Петра I до Николая I. Внешним выражением этого направления стало водружение на стол в каждом присутственном месте (в том числе в суде!) зеркала с текстом указов «О хранении прав гражданских» (17 апреля 1722 г.), «О соблюдении благочиния во всех судебных местах» (21 января 1724 г.), о государственных уставах и их важности. 22 января 1724 г.) [19].

2-е направление – создание специальных «чисто» судебных институтов в ходе судебной реформы Петра (ландрихтеры, надворные суды), потом губернской реформы 1775 г. (палаты уголовного и гражданского

¹ В изданном в 1885 г. сборнике юридических пословиц и поговорок вы не найдете ни одной, в которой бы положительно говорилось о русском суде. См.: Юридические пословицы и поговорки русского народа. Опыт системного, по отделам права, собрания юридических пословиц и поговорок русского народа / сост. И. Иллюстров. М., 1885.

суда, уездные суды и др., всего 9 судебных инстанций), и, конечно, Сенат. Декабрьский акт 1717 г. о коллегиях выразил суть идеи выделения правосудия в *самостоятельную централизованную сферу* властной деятельности государства: «Юстиц-коллегиум – всякой суд во всех делах» [20].

3-е направление – *образовательная политика* – развитие юридического образования: с середины XVIII века вяло, с начала XIX в. – *широко* (юридические факультеты ряда университетов), с 30-х годов – *глубоко* (Училище правоведения!) [21–23]. К середине XIX века состав судов и прокурорского надзора характеризовался более высоким образовательным уровнем.

4-е направление – *очищение административной деятельности от судебных элементов* (невмешательство губернаторов в судебную деятельность). На протяжении полутора веков правители от Петра I до Николая I издали череду внутренне противоречивых актов, увещевавших губернаторов воздерживаться от вмешательства в судебную деятельность, и одновременно предоставлявших им же широкие полномочия в этой сфере².

Увы, несмотря на усилия власти, предпринимаемые в рамках всех четырех направлений, и в первой половине XIX века, по словам министра внутренних дел С.С. Ланского, «администрация ездил верхом на юстиции». В ту пору (1858 г.) еще молодой (30-летний) и еще не столь консервативный К.П. Победоносцев в одной из статей с сожалением заметил, что «у нас нет никакого правосудия». «Известно, – писал он, – что устройство судов в России находится в низкой степени, что все суды у нас в жалком положении. Необходимость реформы в этом отношении

становится с каждым днем все ощутимее...» [24, с. 33, 64]. Наиболее образно состояние российской юстиции выразил в 1847 г. сенатор К.Н. Лебедев, писавший, что человек, близко знавший российское правосудие, «может заболеть или помешаться: так оно отвратительно дурно» [25, с. 527].

Начало *третьего периода*, называемого в литературе «Золотым веком права», связано с Великой Судебной реформой 1864 г. Она принципиально изменила положение суда в государстве, отделив его от администрации, провозгласив создание независимой судебной власти, установив обязательность юридического образования для судей (а также иных участников процесса – следователей, прокуроров, адвокатов), создала условия для изменения роли суда в процессе нормотворчества. Реформа способствовала формированию у юристов уважения к своей профессии, осознания призвания, особого этоса, особой роли в обществе; юридическая профессия, наконец, обособилась [15, с. 455].

Судебная реформа 1864 г., перефразируя древнегреческий миф, в отличие от «ящика Пандоры», с которым в мифологии связывалось обрушение на людей всяческих бед, открыла, назовем это, «ящик Фемиды и Дике»³, из которого появились на свет Божий и стали достоянием народа такие блага, как независимый суд, принцип равенства перед судом, суд присяжных, право на защиту и профессиональная адвокатура и т. д. Впрочем, признаем, что и у этих правовых ценностей судебной деятельности была непростая судьба в названный период. Авторитарная власть не могла примириться с существованием на просторах Российской империи «судебной республики» (выражение известного консерватора М.Н. Каткова), немало сделала для их искажения в сторону «правительственного направления деятельности» (выражение генерал-прокурора Н.В. Муравьева) русского суда [26, с. 135].

Иными словами, «Золотой век русского права» оказался недолгим и завершился в октябре 1917 г.

Четвертый период – советский. После разрушения «мира насилия» новая власть

² Наставления губернаторам (21 апреля 1764 г.) // ПСЗ Собр. 1-е. Т. XVI. № 12137; Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // ПСЗ Собр. 1-е. Т. XX. № 14392. Впоследствии этот акт был дополнен законом 4 января 1780 г. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи, в коих столицы (№ 14960). В дальнейшем для удобства применения обе части были объединены. Указ Александра I О непреступлении губернаторами пределов власти, назначенных законами (16 августа 1802 г.) // ПСЗ Собр. 1-е. Т. XLI. № 20372; Общий наказ губернаторам от 3 июня 1837 г. // ПСЗ Собр. 2-е. Т. XII. № 10303; Общая инструкция генерал-губернаторам (29 мая 1853 г.) // ПСЗ Собр. 2-е. Т. XXVIII. № 27293.

³ Дике – согласно древнегреческой мифологии, дочь Фемиды, богиня справедливости.

обещала «новый мир построить». Можно было бы ожидать, что суд займет свое достойное место в государственном механизме, станет подлинно независимым. Увы, этого не случилось, более того, на долгие десятилетия партийная и советская власть обращались с судом как с техническим инструментом, служащим их стратегическим или сиюминутным целям.

У большевиков сформировалось двойственное отношение к суду: как революционеры они были за насилие, и здесь без суда с его суровыми приговорами не обойтись, но одновременно у них было очень обострено подозрительное отношение к самому суду как органу, профессионально действующему на основании закона. Отсюда происходит дилемма – *обожание карательной судебной функции* при нелюбви и подозрительности к самому суду как *юридическому институту*.

Практическим результатом этой двойственности станет весьма своеобразная политика партии по отношению к суду, его построению (избыточная вертикализация процессуальных связей), кадрам (партийность и социальное происхождение важнее образования), функционированию (упрощенчество и чрезвычайные процессуальные формы), в целом к его статусу (отсутствие независимости – в первые десятилетия, при формальном ее провозглашении в последние десятилетия советской власти) в советский период.

Еще у суда появились новые, социалистические функции: воспитательная и силовая, выражением которой стал лозунг «советский суд в борьбе с...» (преступностью, выпуском некачественной продукции, самогоноварением, хулиганством и т. д. и т. п.), кампании по борьбе с противниками индустриализации, коллективизации, а затем и против троцкистов и вообще всех «врагов народа».

Но самое главное, суд (и судьи) вписался в номенклатурную систему, начал жить по ее жестким законам, стал, по выражению А.Я. Вышинского, «судом партии» [27, с. 280]. Партийные органы так и не смогли найти разницу между «партийным руководством судами» (легализованное) и вмешательством в деятельность суда (запрещенное).

Защита социалистической законности в ее партийном понимании, а не защита прав личности стала главным смыслом судейской

деятельности [28]. Известный специалист в области судебного права В.М. Савицкий в начале 1990-х гг.⁴ как бы суммировал историю и современное состояние советского суда: «Несмотря на ряд серьезных практических мер, предпринятых в последние годы, наш суд в роли защитника прав человека выступить не в состоянии – он забит, принижен, им командуют все, кому не лень: и партийные функционеры, и местная советская власть, и прокуратура, и МВД, и КГБ. Этот суд боится всех – кого же он может защитить? ...И телефонное право – это не миф, как некоторые пытаются представить, а самая настоящая реальность. И не думайте, что судье грубо диктуют: осудить на столько-то лет или оправдать, – нет, сейчас все делается более тонко. Но, услышав по телефону партийный баритон, судья чутко улавливает все его интонации, ибо он полностью зависит от этого баритона» [29, с. 384].

Заключение

Подводя итог изложенному, хотелось бы привести слова В.А. Маклакова, одного из кадетских лидеров, блестящего адвоката и политика из его речи, произнесенной в Государственной Думе более ста лет назад, 2 мая 1912 г.: «Положение суда – это барометр, показывающий «погоду во всем государственном механизме». Где уважают закон, там уважают судью. Где закон действительно руководит государственной жизнью, там и судья – первое лицо в государстве»⁵. Увы, проблема «не вполне уважительного» отношения к закону как со стороны власти, так и русского народа, сознание которого было пропитано правовым нигилизмом, сочеталась и с весьма «страдательной ролью» суда в государственном организме на протяжении веков.

Р. Иеринг в своем классическом труде «Цель в праве» подчеркивал, что суд есть «принципиальное самоограничение государственной власти». Именно это обстоятельство обусловило *осторожно-подозрительное отношение* российского самодержавия к суду, судебной деятельности и к самим вершители-

⁴ Перестройка и права человека. Приложение к журналу «Новое время». М., 1988. Декабрь. С. 9.

⁵ Политические ораторы. Суд и политика. Речь В.А. Маклакова 2 мая 1912 г. // Судебные драмы. Т. XXVIII (1912 г.). Книга – июнь. Приложение. С. 3.

лям правосудия, которые, впрочем, надо признать, давали пищу для подобного рода подозрениям, прежде всего, своим неукротимым мздоимством.

Впрочем, короткий исторический отрезок 1864 г. – октябрь 1917 г., несмотря на все попытки и даже успешные шаги вернуть суд в административное стойло, – суд старался сохранить достоинство. Судебная деятельность стала автономной, юристы-профессионалы сформировали свой этос, прониклись чувством призвания.

Однако после 1917 г. следует констатировать формирование похожего отношения к суду, только на смену имперским «видам правительства» в качестве ориентира его деятельности пришли «виды партии». Все это в значительной степени обесценивало судебную деятельность.

Российское самодержавие в принципе относилось с подозрением к любым независимым группам, видя в них носителей оппозиции и крамолы. В иных формах, но одинаковым, по сути, было обращение партийно-государственной номенклатурной системы с судом и юридической профессией.

Отсюда наше утверждение, что судебная деятельность вследствие перечисленных драматических обстоятельств *пока не стала* в нашем Отечестве *традиционной ценностью*.

Начатая в конце 1980-х гг. судебная реформа, вернувшая полузабытые со времен «Золотого века права» общечеловеческие институты и принципы судостроительства и судопроизводства, внушает оптимизм [30], что через более или менее продолжительное время суд, его деятельность мы сможем назвать отечественной традиционной ценностью.

Список источников

1. Щенникова К.Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 159-164. <https://elibrary.ru/xvnavl>
2. Рудакова О.Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 97-99. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_97, <https://elibrary.ru/zzrqhm>
3. Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20-24. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24>, <https://elibrary.ru/kaafj>
4. Пушкарев Е.А. Правовое закрепление традиционных ценностей России // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. трудов Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, Волгоградская академ. Мин. внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 130-135. <https://elibrary.ru/rijowq>
5. Троцина К.Е. История судебных учреждений в России. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1851. 388 с.
6. Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – 1-й половине XVII в. // Исторические записки. М., 1987. Т. 115. С. 268-285.
7. Лисейцев Д.В. Судные приказы Московского царства в конце XVI – начале XVII века // Российская история. 2010. № 6. С. 106-114. <https://elibrary.ru/mwkhkh>
8. Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. Т. 1. 311 с.
9. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с. <https://elibrary.ru/raxvwv>
10. Седов П.В. Подношения в московских приказах XVII века // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139-150. <https://elibrary.ru/jexckh>
11. Андреев И. Всяк подьячий любит калач горячий // Родина. 1999. № 1. С. 10-15. <https://elibrary.ru/yxnsnv>
12. Сергеев К.О. Предпосылки формирования антикоррупционной политики и законодательства в Киевской Руси и Московском государстве (IX–XVII в.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 3 (16). С. 41-45. <https://elibrary.ru/pflnhd>
13. Российское законодательство в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юр. лит., 1985. 511 с.
14. Пашенцев Д.А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 27-34. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.41.1.03>, <https://elibrary.ru/oflnfx>
15. Уортман Р.С. Властители и судии. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 515 с. <https://elibrary.ru/qvxxwp>
16. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики / отв. ред. Н.С. Бондарь. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 384 с. <https://doi.org/10.12737/2134343>

17. Джанишев Г.А. О старом и новом направлении гражданской кассационной практики (Опыт критики) // Юридический вестник. 1881. № 4. С. 748-750.
18. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 3. Судостроительство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII – середина XIX века) / отв. ред. С.А. Колунтаев. М.: Норма, 2019. 672 с.
19. Краковский К.П. Российский абсолютизм XVIII – первой половины XIX в. и законность // Сословия и государственная власть в России. XV– середина XIX в. Междунар. конф. Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1994. Ч. 1. С. 230-237.
20. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Москва; Ленинград: Акад. наук СССР, 1945. Т. 1. № 263. 602 с.
21. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М.: Зерцало-М., 2010. 215 с. <https://elibrary.ru/qrlodod>
22. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2011. 277 с. <https://elibrary.ru/qspgch>
23. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010. 334 с. <https://elibrary.ru/xpbvvd>
24. Герцен А.И., Огарев Н.П. Голоса из России. М.: Наука, 1975. Вып. 4. 373 с.
25. Колмаков Н.М. Старый суд: очерки и воспоминания // Русская старина. 1886. № 12. 782 с.
26. Краковский К.П., Соломко З.В. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 5. Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / отв. ред. С.А. Колунтаев. М.: Норма, 2020. 696 с. <https://elibrary.ru/zrplgg>
27. Соломон П.Х. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998. 464 с. <https://elibrary.ru/qqswwd>
28. Сырых В.М. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 6. Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы) / отв. ред. С.А. Колунтаев. М.: Норма, 2022. 664 с.
29. Савицкий В.М. От дефицита гарантий – к правовой защищенности личности // Право и власть. М., Прогресс, 1990. С. 383-397.
30. Шахрай С.М., Краковский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы 1864 г. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.

References

1. Shchennikova K.Yu. (2017). Traditional values as a factor of conservation and unity of modern Russia. *Vlast'*, vol. 25, no. 1, pp. 159-164. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvnavl>
2. Rudakova O.N. (2023). Legal support of traditional values as the basis of constitutional values. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 4 (220), pp. 97-99. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_97, <https://elibrary.ru/zqrqhm>
3. Permilovskii M.S (2023). Traditional Russian spiritual and moral values and Russian constitutional values: the dogmatic correlation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, no. 11, pp. 20-24. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-11-20-24>, <https://elibrary.ru/kaafly>
4. Pushkarev E.A. (2023). Legislation of traditional values of Russia. *Sbornik trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava» = Collection of Works of All-Russian Scientific and Practical Conference “Relevant Issues of Private and Public Law”*. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia Publ., pp. 130-135. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rjowq>
5. Trotsina K.E. (1851). *History of Judicial Institutions in Russia*. St. Petersburg, Tipografya E. Veimara Publ., 388 p. (In Russ.)
6. Knyaz'kov S.E. (1987). Court orders in the late 16th – first half of the 17th century. *Historical Notes*. Moscow, vol. 115, pp. 268-285. (In Russ.)
7. Liseitsev D.V. (2010). The judicial prikazy (central administrative bodies) in the Moscovite Tsardom, late 16th – early 17th centuries. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 6, pp. 106-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mwkhhan>
8. Davydov N.V., Polyanskii N.N. (eds.). (1915). *Judicial Reform*. Moscow, Ob'edinenie Publ., vol. 1, 311 p. (In Russ.)
9. Serov D.O. (2009). *Judicial Reform of Peter the Great*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 488 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/raxvvv>

10. Sedov P.V. (1996). Offerings in Moscow orders of the 17th century. *Otechestvennaya Istoriya*, no. 1, pp. 139-150. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jexckh>
11. Andreev I. (1999). Every podyachy loves a hot kolach. *Rodina*, no. 1, pp. 10-15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yxnsvn>
12. Sergeev K.O. (2012). Preconditions of formation of anti-corruption policy and the legislation in Kievan Rus and the Muscovy (9th-17th centuries). *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, no. 3 (16), pp. 41-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pflnhd>
13. Man'kov A.G. (executive ed.). (1985). *Russian Law in 9 vols. Vol. 3. Acts of Zemstvo Councils*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 511 p. (In Russ.)
14. Pashentsev D.A. (2021). State transformations of Peter's time through the prism of the historical and anthropological theory of law (to the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire). *Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki" = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 1 (41), pp. 27-34. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.41.1.03>, <https://elibrary.ru/oflnfx>
15. Wortman R.S. (2004). *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Moscow, New Literary Observer Publ., 515 p. <https://elibrary.ru/qvxwvp>
16. Bondar' N.S. (executive ed.). (2024). *Judicial Jurisprudence: from Doctrine to Uniformity of Judicial Practice*. Moscow, Norma INFRA-M Publ., 384 p. <https://doi.org/10.12737/2134343>
17. Dzhanshiev G.A. (1881). On the old and new direction of civil cassation practice (practical experience). *Yuridicheskii Vestnik*, no. 4, pp. 748-750. (In Russ.)
18. Koluntaev S.A. (executive ed.). (2019). *The History of Court in Russia: in 9 vols. Vol. 3. Judicial System and Legal Proceedings during the Formation and Development of Absolutism (Late 17th – Mid-9th Centuries)*. Moscow, Norma INFRA-M Publ., 672 p. (In Russ.)
19. Krakovskii K.P. (1994). Russian absolutism of the 18th – first half of 19th centuries, and legitimacy. *Mezhdunarodnaya konferentsiya Chteniya pamyati akademika L.V. Cherepnina "Sosloviya i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. XV – seredina XIX v." = International Conference Readings in Memory of Academician L.V. Cherepnin "Estates and State Power in Russia of the 15th – Mid-19th century"*. Moscow, pt 1, pp. 230-237. (In Russ.)
20. Voskresenskii N.A. (1945). *Legislative Acts of Peter the Great*. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., vol. 1, no. 263, 602 p. (In Russ.)
21. Tomsinov V.A. (2010). *Legal Education and Jurisprudence in Russia in 18th Century*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 215 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrlldod>
22. Tomsinov V.A. (2011). *Legal Education and Jurisprudence in Russia in the First Third of the 19th Century*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 277 p. <https://elibrary.ru/qspgch>
23. Tomsinov V.A. (2010). *Legal Education and Jurisprudence in Russia in the Second Third of the 19th Century*. Moscow, Zertsalo-M, 334 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xpbvvd>
24. Gertsen A.I., Ogarev N.P. (1975). *Voices from Russia*. Moscow, Nauka Publ., issue 4, 373 p. (In Russ.)
25. Kolmakov N.M. (1886). Old court: essays and memoirs. *Russkaya Starina*, no. 12, 782 p. (In Russ.)
26. Krakovskii K.P., Solomko Z.V. (2020). *History of Court and Justice in Russia: in 9 vols. Vol. 5. Judicial System and Legal Proceedings during Counter-Reforms in the Age of Bourgeois Revolution (1881 – October of 1917)*. Moscow, Norma Publ., 696 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zrplgg>
27. Solomon P.H. (1998). *Soviet Criminal Justice Under Stalin*. Moscow, ROSSPEN Publ., 464 p. <https://elibrary.ru/qqswwd>
28. Syrykh V.M. (2022). *History of Court and Justice in Russia: in 9 vols. Vol. 6. Judicial System and Legal Proceedings of the RSFSR during the Period of the Formation of Soviet Power (1917–1920)*. Moscow, Norma Publ., 664 p. (In Russ.)
29. Savitskii V.M. (1990). From the deficit of guarantees to the legal protection of the individual. *Pravo i Vlast'*. Moscow, Progress Publ., pp. 383-397. (In Russ.)
30. Shakhrai S.M., Krakovskii K.P. (2014). *The Judgment is Swift, Righteous, Merciful and Equal for All. On the 150th Anniversary of the Judicial Reform of 1864*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 536 p. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 28.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 01.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.191

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-492-501>

Шифр научной специальности 5.1.1

Институт юридического лица и его развитие в представлении П.И. Стучки

© БОРИСОВ Андрей Маркович,

кандидат исторических наук, доцент, Председатель Курского регионального отделения, ООО «Ассоциация историков права», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 29, <https://orcid.org/0000-0002-7475-1099>, andrei_borisov@mail.ru

Аннотация

Обсуждение проекта Гражданского кодекса Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и самого акта после его принятия в научной юридической публицистике повлекло появление многих книг и статей, авторы которых затрагивали, в том числе, проблему юридического лица. Правовые институты претерпевали существенные изменения в сравнении с их трактовкой в дореволюционном российском праве, что требовало теоретического обоснования институциональных перемен. Институту юридического лица было посвящено немного норм, введенных в гражданское законодательство Советской России к 1923 г., и в некоторых трудах П.И. Стучка представил свой взгляд на юридическое лицо, как на новый субъект прав. Из анализа его работ следует, что он использовал сравнительно-правовой метод при раскрытии опыта отражения в правовых теориях и законах европейских стран псевдоперсоны, признавал фиктивность юридического лица и давал обоснованные критические комментарии. Однако одновременно им допускались противоречащие друг другу оценки, не по всем элементам теории юридического лица были представлены ясные и однозначные пояснения, в частности, по вопросам о значении труда и представления интересов юридического лица во внешних правоотношениях с его участием. Сделан вывод о том, что юридическое лицо представляет собой, кроме формы объединения лиц или имуществ, форму объединения и юридического обособления трудовой функции работников и самого их труда.

Ключевые слова

Гражданский кодекс РСФСР, право собственности, советское право, субъект права, теория права, юридическое лицо

Для цитирования

Борисов А.М. Институт юридического лица и его развитие в представлении П.И. Стучки // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 492-501. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-492-501>

The institute of legal entity and its development in the representation of P.I. Stuchka

© Andrey M. BORISOV,

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Chairman of the Kursk Regional Branch, LLC “Association of Historians of Law”, 29 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7475-1099>, andrei_borisov@mail.ru

Abstract

The discussion of the draft Civil Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic and the act itself after its adoption in scientific legal journalism led to the appearance of many books and articles, the authors of which touched upon, among other things, the problem of a legal entity. Legal institutions underwent significant changes in comparison with their interpretation in pre-revolutionary Russian law, which required theoretical justification for institutional changes. The institution of a legal entity was the subject of a few norms introduced into the civil legislation of Soviet Russia by 1923, and in some works P.I. Stuchka presented his view of a legal entity as a new subject of rights. From the analysis of his works it follows that he used the comparative legal method in revealing the experience of reflection in legal theories and laws of European countries of a pseudo-person, recognized the fictitiousness of a legal entity and gave well-founded critical comments. However, at the same time, they allowed for contradictory assessments; not all elements of the theory of a legal entity were provided with clear and unambiguous explanations, in particular on issues of the significance of labor and representation of the interests of a legal entity in external legal relations with its participation. The author comes to the conclusion that a legal entity represents, in addition to a form of association of persons or property, a form of association and legal separation of the labor function of employees and their labor itself.

Keywords

Civil Code of the RSFSR, ownership, Soviet law, law subject, law theory, legal entity

For citation

Borisov, A.M. (2024). The institute of legal entity and its development in the representation of P.I. Stuchka. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 492-501. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-492-501>

Введение

Петр Иванович (Петерс Янович) Стучка (1865–1932) известен как писатель, революционер, правовед, политический и государственный деятель РСФСР, Латвийской Советской Социалистической Республики (17 декабря 1918 г. – 13 января 1920 г.) и СССР. Его научное наследие охватывает несколько отраслей права и криминологию. При его деятельном участии разрабатывались две конституции РСФСР (1918 г. и 1925 г.) и Конституция СССР (1924 г.), ряд первых декретов, кодексов, иных подзаконных правовых актов [1, с. 79-88].

Как один из разработчиков Гражданского кодекса РСФСР (далее – ГК РСФСР) П.И. Стучка в своих работах выражал мнение о субъектах права, в том числе о юридическом лице, основываясь на известных воззрениях зарубежных и российских правове-

дов, а также законах некоторых государств. Однако он понимал насущную потребность в новых подходах к созданию нового, социалистического права, обоснованию его институтов, происходящих от дореволюционных аналогов, но во многом принципиально от них отличных.

В рамках научного дискурса о фигуре юридического лица заслуживает внимания позиция ученого, согласно которой количественные и качественные изменения собственности в определенной мере обусловили изменение взглядов на участников правоотношений, связанных с проявлениями коллективной личности. Однако, соглашаясь с мнением об определенной коллективистской и имущественной сущности юридического лица, как и многие другие правоведы, П.И. Стучка не развивал темы обособления

труда и особенностей выступления юридических лиц во внешних отношениях.

Результаты исследования, обсуждение

В работе 1924 г. «Революционная роль права и государства» ученый указывал, что субъектом права может быть всякое правоспособное лицо, как физическое, так и юридическое, и дал определение юридического лица по статье 13 ГК РСФСР, подчеркнув, что субъект права может быть как активным (правомочным), так и пассивным (правообязанным) [2, с. 108].

Позднее в третьем томе первой советской «Энциклопедии государства и права» (далее – Энциклопедия) он показал, что юридическое лицо может пониматься в широком и узком смысле. В первом случае это юридическая личность, субъект права и буржуазно-правовая абстракция. В узком смысле – это субъект права, состоящий «из совокупности лиц или имуществ, вернее правовых организаций, удовлетворяющих известным законным условиям, как-то: общества, предприятия, заведения, учреждения и т. д.» [3, стб. 1593]. Одновременно уточнялось, что это юридическая фикция, правовое представление или воображение, воля которого, как и воля недееспособных индивидов, «заменяется волею его представителя» [3, стб. 1593]. Пояснялось, что для «обыкновенного смертного» противопоставление такого «правового человека» физическому (естественному) лицу, живому человеку, гражданину может показаться несколько диким, и приводился пример отказа германских законодателей использовать в гражданском кодексе термин «юридическое лицо» при упоминании государства и общества, которым было предоставлено право быть субъектами гражданского или хозяйственного права [3, стб. 1594].

Некоторую неопределенность позиции проявляют положения о широком и узком смыслах понимания юридического лица, поскольку в обоих случаях – это субъект права, но в первом – это буржуазно-правовая абстракция, а во втором – исчезли характеристики политического свойства и абстрактности. Да и вряд ли можно отрицать, что в любом из этих смыслов, даже в «буржуазно-правовой» интерпретации юридическое лицо – это «правовая организация, удовлетворяющая известным законным условиям».

В кратком изложении теоретических споров, в том числе о фикции, мы находим мнение о том, что физическое лицо в юридическом смысле есть «абстракция от живого человека», а социальные союзы, создаваемые человеком, приравниваются к этой фикции абстрактного лица.

Сделаем небольшое отступление: рассуждая логически, юридическое лицо в соответствующих теоретических построениях есть не просто фикция, подобная физическому лицу, а двойная юридическая фикция.

Критически оценивал П.И. Стучка многие теории юридического лица: теорию социальных функций, по которой юридическое лицо «получает свои качества лица только от закона и при условии постановления о том закона» [3, стб. 1594], как и лицо физическое; теорию защищенного реального интереса Р. Иеринга, не ушедшую далеко от теории целевого имущества, и выдвигавшую на первый план живых людей как «дестинаторов права»¹, которым эта организация дана для удобства; соглашаясь с французской теорией М. Планиоля (теория коллективного имущества), ученый посчитал необходимым дополнить ее соображением «о лице, как о персонификации, представителе экономической ячейки, индивидуальной или коллективной» [3, стб. 1595].

Вероятно, тут подразумевалась персонификация коллективного имущества, что, собственно, и произошло с принятием ГК РСФСР, признавшем предприятия имуществом в статье 22 и их же юридическими лицами в статье 13. Однако, имея в виду возможность коллективного участия в создании юридического лица, допустимо говорить о персонификации такого коллектива.

Не вполне ясно дано объяснение того, что после Октябрьской революции вопрос о юридическом лице «отпал», поскольку существовало «единое нар. хозяйство в госуд. масштабе: национализация (см.) всего хозяйства» [3, стб. 1596], и при проведении новой экономической политики (далее – нэп) «это централизованное хозяйство было разбито на экономические ячейки, допуская рядом с на-

¹ Малый энциклопедический словарь: в 4 т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 2. С. 1501.

ционализацией, и хозяйствование частных лиц» [3, стб. 1594].

Переходя к нормам о юридическом лице, П.И. Стучка, участвовавший в разработке ГК РСФСР, недоумевает по поводу признания в статье 15 юридическими лицами частных больниц, музеев и др. учреждений, публичных библиотек и т. д.: «Для каких практических целей у нас потребовалось это последнее расширение понятия Ю. л., трудно сказать» [3, стб. 1594].

Соотнося вышеприведенные тезисы, мы обнаруживаем противоречивость взглядов – сначала допускается «хозяйствование частных лиц» в условиях нэпа, но затем автор отказывается понимать необходимость признания юридическими лицами ряда частных образований.

Ниже он заключает, что потребность и смысл фикции абстрактного юридического лица у нас отпадают при подходе к нему с «конкретной меркой»: кто скрывается за ним, государственные учреждения или частные лица? каков его личный состав в последнем случае? Если в буржуазном праве эта схема анонима для акционерных обществ (владельцы акций – анонимные лица), то в советском праве важным является требование сведений о лицах (кто эти лица, к какому классу относятся), образовавших юридическое лицо. Исходя из этих соображений, высказывать мысль о бесцельности и отсутствии необходимости в расширении области применения понятия юридического лица. Но «конкретная мерка», избавляя от неизвестности лиц, создающих юридическое лицо, не разрешает основного вопроса, ибо очевидно, что даже наличие полной информации об участниках юридического лица, получаемой уполномоченными регистрирующими органами, не устраняет его фиктивной природы.

Одновременно автор отмечал неразрешенность в ГК РСФСР вопросов о регистрации юридических лиц и юридической ответственности. В нем были определены особенности статуса трестов и синдикатов, частных обществ, полных, акционерных и уставных товариществ, иностранных юридических лиц, но оставался открытым вопрос о профессиональных союзах, партийных организациях, Коминтерне и его секциях, бюджетных го-

сударственных учреждениях, что вскрыла судебная практика [3, стб. 1597-1598].

Более развернутое и теоретически определенное изложение представлений о субъекте права было дано им в Курсе советского гражданского права (1929 г.), где пояснялось, что к физическим лицам приравниваются объединения лиц, учреждения (государственные, общественные и частные), представляющие коллективную личность и имеющие права юридических лиц, и вопрос о юридических лицах имеет особое значение [4, с. 36, 53]. Этой теме посвящена отдельная глава, повествующая не только о юридических лицах частного права, но и о юридических лицах публично-правового характера, к которым автор относил государство, уточняя, что в римском праве не было понятий субъект права и юридическое лицо, использовалось понятие *persona* [4, с. 63].

Связывая развитие понятия о лице как субъекте права с эволюцией института собственности и тонко подметив эту особенность общественных отношений, автор упоминал период, когда собственность родовая, общинная, государственная постепенно превращалась в индивидуальную, а рядом с индивидуальным лицом в оборот стало выступать коллективное лицо (совокупность лиц), чему предшествовало образование понятий совокупности вещей (стадо, библиотека, коллекция, склад товаров и т. д.): «Если отдельной вещи или товару соответствовала воля отдельного субъекта – владельца, то вещи, объединяясь, могли одновременно повлечь за собою и объединение лиц с объединением воли» [4, с. 64]. Не оставляя в стороне вопрос смены типа общественно-экономической формации, автор обратил внимание на то, что если ранее происходило развитие отношений частной собственности, то современность отличает обратный процесс, процесс свертывания права частной собственности в пользу новой, общественной [4, с. 66-67].

По поводу известных теорий П.И. Стучка отмечал разнообразие названий коллективной личности (моральное, мистическое, фиктивное, фингированное лицо) и подчеркивал, что эти теории не создают и не изменяют факта юридического лица, а лишь по-своему пытаются объяснить его. Он подчеркнул правоту Р. Иеринга, относившего «юри-

дическое лицо к одной технической форме права» [4, с. 72], и считал, что суть юридического лица состоит в объединении имуществ, без которых его нет как такового [4, с. 74], а после революции этот вопрос не имел особого значения, хотя понятие «юридическое лицо» впервые использовано в декрете об отделении церкви от государства².

За повторением тезиса Энциклопедии о разделении с переходом к нэпу централизованного хозяйства на экономические ячейки [4, с. 75] П.И. Стучка указывал, что при этом стало допускаться хозяйствование частных лиц, и перемены, связанные с нэпом, нашли отражение в ГК РСФСР, определив появление в законодательстве норм о юридическом лице. Этого требовало и вовлечение индивидуальных хозяйств в процесс коллективизации (кооперация, колхозы и т. п.), разделение хозяйства страны на автономные организации с собственным бюджетом, акционирование госпредприятий, превращение учреждений, в том числе общин как земельных обществ, в самостоятельных лиц частного-правового или полупублично-правового характера с тенденцией к социализации [4, с. 75-76].

Соглашаясь с мнением Е.А. Лариной о том, что «Любые коллективы людей не могут существовать и развиваться без соответствующего регулятора» [5, с. 24], мы оцениваем 20-е годы как период возникновения множества трудовых коллективов, и фактически правовой институт юридических лиц оказался востребован именно как регулятор отношений объединенного труда, но в форме, отличной от той, которая реализовывалась в буржуазных государствах.

Автор признавал использование буржуазных кодексов для включения в ГК РСФСР норм («пара статей») о юридическом лице, обосновав это тем, что в сложившемся положении надо было «на первое место поставить юридическое лицо, начиная с государ-

ства» [4, с. 76-77], а работа государственно-го сектора, действующего под формой государственных предприятий и учреждений, предполагала, что они в обороте взаимодействуют не только между собой, но и с частником и кооперативами. Их социалистический характер проявлялся прежде всего в производстве и отношениях с плано-регулирующими органами, а этих отношений гражданский кодекс не касался [4, с. 76-77].

Владея информацией о складывающейся в стране судебной практике, П.И. Стучка назвал недочеты, допущенные при разработке соответствующих норм ГК РСФСР: «неловкость» статей о юридических лицах (статьи 13–19а) привела к формальному непризнанию части реальных участников гражданского оборота юридическими лицами и образованию категории лиц, которых можно было бы назвать фактическими юридическими лицами. Отсюда потребность доработать законы и автор предложил ввести третью категорию юридических лиц (государственные учреждения на госбюджете), «формально ограниченных, но все же имеющих право искать в суде и обязанных отвечать» [4, с. 78-80].

Требуется некоторого уточнения вопрос о взглядах автора на государство в контексте признания его субъектом прав. В своей работе П.И. Стучка указывал на подчинение современного государства нормам гражданского оборота, обретение им вследствие этого статуса субъекта гражданского права [4, с. 66], но в этом тезисе имелось в виду государство капиталистической общественно-экономической формации. Перейдя к характеристике советского государства, ученый ясно определил, что оно не является субъектом гражданского или частного права, так как оно вступает в эти отношения, на что указывают и различные нормативные акты «в лице своих органов» [4, с. 80].

Однако этому умозаключению противоречит предыдущий тезис о постановке при работе над гражданским законодательством на первое место юридического лица, начиная с государства. Данное уточнение возвращает нас, например, к некоторым констатациям В.Б. Ельяшевича, касающимся бытовавших в Древнем Риме представлений о союзных образованиях как участниках общественных

² «12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют». См.: Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и постановлений Рабочего и Крестьянского Правительства 1917–1918 гг. № 18. М., 1942. Отд. I. Ст. 263. С. 286-287.

отношений. Мы отмечали противоречивые суждения В.Б. Ельяшевича о государстве, но им было ясно обозначено и доказано, что римское государство не являлось юридической личностью гражданского права [6, с. 161, 163-173]. Очевидно, П.И. Стучка, ссылающийся на работы В.Б. Ельяшевича, был знаком с его произведениями и выводами, и воспроизвел в своем Курсе советского гражданского права вышеприведенный концепт древнеримских юристов применительно к советскому государству. Эта проблема раскрывалась вместе с оценкой буржуазных юристов, которые признавали государство корпорацией, так как оно состоит из членов нации, но давали ему особое название – «казна», «фиск». Объяснение достаточно ясное: в Советской России «нет «частной собственности» государства, и потому оно не является субъектом гражданского права» [4, с. 81], но юридическими лицами могут быть признаны Советы как выполняющие одновременно функции органа самостоятельной местной власти и исполнительного органа центра. Исходя из сложившейся системы отношений, П.И. Стучка определил четыре группы лиц:

1) лица вообще (живые люди, граждане), обладающие гражданской правоспособностью;

2) приравненные к ним с некоторыми ограничениями юридические лица: объединения лиц, общественные организации или учреждения, и предприятия, получающие права юридических лиц в силу договора с момента регистрации (товарищества), в силу устава или положения с момента регистрации; в силу закона с саморегистрации (профсоюзы и, отчасти, партийные организации); в силу закона (общего закона) или особого положения без регистрации;

3) госучреждения на госбюджете (с ограничениями), действующие на основе особых законов;

4) общества и организации, созданные не в целях экономического оборота или прибыли, а в иных (культурных и т. п.) целях (клубы, литературные, артистические и пр. общества), не получившие прав юридического лица [4, с. 81].

Как мы видим, государство не упоминается в данной классификации, что объясня-

ется воззрениями советского ученого на государство как на классовую организацию человеческого общества или организацию господствующего класса или классовую организацию господства [7, с. 38-39, 67].

Отрицая анонимность отношений, автор повторно пишет, что у нас «потребность в фикции, в абстрактном юридическом лице отпадает, как только мы подходим к нему с конкретной меркой» [4, с. 82].

Опуская тезисы о моменте возникновения обязательств юридического лица, его «национальности» (вне зависимости от того, в каких странах действует юридическое лицо, она определялась местом нахождения основного первичного предприятия или органа), об определении объема прав и обязанностей, о двояком характере отношений (между членами предприятия и между предприятием и вышестоящим органом – внутренние, с другими лицами – внешние), о материальной ответственности [4, с. 84-88], обратимся к главе четвертой «Отдельные виды юридических лиц».

Для этой категории лиц П.И. Стучка обозначил ряд классифицирующих признаков: характер имущества (по нему юридические лица подразделялись на капиталистические, кооперативные, социалистические; преследуемые цели (наем квартир, издательское дело и т. д.); способ объединения или образования (акционерное общество, полное товарищество, больницы, музеи, библиотеки, учебные учреждения и т. п.); порядок образования. Каждая из этих групп может быть разделена по иным признакам (вид деятельности, учредитель и т. п.) [4, с. 88-89].

В пятой главе повествуется об объединениях и организациях, основанных не на имущественном интересе, и к ним отнесены образовательные и научные организации, политические, благотворительные, профсоюзы, партийные организации, дома крестьянина, земельные или крестьянские общества, церкви (к ним запрещено применять начала юридического лица), и которые не имеют целей извлечения прибыли. Шестая глава посвящена кооперативным организациям и их объединениям.

В главе седьмой «Юридические лица, представляющие госсобственность» характер имущества, был назван первым классифици-

рующим признаком, был отмечен факт существования социалистической собственности с частной собственностью, что проявляли нередкие факты участия государственной собственности в обороте на основе сделок, договоров, и это также определяло необходимость решения вопроса о юридическом лице.

Изложение материала начинается с характеристик, присущих государству, и указывается, что в буржуазных странах теория личности приравнивает государство к лицу, государство имеет «частное право собственности», и по делам, связанным с этим правом, оно признается право- и дееспособным юридическим лицом. Однако в социалистическом советском государстве в условиях нэпа (здесь мы видим оставление за рамками рассмотрения вопроса период с 1917 до 1921 г.) наряду с правом социалистической собственности существует право частной собственности, и в отношении первого нельзя вести речь в гражданско-правовом смысле, ибо в этом случае юридизируется собственность иного рода [4, с. 119]. Государственная собственность в гражданском и торговом обороте не участвует как общая собственность, кроме редких случаев, а для гражданского оборота создана система хозяйствующих единиц – юридических лиц, участвующих и в публично-правовых, и в гражданско-правовых отношениях. Не называя авторов, П.И. Стучка отвергает «остроумную» теорию, по которой наркоматы не являются юридическими лицами, а являются только органами государства как юридического лица и субъекта гражданского права. Критикуя такой подход, он указывает, что тогда государство как юридическое лицо было бы недееспособным и приводит интересное допущение: государство само (в лице своей исполнительной власти) будет ходатайствовать перед собой (в лице судебной власти) на основании своих же нормативных установлений (принимаемые законодательной властью) [4, с. 120-121]. Автор повторяет прежде выраженное мнение: «в советско-правовом смысле государство не должно быть и не будет превращено в субъекта гражданского права, или это будет неестественное построение...» [4, с. 121].

Представляется, что идея состояла в признании социалистического государства обра-

зованием более высокого порядка, чем просто юридическое лицо, и такое государство распоряжается госсобственностью в порядке принятия актов публично-правового свойства – национализации, передачи полномочий по распоряжению имуществом низовым звеньям или передачи имущества другим государствам по международным, а не по гражданско-правовым договорам. Однако принимали их публично-правовые органы.

В последнем из немногих исследований политико-правовых взглядов П.И. Стучки – работе Е.В. Лебедева – определялась задача «сконструировать понимание П.И. Стучкой государства, его сущности, признаков и особых проблем» [8, с. 7], но автор не раскрыл в полном объеме этот вопрос, оставив за рамками исследования взгляды П.И. Стучки на государство как на субъекта права, в том числе в гражданско-правовом аспекте.

По ГК РСФСР наркоматы не обрели статуса юридических лиц, хотя в отношении ряда госорганов выражалась иная позиция – сельские, городские, поселковые, курортные советы, а также волостные, уездные и губернские исполнительные комитеты советов должны пользоваться и пользуются правами юридического лица. Отмечалась также юридическая неопределенность статуса Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и ЦИК Союза, которые не были зарегистрированы в качестве юридических лиц. Также выражалось мнение о том, что их президиумы «фактически являются в гражданском обороте юридическими лицами» [4, с. 121].

Данный тезис со всей очевидностью свидетельствует о подходе, не развернутом, но обозначающем требования в рамках реалистического правопонимания: 1) признание юридическим лицом фактического участника правоотношения; 2) признание таковым коллективного органа управления организацией. Следование этой идее выводит нас на аналогичные органы – правления обществ или трестов.

По вопросу о признании собственниками госимущества автор дал краткое описание подходов к делению юридических лиц публичного права немецкой, английской и французской национальных школ права. Немецкая – три группы – учреждения, кор-

порации и село, город, провинция и государство. Английская – юридическими лицами публичного права считаются не сами территориальные единицы, а их управления. Французская – три группы – административно-территориальные единицы, все остальные и государство [4, с. 122-123].

Автор также обратил внимание на взгляд А.В. Венедиктова [9], «которому принадлежит честь первой и вполне ясной и сознательной формулировки двух основных мыслей этой проблемы» [4, с. 123]: первая – между регулирующим или планирующим органом и регулируемым не может (не должно) быть отношений частно- или гражданско-правовых, но с прочими юридическими лицами они пользуются равными с правами этих лиц правами; вторая – государственная собственность, отведенная для гражданского оборота, отождествляться с частной собственностью до ее перехода в собственность частного лица не может [4, с. 123]. Но выводы по этим вопросам П.И. Стучка назвал недостаточно последовательными и решительными.

Раскрывая особенности юридических лиц, в том числе по С.А. Муромцеву и В.Б. Ельшечичу, он отмечал, что нормам гражданского оборота подчиняется современное государство, и это делает из него юридическое лицо гражданского права, что союзы выступают как истцы и ответчики через особые органы, через особых своих представителей [4, с. 66-67]. Так, после глав о преемстве лица и разъединении единого субъекта права (соответственно, главы 8 и 9) раскрыты вопросы представительства (глава 10), где представителем называется «тот, кто совершает, заключает сделку не от своего имени, не для себя, а за другого, представляя или заменяя этого другого» [4, с. 155].

Суть концепта отвечала нормам ГК РСФСР: представитель действует не от своего имени, а от имени юридического лица. Органы юридических лиц (обществ и товариществ) отнесены к представителям, назначенным по закону. Опуская тему представительства в виде ликвидационных органов, по договорам или доверенностям, подчеркнем, что мнение выражено ясно – представитель юридического лица – это его орган (управления). К тому же автор обращал внимание на

искусственность конструкции, предложенной А.Г. Гойхбаргом, считавшим, что представитель юридического лица «представляет собою как бы это самое юридическое лицо» [4, с. 156].

Рассмотрев некоторые существующие теории представительства, а также ответственности, автор указывал на определение прав и обязанностей органов юридического лица законом, уставом или договором, и в этих пределах они заменяют недееспособное юридическое лицо и осуществляют свои права и обязанности без особых доверенностей [4, с. 163]. Что касается представления интересов профессиональных союзов, то подчеркнуто, что эти отношения относятся к сфере трудового, а не гражданского права.

Заключение

Обратив внимание на термин «физическое лицо» и условность его использования в праве как юридически фиктивной конструкции, представляющей неопределенного живого человека, П.И. Стучка такой же юридической фикцией определил и коллективную личность, приравняваемую в правах к лицу физическому. Логически развивая данное соображение, нетрудно увидеть в фигуре юридического лица двойную юридическую фикцию.

Встречаются тезисы, недостаточно ясно излагающие мысль автора применительно к теории коллективной личности: неясно, на персонификацию чего было нацелено внимание ученого. Дополнение о субъекте права как персонификации коллективной экономической ячейки несет в себе идею персонификации экономического союза коллектива людей, а не имуществ, или людей и имуществ. Также не получил развития вопрос о воле юридического лица, воле его представителя.

Несогласие с мнением других создателей ГК РСФСР проявилось в том, что П.И. Стучка, очевидно, не находил оснований для отнесения частных больниц, музеев и т. п. к категории юридических лиц и расширения сферы применения этого правового института, в чем можно увидеть недооценку значения хозяйственной деятельности частных учреждений.

Ученый признавал пробельность и недостатки ГК РСФСР в части определения

юридического лица, которое относилось к промышленным предприятиям, публичным библиотекам и т. п., но не охватывало всех фактических участников гражданского оборота (иные организации). Оговорив необходимость при его разработке поставить на первое место юридическое лицо, начиная с государства, П.И. Стучка все же исключил советское государство из числа участников гражданско-правовых отношений. Выделяя два вида юридических лиц – частного и публичного права, и относя к последним государство и иные государственные образования (государство – субъект публично-правовых отношений), он к субъектам гражданского права относил государства капиталистической формации, исключая признание таковым советского государства из-за отсутствия в нем частной собственности на средства производства и его вступления в гражданско-правовые отношения через свои органы – советы различного уровня. Некоторые теоретические рассуждения, в частности об утрате смысла фикции юридического лица, противоречат комментариям, в которых автор следует нормам ГК РСФСР.

Происхождение коллективного лица в прошлом автор логически связывал с появлением у людей понятий о совокупности вещей, уточняя их разновидности – стадо, библиотека и т. п., а суть его (юридического лица) сводил к объединению имущества. По мнению П.И. Стучки, если ранее эволюционировал институт частной собственности, то современность (начало XX века) отличало развитие отношений общественной собственности, и в социалистическом государстве наряду с правом социалистической собственности признавалось право частной собственности. Однако в отношении первой недопустимо регулирование связанных с ней отношений гражданско-правовыми нормами, так как

социалистическая государственная собственность не участвует в гражданском и торговом обороте (по аналогии с общей собственностью по римскому праву), кроме отдельных, предусмотренных законом случаев. Эти отношения регулируются в основном нормами публичного права.

Концепция представления интересов юридического лица в ее описании П.И. Стучкой состояла в том, что представитель юридического лица – это его орган, который действует не от своего имени, а от имени юридического лица. Однако им выражались мысли об органе управления как о фактическом юридическом лице, и не было дано более подробное изложение видов возможных представителей юридического лица, не была охарактеризована их фактическая роль в правоотношениях, в том числе в части, касающейся воли.

Повторимся, сущностное предназначение юридического лица состояло в фактическом объединении и юридическом обособлении имущества, осуществляемых по закону, или объединениями людей – участниками юридического лица. Объединяемый в фигуре юридического лица труд работников, труд, как одной из фундаментальных категорий марксистской теории, которой старался придерживаться автор, не подразумевался. Но если связать вопрос о работниках с собственностью в виде результатов их труда, то становится очевидным, что это новое имущество не возникает само по себе. Оно возникает после приложения к первичным имуществам труда. Тогда юридическое лицо предстает также в форме объединения и обособления труда. Данное соображение, отличное от экономической теории разделения труда, никем не высказываемое в 20–30-е гг. XX века, вполне применимо к самым различным предприятиям, учреждениям и организациям.

Список источников

1. Шахрай С.М., Краковский К.П. Юристы и революция: Pro et Contra. М.: Кучково поле, 2017. 552 с.
2. Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве. 3-е, пересмотр. и доп. изд. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1924. 140 с.
3. Энциклопедия государства и права: в 3 т. Т. 3 / под ред. П.И. Стучка. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1927. 1670 стб.
4. Стучка П.И. Курс советского гражданского права: в 3 т. Т. 2: Общая часть гражданского права. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1929. 376 с.

5. Ларина Е.А. Феномен «юридической силы»: методологические подходы // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 22-38. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-22-38>, <https://elibrary.ru/ceggow>
6. Борисов А.М. Эволюция союзных форм деятельности человека и взгляды русских юристов на проблему юридического лица в праве. М.: Юрлитинформ, 2023. 272 с. <https://elibrary.ru/weyvvdw>
7. Стучка П.И. Учение о советском государстве и его конституции СССР и РСФСР. Изд. 6-е., перераб. Москва; Ленинград: Гос. изд-во; Печатный двор, 1929. 311 с.
8. Лебедев Е.В. Политико-правовые взгляды П.И. Стучки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2024. 30 с.
9. Венедиктов А.В. Организационная структура государственных предприятий: Доклад // Революция права. М., 1928. № 5 (сентябрь–октябрь). С. 67-91. Прения по докладу: Л.Я. Гинцбург, А.П. Павлов, С.М. Прушицкий, П.И. Стучка; Заключительное слово А.В. Венедиктова.

References

1. Shakhrai S.M., Krakovskii K.P. (2017). *Lawyers and Revolution: Pro et Contra*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 552 p. (In Russ.)
2. Stuchka P.I. (1924). *The Revolutionary Role of Law and the State: General Doctrine of Law*. Moscow, Communist Academy Publ., 140 p. (In Russ.)
3. Stuchka P.I. (ed.). (1927). *Encyclopedia of State and Law: in 3 vols. Vol. 3*. Moscow, Communist Academy Publ., 1670 clm. (In Russ.)
4. Stuchka P.I. (1929). *Course of Soviet Civil Law: in 3 vols. Vol. 2: General Part of Civil Law*. Moscow, Communist Academy Publ., 376 p. (In Russ.)
5. Larina E.A. (2021). The phenomenon of “legal force”: methodological approaches. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 5, no. 17, pp. 22-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-22-38>, <https://elibrary.ru/ceggow>
6. Borisov A.M. (2023). *Evolution of Union Forms of Human Activity and the Views of Russian Lawyers on the Problem of a Legal Entity in Law*. Moscow, Urlitinform Publ., 272 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/weyvvdw>
7. Stuchka P.I. (1929). *The Doctrine of the Soviet State and Its Constitution of the USSR and the RSFSR*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Publ., Pechatnyi dvor Publ., 311 p. (In Russ.)
8. Lebedev E.V. (2024). *Political and Legal Views of P.I. Stuchka. Cand. Sci. (Law) diss. abstr.* Moscow, MSU Publ., 30 p. (In Russ.)
9. Venediktov A.V. (1928). Organizational structure of state-owned enterprises: Report. *Revolution of Law*. Moscow, no. 5 (September–October), pp. 67-91. Debate on the report: L.Ya. Gintsburg, A.P. Pavlov, S.M. Prushitskii, P.I. Stuchka; Final words by A.V. Venediktova. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 30.10.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-502-509>

Шифр научной специальности 5.1.1

Эволюция законодательства о пенсионном страховании в Германии и Австрии в XIX–XX вв.: «болевые точки» и пути их преодоления

© СИРОТКИНА Евгения Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-8905-6996>, ResearcherID T-2244-2019, evgsirotkina@yandex.ru

Аннотация

Изучен процесс формирования систем социального пенсионного страхования в Германии и в Австрии в XIX–XX веках. Отмечено, что эпоха индустриализации привела к существенным социальным изменениям, которые повлекли за собой потребность создания систем пенсионного обеспечения, которые бы смогли обеспечить потребности слабозащищенных групп граждан – инвалидов и стариков. Исследован вопрос о том, как системы социального пенсионного страхования складывались в Германии и в Австрии в условиях «задерживающейся» индустриализации и анализируются подходы к формированию систем пенсионного обеспечения. Целью исследования является изучение «поисков» австрийских и германских законодателей при создании оптимальной системы социального пенсионного страхования. Пенсионное страхование по инвалидности и старости в истории Германии связано с социальными реформами канцлера Отто фон Бисмарка. В Австрийской империи поиск в этом направлении начался еще в годы правления Марии Терезии (1740–1780 гг.) и Иосифа II (1780–1790 гг.) и продолжился в партийных концепциях и парламентских баталиях австрийского парламента в начале XX века. Современный вид пенсионные законодательства Австрии и Германии приобрели после падения фашистских режимов. Сделан вывод о том, пенсионное страховое законодательство в Германии и Австрии в конце XIX – первой половине XX века развивалось в условиях острой политической борьбы и поиска оптимальных вариантов. Практическая значимость исследования заключается в изучении положительного и отрицательного опыта систем социального пенсионного страхования, которые сложились и продолжают действовать в Германии и в Австрии и в настоящее время.

Ключевые слова

социальное пенсионное страхование, Германия, Австрия, индустриализация, социальные противоречия

Для цитирования

Сироткина Е.В. Эволюция законодательства о пенсионном страховании в Германии и Австрии в XIX–XX вв.: «болевые точки» и пути их преодоления // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 502–509. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-502-509>

The evolution of pension insurance legislation in Germany and Austria in the 19th–20th centuries: “pain points” and ways to overcome them

© Evgeniya V. SIROTKINA,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department of Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-8905-6996>, ResearcherID T-2244-2019, evgsirotkina@yandex.ru

Abstract

The process of development of pension insurance system in Germany in Austria in 19th and 20th centuries is studied. It is highlighted that the era of industrialization led to significant social changes, which entailed the need to create pension systems that would be able to meet the needs of vulnerable citizens groups – the disabled and the elderly. The research examines the question of how social pension insurance systems developed in Germany and Austria in the context of “delayed” industrialization and analyzes approaches to the formation of pension systems. The aim of the study is to examine the “search” of Austrian and German legislators in creating an optimal system of social pension insurance. Disability and old age pension insurance in the history of Germany is associated with the social reforms of Chancellor Otto von Bismarck. In the Austrian Empire, the search in this direction began during the reign of Maria Theresa (1740–1780) and Joseph II (1780–1790) and continued in the party concepts and parliamentary battles of the Austrian parliament in the early twentieth century. The pension laws of Austria and Germany acquired a modern look after the fall of the fascist regimes. It is concluded that pension insurance legislation in Germany and Austria in the late XIX – first half of the XX century developed in the context of acute political struggle and the search for optimal options. The practical significance of the research lies in the study of the positive and negative experiences of social pension insurance systems that have developed and continue to operate in Germany and Austria at the present time.

Keywords

social pension insurance, Germany, Austria, industrialization, social contradictions

For citation

Sirotkina, E.V. (2024). The evolution of pension insurance legislation in Germany and Austria in the 19th–20th centuries: “pain points” and ways to overcome them. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 502-509. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-502-509>

Введение

Эпоха индустриализации середины XVII – начала XX века повлекла заметные социальные преобразования. Массовое переселение людей в поисках заработка из деревень в города привело к распаду родовых связей, существовавших на протяжении столетий и обеспечивающих социальную стабильность, а также к появлению категории «лишних людей», в первую очередь, это касалось стариков и инвалидов. Они, с одной стороны, не были способны к полноценной трудовой деятельности и, следовательно, самостоятельно обеспечивать свое существование. С другой стороны, в городах не было условий для складывания больших патриар-

хальных семей и родовых общин, как это было в деревнях, которые готовы были заботиться о своих наименее защищенных членах социума. Государство и общество столкнулись с необходимостью обеспечить этих людей, пусть даже минимальными, средствами к существованию. Решить эту проблему могла бы система пенсионного социального страхования, становление которой приходится на XIX столетие, когда на фоне довольно длительного отсутствия войн социально-экономическое развитие европейских стран достигает впечатляющих успехов, что позволило государствам накопить существенные активы.

«При капиталистическом способе общественного производства, – писал исследователь проблемы социального страхования В.К. Райхер, – не только имущественное страхование вызывает необходимость образования страхового фонда. В равной мере это относится к личному страхованию, медицинскому страхованию, страхованию от несчастных случаев на производстве. Поскольку «клиентами» страховщиков становятся работники (мелкие товаропроизводители, служащие, рабочие), фонд страхования пополняется еще и путем изъятия, в форме страховых взносов, части трудового дохода указанных слоев населения. И это происходит тем интенсивнее, чем сильнее внедряются особенно в период империализма – различные формы буржуазного (главным образом, личного) страхования в среду трудящихся масс, усиливая общий процесс концентрации капитала и умножая прибыли страховых компаний» [1, с. 7].

Изучение эволюции страхового пенсионного законодательства в зарубежных странах представляет большой научный и практический интерес. Анализ данной проблематики способствует более глубокому пониманию природы и сущности социального законодательства и правотворчества, выявлению основных тенденций их развития, а также совершенствованию правотворческой и правоприменительной деятельности.

Отдельные аспекты проблематики, связанной с исследованием эволюции социального пенсионного страхования, были рассмотрены в трудах таких ученых, как В.К. Райхер, Ф. Теннштедт, А.С. Ерусалимский, Х.Г. Хокертс, П.А. Кёлер, Х.Ф. Цахер, А.В. Лапаева и др.

Методы исследования

Исследование складывания систем пенсионного социального страхования в Германии и Австрии предполагает использование общефилософских и мировоззренческих методов, которые служат фундаментальной основой для изучения права и его источников; формально-логический и системный методы познания направлены на исследование концепции понимания развития права с позиции трех подходов (смыслов), а именно: юридического (концептуального), материального и идеологического; сравни-

тельно-правовой метод позволил провести сравнительную характеристику отдельных подходов к изучению правовых явлений в разных странах – Германии и Австрии.

Обсуждение

В отечественной науке основное внимание традиционно уделялось проблемам российской пенсионной системы и гораздо меньше трудов посвящено анализу истории складывания систем пенсионного страхования в европейских странах [2–4]. Проблемы пенсионного обеспечения в странах Восточной Европы – Германии и Австрии – оказались и вовсе почти не затронуты в исследованиях, кроме статьи Д.И. Раскина [5]. Между тем Германия и Австрия были близки России не только территориально, но и по своим социально-экономическим и политическим особенностям развития. Они принадлежали к государствам, процессы индустриализации в которых происходили позже, чем в странах Западной Европы, а социальные проблемы, связанные с острыми социальными изменениями, которые сопровождают процесс индустриализации, здесь оказались сложнее. Таким образом, опыт Германии и Австрии представляет особый интерес для отечественного исследователя.

Германская и Австро-Венгерская империи довольно поздно вступили на путь индустриализации. Специфика политического строя этих империй привела к утверждению здесь протекционистской модели экономического развития, которая выражалась в заметном вмешательстве государства в социальную сферу. Социальные противоречия и рост революционных настроений в обществе вследствие бурного промышленного роста подталкивали правительства к поиску путей мирного разрешения возникающих сложностей.

Первой из двух держав на путь социальных преобразований встала Германия. Страхование по старости и инвалидности завершало серию социальных реформ имперского канцлера О. фон Бисмарка, в основе которой лежала сформулированная им довольно простая и здравая мысль: «Дайте работу рабочему, пока он здоров, обеспечьте ему уход, если он заболел, гарантируйте ему заботу, когда он состарится, – и, если только Вы это сделаете, Вам не нужно будет более опасаться

ненужных жертв и бессмысленных воплей о государственном социализме. Как только будут произнесены слова «пенсионное страхование по возрасту», как только государство сможет проявить не только христианскую, но и реальную ощутимую заботу о рабочих, я убежден, что с этого самого момента господства-социалисты напрасно будут вызывать к своим пустопорожним лозунгам» [6, S. 181].

Бисмарк видел своей главной целью недопущение нестабильности в государстве, источником которой, по его мнению, было социал-демократическое движение в Германии. Его социальное маневрирование должно было отвлечь рабочих от социал-демократических идей. Благодаря быстро развивающейся экономике и «денежной подушке», в виде получаемой контрибуции из Франции (результат Франко-прусской войны 1870–1871 гг.) Германия обеспечила себе финансовые возможности для создания системы страхования больших групп населения.

Закон о пенсионном страховании оказался политически самой спорной, а практически самой трудной и концептуально самой оригинальной частью пакета социального реформаторского пакета Бисмарка, так как идея законодательного страхования масс от безработицы, по инвалидности и старости практически не имела примеров и представлялась чем-то неслыханным. Бисмарк придавал пенсионному страхованию особое значение. «Тот, кто имеет пенсию на старость, – говорил он, – более доволен своим положением и с ним легче сладить, чем с тем, у кого нет на это никаких перспектив» [7, с. 370].

В апреле 1888 г. законопроект поступил в Рейхстаг – нижнюю палату парламента, а затем после его тщательного изучения в ноябре 1888 г. он был направлен в Рейхсрат – верхнюю палату парламента Германии. В результате долгих и бурных дебатов закон 24 мая 1889 г. с незначительным перевесом голосов 185 «за» и 165 «против» был принят и 1 января 1891 г. вступил в силу.

По закону обязательное страхование становилось обязательным для рабочих и служащих с годовым доходом до 2 тысяч марок. В организации пенсионного страхового фонда в Германии принимали участие государст-

во, предприниматели и рабочие¹. Пенсию по старости назначали застрахованным лицам, достигшим 70-летнего возраста, в 1916 г. пенсионный возраст был снижен до 65 лет. Пенсия по инвалидности предоставлялась застрахованным лицам, утратившим трудоспособность на период не менее одного года.

Критики отмечали и слабые стороны в проекте канцлера.

1. Очень высокий возраст выхода на пенсию (70 лет), до которого в условиях тяжелых условий труда большая часть мужчин и женщин просто не доживала. Так, в 1891–1900 гг. из 100 000 мужчин лишь 23 195 доживали до 70-летнего возраста. Если в 1891 г. было выдано 132 926 пенсий по старости, то в 1912 г. всего 11 642. Причиной был чрезвычайно высокий пенсионный возраст с учетом того, что средняя продолжительность жизни в Германии составляла всего 45 лет. Известно, что в 1861 г. 65-летний рубеж перешагивал лишь каждый 22-й житель Германии, в 1950 г. каждый 10-й, а в настоящее время лишь каждый 7-й [6, S. 183].

2. Минимальный размер пенсий, недостаточный для обеспечения инвалидов. В 1899 г. пенсию по инвалидности получили 96 665 человек, в 1903 г. – 143 141 человек, а в 1912 г. – 117 255 человек [6, S. 186]. Основной причиной утраты работоспособности в этот период являлось массовое распространение туберкулеза, что было связано с тяжелыми условиями труда и крайне низким уровнем жизни и гигиены в рабочей среде. В среднем размер инфляции в Германской империи в 1891–1912 гг. составлял 10–12 % в год, в то время как пенсия по инвалидности за эти годы выросла с 113,49 марок в 1891 г. до 183,49 марок в 1912 г., так что пенсия просто не могла покрывать потребности инвалидов [6, S. 186].

Социальное страхование в Германии в 1880-е гг. коснулось преимущественно рабочего класса. Юристы выступали с предложением о кодификации различных отраслей социального страхования в Германии. Были подготовлены и представлены в рейхстаге два законопроекта в 1909 и 1910 гг., и

¹ Gesetz, betreffend die Invaliditäts- und Altersversicherung // Deutsches Reichsgesetzblatt Band. 1889. № 13. S. 97-144.

как результат в 1911 г. был принят закон об имперском (государственном) страховании, который получил название Социального кодекса. Социальный кодекс включал в себя 1805 параграфов, которые были объединены в 6 томов.

Социальный кодекс 1911 г. впервые вводил пенсии для вдов и сирот погибших на предприятиях рабочих. При этом предусматривались существенные ограничения для получения подобных пенсий. Так, вдова должна была доказать утрату своей работоспособности на 2/3, а ее погибший супруг должен был являться обладателем оформленной страховкой. Пенсии для сирот назначались лишь для детей, не достигших 15 лет. В совокупности все выплаты семьи не могли превышать 1,5 суммы пенсии погибшего работника.

По Социальному кодексу 1911 г. предусматривались существенные привилегии при пенсионном страховании служащих и чиновников.

1. Выход на пенсию с 65, а не с 70 лет.
2. Предоставление вдовам пенсий без всяких условий.
3. Установление инвалидности при утрате 1/2 трудоспособности, а не 2/3, как это предусматривалось для рабочих.

Борьба за уравнивание прав при пенсионном страховании для рабочих и служащих будет вестись постоянно на протяжении длительного времени. Так, в 1916 г. возрастная граница выхода на пенсию для рабочих будет все-таки снижена до 65 лет.

Пенсионное страхование в Веймарской республике (1918–1933 гг.) проходило под знаком гиперинфляции. Любые попытки остановить инфляцию терпели крах, и поневоле был выбран путь преобразования заботы об инвалидах, стариках и близких родственниках, погибших на фронтах Первой мировой войны (1914–1918 гг.), в пособия по социальному обеспечению. Право на пенсию фактически превратилось в необходимость доказывать свое право на особую социальную защиту. Кризис пенсионной системы был вызван последствиями Первой мировой войны и необходимостью выплачивать громадную контрибуцию, результатом чего стало обнищание государства и его неспособность нести социальные обязательства перед своими гра-

жданами. Кроме того, значительно увеличилось число людей, претендующих на социальные пособия, прежде всего за счет вдов и сирот участников войны. Число претендентов в 1924/1925 гг. увеличилось в 3 раза по сравнению с 1913 г. [8, S. 303].

Попытки восстановить систему пенсионного страхования были разрушены мировым экономическим кризисом 1929–1932 гг., когда пенсионные взносы резко упали почти на 40 % вследствие резкого роста безработицы, сокращения рабочей недели и снижения заработной платы.

Пенсионное страхование в Третьем рейхе (1933–1945 гг.) продолжало развиваться, правда, с заметными перекосами. Было принято решение о расформировании профессиональных союзов и создании единой централизованной организации ДАФ – Германский трудовой фронт, которая должна была заниматься социальным страхованием. Формирование фондов пенсионного страхования теперь составляли 50 % взносов предпринимателей и 50 % взносов работников. Кроме того, человек мог быть лишен пенсии в случае признания его «врагом народа». Урезались пенсии для лиц еврейского происхождения.

В то же время государство, которое было намерено проводить активную милитаристскую политику, вводило новую систему военного социального обеспечения. Расходы на пенсии для инвалидов, получивших увечья в годы Второй мировой войны и пенсии по потере кормильцев, существенно возрастают после 1942 г. Что касается пенсий по старости для гражданских лиц, то улучшение их обеспечения переносилось на послевоенный период.

Мировой экономический кризис (1929–1933 гг.) и Вторая мировая война (1939–1945 гг.) привели к изменению подходов к формированию пенсионного страхования в западных странах. Британский экономист У.Г. Беверидж предложил переход к всеобщему пенсионному обеспечению и страхованию, которые полностью гарантировались государством. Поскольку фактически в результате Великой депрессии и Второй мировой войны значительная доля пенсионных накоплений населения была уничтожена, а государству требовалось обеспе-

чить выплаты для огромной массы людей, пострадавших и оставшихся без кормильцев, предполагалось установить одинаковые небольшие пенсии всем нуждающимся, независимо от их стажа и предшествующих заслуг.

В Германии в 1945–1950 гг. проходили широкие общественные дискуссии между сторонниками традиционной «бисмарковской» модели и модели Бевериджа. В конечном итоге ФРГ остановилась на сохранении традиционной для нее «бисмарковской» модели.

В Австрии первые основы социального страхования закладываются в XVIII столетии. Императрица Австрии Мария Терезия (1740–1780 гг.) еще в 1749 г. вводит государственную систему обеспечения инвалидов, пострадавших во время военных кампаний. В этом же году был создан специальный пенсионный фонд для офицеров и унтер-офицеров. Наследник Марии Терезии император Иосиф II (1780–1790 гг.) продолжил развивать пенсионную систему. При нем вводятся пенсии для инвалидов, и было законодательно закреплено право чиновников на получение выплат в случае заболевания или утраты работоспособности по старости.

Но собственно о законодательно оформленном социальном страховании можно вести речь только начиная с 1854 г., когда были приняты «Общие правила ведения горных работ» [9, S. 75]. Закон обязывал владельцев шахт организовывать «братские ящики», или «кассы товариществ горнодобывающих рабочих», в которые должны были вступать их рабочие. Это было связано с особой травмоопасностью работы шахтеров и их ранней утратой работоспособности. В 1867 г. был принят закон об организации кассы поддержки фабричных рабочих, а в 1887/1888 гг. принимается закон о страховании рабочих от несчастных случаев.

Рост числа рабочих, их слабая социальная защищенность и растущая политическая активность приводит к росту популярности социалистических идей в Австро-Венгрии. Так же, как и с Германии, где Бисмарк рассматривал рабочее движение как потенциальную опасность для государства и полагал, что бороться с этой угрозой нужно не только посредством репрессий, но и через развитие социального законодательства, австрийские

политики были вынуждены включить вопросы социального страхования в свою повестку дня. Первым приступил к решению проблем социального законодательства барон Карл фон Фогельзанг. Фогельзангом был подготовлен закон о медицинском страховании рабочих 1888 г.² В 1889 г. принимается закон о страховании рабочих от несчастных случаев³. Однако вопрос о пенсионном страховании по возрасту и по инвалидности в Австрии, в отличие от Германии, так и не был решен, хотя был представлен для общественного обсуждения, начиная с 1880-х гг.

В 1904 г. министр-президент Эрнест фон Кёрбер представил свою «Программу для реформ и создания системы социального страхования для рабочих» [10, S. 68]. Наряду с реформированием уже имевшейся системы медицинского страхования и страхования от несчастных случаев, она предусматривала создание системы пенсионного страхования по инвалидности и по возрасту. Лидер Христианско-социалистической партии Цислейтании популярный политик Карл Люгер выступал даже за введение социальной пенсионной системы исключительно за счет государства, однако его предложение было отвергнуто как полностью несостоятельное. Обострение национального вопроса и раскол в нижней палате парламента позволили принять решение 16 декабря 1906 г. о введении пенсионного страхования только для чиновников и служащих.

В 1907 г. в Австрии принимается закон о введении всеобщего избирательного права для мужчин, что позволило значительно усилить свои позиции в Палате представителей австрийским социал-демократам и снова поставить вопрос о формировании системы социального страхования по возрасту и по инвалидности. В 1908 г. при правительстве Макса фон Бека пенсионный проект был дополнен, а в систему социального страхования предусматривалось включение крестьян и самозанятых ремесленников. Пенсионные фонды согласно законопроекту должны были формироваться из расчета 50 % отчислений самих рабочих и 50 % отчислений их

² Gesetz vom 30. März 1888, betreffend die Krankenversicherung der Arbeiter, RGBI. 33/1888.

³ Gesetz vom 28. Dezember 1887, betreffend die Unfallversicherung der Arbeiter, RGBI. 1/1888.

работодателей. К ним добавлялись государственные субсидии. Возраст выхода на пенсию в Австрии должен был составлять 65, а не 70 лет, как это было в Германии. Однако раскол в парламенте снова не позволил принять данный закон. В годы Первой мировой войны были введены пенсии лишь для вдов, погибших застрахованных военнослужащих.

Выводы

Распад Австро-Венгерской империи и революция 1918 г. привели к власти социал-демократов, одним из основных пунктов политической программы которых было введение пенсионного страхования в Австрии. 1 января 1918 г. учреждается Министерство социальной помощи. Однако инфляция и экономическая разруха не позволяли государству в полной мере развивать социальное страхование. Как наиболее насущный в 1920 г. принимается закон о социальном страховании от безработицы.

Аншлюс 12 марта 1938 г. насильственным образом присоединил Австрию к нацистской Германии и распространил на нее законодательство, действовавшее на территории Германии. В Австрии начиная с 1934 г. впервые вводилось пенсионное страхование для рабочих, а также другие виды пенсионного страхования согласно германскому законодательству.

После разгрома фашистской Германии и восстановления независимости Австрийской республики 12 июня 1947 г. был принят закон о переходе к новой системе пенсионного страхования. Важнейшими ее принципами становятся восстановление самоуправления, а также создание Ассоциации австрийских страховых компаний в качестве головной компании организации австрийской страховой пенсионной системы.

Список источников

1. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. 282 с.
2. Хижный Э.К. Государственная система социальной защиты граждан в странах Западной Европы. М.: Изд-во ИНИОН, 2005. 272 с. <https://elibrary.ru/nchdsb>
3. Торопкин С.А., Верховая Н.Б. Пенсионное законодательство Западной Европы в XIX – начале XX века // Право и государство: теория и практика. 2014. № 6 (114). С. 82-86. <https://elibrary.ru/orxczv>
4. Шестакова Е.Е. Дольше работать, больше копить: западные рецепты решения пенсионных проблем // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 107-122. <https://elibrary.ru/wcdqxx>
5. Раскин Д.И. Развитие систем пенсионного обеспечения в контексте процесса модернизации восточно-европейских империй (Россия, Австро-Венгрия, Германия) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2 (42). С. 142-152. https://doi.org/10.51255/2311-603X_2024_2_142, <https://elibrary.ru/qksyrl>
6. Tennstedt F. Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1981.
7. Ерусалимский А.С. (ред.) Германская история в новое и новейшее время: в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 1. 510 с.
8. Hockerts H.G. Sicherung im Alter. Kontinuität und Wandel der gesetzlichen Rentenversicherung 1889–1979. Stuttgart: Ernst Keller Verlag, 1983. 401 S.
9. Rohrbach W. Versicherungsgeschichte Österreichs von den Anfängen bis zum Börsenkrach des Jahres 1873. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1988. Bd. 1. 178 S.
10. Köhler P.A., Zacher H.F. (Hrsg.). Ein Jahrhundert Sozialversicherung in der Bundesrepublik Deutschland, Frankreich, Großbritannien, Österreich und der Schweiz. Berlin: Schriftenreihe für Internationales und Vergleichendes Sozialrecht (IVR), 1981. 871 S.

References

1. Raikher V.K. (1947). *Social and Historical Types of Insurance*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 282 p. (In Russ.)
2. Khizhnyi E.K. (2005). *State System of Social Protection of Citizens of the Western Europe's Countries*. Moscow: INION Publ., 272 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nchdsb>

3. Toropkin S.A., Verkhova N.B. (2014). Pension legislation in western Europe in the 19th and early 20th centuries. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, no. 6 (114), pp. 82-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/orxczv>
4. Shestakova E.E. (2016). Work longer, save more: western recipes for solving pension issues. *Rossiya i sovremennyyi mir = Russia and The Contemporary World*, no. 2 (91), pp. 107-122. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wcdqxx>
5. Raskin D.I. (2024). The development of the pension system in the context of the modernization process of the eastern European empires (Russia, Austria-Hungary, Germany). *Peterburgskii istoricheskii zhurnal = Petersburg Historical Journal*, no. 2 (42), pp. 142-152. (In Russ.) https://doi.org/10.51255/2311-603X_2024_2_142, <https://elibrary.ru/qksyrl>
6. Tennstedt F. (1981). *Sozialgeschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 181 S. (In Ger.)
7. Yerkalimsky A.S. (ed.) (1970). *German Modern and Contemporary History: in 2 vols*. Moscow, Nauka Publ., 1970, vol. 1, 510 p. (In Russ.)
8. Hockerts H.G. (1983). *Sicherung im Alter. Kontinuität und Wandel der gesetzlichen Rentenversicherung 1889–1979*. Stuttgart, Ernst Keller Verlag, 1983, 401 S. (In Ger.)
9. Rohrbach W. (1988). *Versicherungsgeschichte Österreichs von den Anfängen bis zum Börsenkrach des Jahres 1873*. Wien, Verlag für Geschichte und Politik, Bd 1, 178 S. (In Ger.)
10. Köhler P.A., Zacher H.F. (Hrsg.). (1981). *Ein Jahrhundert Sozialversicherung in der Bundesrepublik Deutschland, Frankreich, Großbritannien, Österreich und der Schweiz*. Berlin, Schriftenreihe für Internationales und Vergleichendes Sozialrecht (IVR), 871 S. (In Ger.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.10.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-510-519>

Шифр научной специальности 5.1.2

Государственное мировоззрение как альтернатива идеологии

© БОРИСОВА Наталья Евгеньевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента права, Институт экономики, управления и права, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1, <https://orcid.org/0000-0002-6491-1829>, ne0609@bk.ru

Аннотация

Обоснована необходимость обеспечения единства основ конституционного строя ввиду слабости определения культурно-духовного блока его составляющих, что представляется необходимым в качестве фиксации основных векторов развития российского государства. Проблема раскрывается с учетом значимости в контексте воспитания и становления подрастающего поколения. Аргументировано значение конституционных положений, закрепляющих традиционные национальные ценности, в результате чего сделан вывод о том, что по своему сущностному значению внесенные в Конституцию изменения, содержащие традиционные духовно-нравственные ценности, можно рассматривать в качестве культурно-духовных основ конституционного строя современной России. Доказана связь между содержанием конституционно закрепленных духовных ценностей и необходимостью их конкретизации, формулировки и внедрения в сознание и поведение людей, воспитания приверженности к ним, что и составляет суть идеологической работы, равно как и деятельности по формированию государственного мировоззрения. Методология исследования основана на диалектико-материалистическом методе познания действительности в контексте постнеклассического этапа развития науки, где в наибольшей степени проявляется индивидуальность исследователя и его ценностные установки с использованием междисциплинарного подхода, сравнительного анализа и историзма. Рассматривая государственное мировоззрение в соотношении с понятиями идеологии государства и конституционной идеологии, автор приходит к выводу о том, что конституционные духовно-нравственные ценности, впитавшие в себя весь многолетний опыт российской цивилизации, воспринятые большинством населения, которые в своем развитии становятся целью государства, вкупе с единой сплачивающей, объединяющей многонациональную страну идеей, и будут составлять основы государственного мировоззрения.

Ключевые слова

идеология, мировоззрение, Конституция Российской Федерации, конституционный строй, конституционные ценности, духовно-культурные основы, конституционная идеология, государственное мировоззрение

Для цитирования

Борисова Н.Е. Государственное мировоззрение как альтернатива идеологии // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 510-519. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-510-519>

State worldview as an alternative to ideology

© Natalia E. BORISOVA,

Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of Law Department, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University, 1 bldg 4 2-nd Selskhozoyastvenny Dr., Moscow, 129226, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6491-1829>, ne0609@bk.ru

Abstract

Substantiates the need to ensure the unity of the foundations of the constitutional system due to the weakness of the definition of the cultural and spiritual block of its components, which seems necessary as a fixation of the main vectors of the development of the Russian state. The problem is revealed taking into account its significance in the context of upbringing and formation of the younger generation. We argue for the importance of constitutional provisions that consolidate traditional national values, as a result of which it is concluded that, in its essential meaning, the amendments made to the Constitution containing traditional spiritual and moral values can be considered as the cultural and spiritual foundations of the constitutional system of modern Russia. The connection between the content of constitutionally fixed spiritual values and the need for their concretization, formulation and implementation into the consciousness and behavior of people, education of commitment to them, which is the essence of ideological work, as well as activities to form a state worldview, is proved. The research methodology is based on the dialectical-materialistic method of cognition of reality in the context of the post-non-classical stage of the development of science, where the individuality of the researcher and his values are most evident, using an interdisciplinary approach, comparative analysis and historicism. Considering the state worldview in relation to the concepts of the ideology of the state and constitutional ideology, we come to the conclusion that constitutional spiritual and moral values, which have absorbed the entire long-term experience of Russian civilization, perceived by the majority of the population, which in their development become the goal of the state, coupled with a single unifying, unifying multinational country idea, will constitute fundamentals of the state worldview.

Keywords

ideology, worldview, Constitution of the Russian Federation, constitutional system, constitutional values, spiritual and cultural foundations, constitutional ideology, state worldview

For citation

Borisova, N.E. (2024). State worldview as an alternative to ideology. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 510-519. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-510-519>

Введение

Россия четвертый десяток живет в эпоху перемен. Социальные трансформации – это, пожалуй, самое скромное и приемлемое для человеческого понимания понятие, характеризующее порой революционные, кардинальные, самые глобальные изменения, которые происходят в жизни страны и каждого ее гражданина.

Об изменениях в России, начавшихся с перестройки, объявленной в 1985 г., и, как показывает жизнь, еще не завершившихся, написано достаточно. Политические и научные рассуждения и оценки разного рода касались как экономического, так и политического реформирования: отказа от го-

сударственной плановой экономики в пользу рыночной, принятия Президента как главы государства; перехода от компартии как руководящей и направляющей силы общества к многопартийности, замена обязанности трудиться свободой труда и многого другого.

В дальнейшем жизнь вносила свои коррективы с учетом внутренней и внешнеполитической жизни страны, и политические и экономические основы новой России получили дальнейшее развитие. Сегодня мы не только говорим о социальной направленности рыночной экономики, но и закрепили в Конституции России обеспечение проведения единой социально ориентированной го-

сударственной политики (пункт «в» части 1 статьи 114)¹.

Несмотря на то, что, исходя из формационной теории развития государства и общества, в девяностые наша страна сделала «шаг назад», последующие изменения дают основания полагать, перефразируя известные слова В.И. Ленина, что далее были и «два шага вперед», тем более по отношению ко времени рубежа веков. В качестве подтверждения достаточно просто посмотреть на обыденную жизнь российских граждан, в которой количество личных автомобилей и «дополнительного» жилья в виде дач, домов и особняков порой превышает количество семей. Упрек в сторону Москвы по поводу зажиточных регионов опровергается обилием туристов из различных субъектов необъятной России на зарубежных курортах в совсем недавние времена.

Не будем лукавить: многое из реалий нашего времени в области политико-административного устройства, логики и темпов экономического развития, банковской системы, ценовой политики, социального партнерства не до конца соответствует представлениям о демократии, правовом государстве, социальной справедливости и другим правильным человеческим ценностям. Однако анализ указанных несоответствий не входит в задачу нашего исследования.

Обсуждение. Постановка проблемы

Речь идет о том, что на протяжении уже четвертого десятилетия существования новой России проблемы политики и экономики, в отличие от идеологии и мировоззрения ее жителей, находились в поле зрения экономистов, политиков, ученых и практиков. Свидетельством чему являются многочисленные статьи и монографии научного характера, перманентные изменения законодательства в этих сферах и, наконец, сама практика развития политической и экономической сфер жизнедеятельности. Как известно, сущность любого государства закреплена и проявляется в его основах, которые принято классифицировать на политические, экономические (социально-экономические) и духовные. Что

касается духовной, или духовно-культурной жизни, то достойное внимание к ней возвращается только сегодня. В большинстве учебников высшей школы по конституционному праву духовные основы нашей жизни истощались светским характером государства, идеологическим многообразием и вытекающим из него политическим плюрализмом.

В этой связи нельзя не сказать не только о раскрывающихся предоставленных возможностях, но и о трудностях выбора при многообразии и плюрализме идей, воззрений, мнений, учений, ценностей и тому подобное, в особенности, для молодых людей, детей, подрастающего поколения в целом, что вполне естественно, учитывая особенности психического и социального развития, уровень полученного воспитания и образования. Результаты выбора могут оказаться не соответствующими даже элементарным общечеловеческим правилам социума, поскольку шквал информации ложится на «неподготовленную почву». Кроме того, «современное развитие общества и государства происходит в условиях беспрецедентного нарастания различных «вызовов» и «рисков». Происходит перестройка самого цивилизационного пространства – сформировавшиеся за последние полтора столетия модернизационные стратегии утрачивают не только свою эффективность, но и мировоззренческую значимость» [1, с. 66].

Почему же так долго мы на государственном уровне практически игнорировали даже подходы к решению проблем духовной, нравственной, мировоззренческой сторон жизни страны, составляющих не менее важный, чем экономика и политика, базис нашего государства? Ответом на этот вопрос служит тот факт, что, как общеизвестно, наша Конституция, принятая в условиях переходного периода и противостояния двух идеологий, закрепила в статье 13 положение о том, что, во-первых, «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и, во-вторых, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В этой связи трудно не согласиться с мнением главы Минюста России Константина Чуйченко о том, что «ни одна страна мира таких положений в своих конституциях не имеет. Только Россия

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

в свое время по совету наших так называемых партнеров взяла на себя эти «повышенные обязательства»².

Методологические подходы.

Определенная (онтологическая и методологическая) проблема видится еще и в том, что наш Основной закон не содержит конкретного направления движения, цели государства, что ранее было в традициях конституционного развития России. Метаморфоза из ценности человека, его прав и свобод в цель в данном случае представляется не совсем корректной. В этом смысле прошлым поколениям можно позавидовать, поскольку сегодня весьма сложно подобрать достойную объединяющую идею, опять-таки прежде всего для подрастающего поколения. Сегодня ее необходимо определить в качестве сплачивающей российский народ, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина, «объединительная идея для многонациональной страны должна быть»³.

Тем не менее, заметим, что жизнь вносит свои коррективы в решение вопроса о пересмотре, разумеется, не самих норм, содержащихся в неподдающихся изменению главах основного закона, а об изменении трактовки, отношения к содержанию этих норм, как это произошло, совершенно справедливо, в толковании наиболее часто упоминаемой части 4 статьи 15 Конституции РФ. Еще в 2014 г. были внесены изменения в ФКЗ «О Конституционном суде РФ», которые по сути закрепили положение об обязательности проверки соответствия решений ЕСПЧ Конституции РФ⁴, что вовсе не противоречит ранее ука-

занной статье и ратифицированной нами Европейской конвенции основных прав и свобод, которую мы на тот момент признавали. Представляется, что далее вполне может быть решен вопрос и об отношении к смертной казни, если нацистская и террористическая политика в адрес нашей страны и ее жителей будет усиливаться. И не надо упреков по поводу «легкости» и «вольного» отношения к конституционным положениям, есть политический и правовой анализ объективных условий, результатом которого является отделение главного от второстепенного с точки зрения значимости государственного суверенитета и гражданской самоидентичности россиян.

Основываясь на конституционных положениях о государственном единстве, единой системе публичной власти и единой социально ориентированной государственной политике, небезосновательно сделать вывод о необходимости и единых основ не только политической и экономической, но и духовной жизни страны. Эти основы, принципы, ценности у народа должны быть едиными, как и единая цель, направление движения государства.

Основная часть

Первым серьезным шагом в направлении к проблемам духовно-культурного блока социальной жизни стали запросы людей на изменения Основного закона, конституционализация ряда вопросов, касающихся, на первый взгляд, обыденности жизни, которая по сути и есть ее содержание. Причем сегодня подход к изменениям осуществляется именно с позиций новых реалий, связанных с новыми сферами технологического и социально-экономического развития: цифровизацией, большими данными, искусственным интеллектом, цифровой безопасностью, генами и биотехнологиями, робототехникой.

Дальнейшие события: международный терроризм в отношении России во всех сферах общественной жизни (позволим себе так назвать отмену русской культуры и русского языка, взрывы Северных потоков, лжеисторию и пр.) и, конечно, специальная военная

² Глава Минюста считает, что придется решать вопрос с запретом госидеологии в Конституции РФ // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/17724475> (дата обращения: 11.08.2024).

³ Путин: введение в РФ жесткой государственной идеологии противоречит конституции // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/21040903> (дата обращения: 11.08.2024).

⁴ Статья 1, п. 19 Федерального конституционного закона от 4.06.2014 № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации»» (в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть

решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70669668/paragraph/1:0> (дата обращения: 11.08.2024).

операция – кардинально обострили вопросы нравственности, патриотизма, веры, гражданственности, национальной идентичности.

Ответы на эти вызовы, безусловно, нужно искать в обновленной в 2020 году Конституции России. Сущность конституционных ценностей, соответствующих общечеловеческим и традиционным для России, трудно переоценить. Разумеется, и до поправок содержащиеся в Основном законе демократические выкладки, основы государства как социального, положения о человеке и его правах и свободах как высшей ценности есть не что иное, как выражение естественных желаний, устремлений, чаяний граждан России и понимания ими роли государства в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Назовем ряд новых, с точки зрения закрепления их в качестве конституционных, значимых положений: обеспечение защиты своего суверенитета и территориальной целостности (статья 67, часть 2.1); признание исторически сложившегося государственного единства (статья 67.1, часть 2); обеспечение защиты исторической правды и памяти защитников Отечества (статья 67.1, часть 3); признание детей важнейшим приоритетом государственной политики России, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (статья 67.1, часть 4); признание (закрепление) русского языка как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (статья 68, часть 1); поддержка и охрана культуры (включая культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, этнокультурное и языковое многообразие) как уникального наследия ее многонационального народа (статья 68, часть 4; статья 69, часть 2); поддержка соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности (статья 69, часть 3); установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования (статья 71, «е»); защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, для осу-

ществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (статья 72, «ж.1»); уважение труда граждан (статья 75, часть 5); гарантирование уважения человека труда (статья 75.1); формирование системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (статья 75, часть 6); обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (статья 75.1); создание условий для взаимного доверия государства и общества (статья 75.1); поддержание гражданского мира и согласия в стране (статья 80, часть 2). Все эти положения справедливо воспринимаются сегодня в качестве конституционных ценностей. Тем более важно, что они не просто провозглашаются как ценности, а подкрепляются действием, каким является их: гарантирование, обеспечение, недопущение, поддержание, создание и др.

Этот список можно сократить (скооперировав ценности по разным основаниям) или расширить (конкретизируя в зависимости от их назначения и целей исследования). В данном контексте представляется главным соотнести эти ценности с основами конституционного строя. *По своему сущностному значению внесенные в Конституцию изменения, содержащие традиционные духовно-нравственные ценности, можно рассматривать в качестве культурно-духовных основ конституционного строя современной России.*

Боязнь употребления слова «идеология» с высоких трибун в риске обвинения к возврату коммунистического прошлого, уход от констатации отсутствия единых взглядов и решения проблем развития мировоззрения, в особенного подрастающего поколения россиян, привели за 30 лет постсоветской России к значительному снижению духовно-нравственных качеств человека. Признаем, что огромную роль в этом сыграла и мощная высокотехнологичная идеологическая деятельность государств, признанных нами сегодня недружественными, а по сути являющихся нам враждебными. К счастью, мы уже прошли этапы оголтелого стремления на Запад и восхищения Америкой, но идеология (не могу подобрать другое слово) «по-

требления», «презрения человека труда», исключительно «личностного роста и успешности», выразившиеся в молодежных слоганах «нас никому не сбить с пути» и «встав на труп товарища, ты будешь на десять сантиметров выше», еще долго будет восприниматься рядом поколений.

На наш взгляд, важнейшими с точки зрения новаций в сфере духовных основ стало закрепление в Конституции положений, представляющих собой воплощение ценностей, выработанных человечеством на протяжении своего развития, обоснованных различными науками в зависимости от сферы жизнедеятельности человека, результаты реализации которых в наибольшей степени соответствуют представлениям о мире, счастье, справедливости, свободе различных групп населения, об оптимальном балансе интересов и взаимных доверии и ответственности между ними в триаде (системе) взаимоотношений «человек – общество – государство». В соответствии с этим структурным триединством выделим из ранее озвученного списка такие ценности, как: *уважение* труда и человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина; *традиционные* семейные ценности, патриотизм и гражданственность; общероссийская *культурная* идентичность; историческая *правда и память* защитников Отечества; взаимное *доверие* государства и общества; экономическая, политическая и социальная *солидарность*; социальная ориентированность государственной политики; суверенитет государства.

Государственное мировоззрение

«Каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей... и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества» [2]. Деятельность по определению, формулировке и внедрению в сознание и поведение людей тех или иных целей и ценностей, воспитанию приверженности к ним есть не что иное, как идеологическая работа, равно как и деятельность по формированию государственного мировоззрения. Привести примеры становления и развития какого-либо государства вне этой деятельности независимо от его основ не представляется возможным. Таким образом, благодаря конституционным ценностям в

нашем обществе снова заговорили об идеологии.

Как известно, вопрос о «нехватке» и соответственно необходимости идеологии сегодня широко обсуждается⁵; появились понятия правовая идеология, доминирующая идеология, новая русская идеология⁶.

Представляется, что наибольший интерес вызывают понятия идеологии как таковой (то, что речь идет о государственной, подразумевается), государственного мировоззрения и конституционной идеологии.

Понятие и сущность идеологии как сферы духовной жизни, системы (совокупности) философских, политических, нравственных, правовых и иных идей и взглядов, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности [3, с. 386; 4, с. 274], в наибольшей степени были разработаны в советское время в качестве духовно-культурной основы государственного строя и всей политической системы.

В самом общем виде мировоззрение – это система взглядов человека на окружающий мир и его место в нем, в эту систему входят и духовные ценности. Понятие мировоззрения многогранно, однако нельзя не заметить, что в его различных определениях речь идет о системе взглядов именно человека, личности, или группы людей, и кратко реже – государства, в отличие от идеологии. Тем не менее, оба понятия тесно связаны и могут представляться в качестве аналогов⁷.

«Что касается конституционной идеологии (отсюда и конституционная идентичность), то это более безопасный (с точки зре-

⁵ Так, экс-президент РАН А.М. Сергеев считает, что проблемы со школьным образованием в России связаны с отсутствием идеологии, основанной на «ценностях, которые объединяют» россиян. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/05/2021/60a0ed049a794785b8cf4647> (дата обращения: 06.08.2024); неоднократно свое мнение о необходимости «сформулировать идеологию нашего общества, наших целей и закрепить ее в Конституции РФ» высказывал Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин. URL: <https://76.ru/text/politics/2023/11/22/72940127/> (дата обращения: 06.08.2024).

⁶ URL: <https://cyberleninka.ru/article/>; URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/21/>; URL: <https://katehon.com/ru/article/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁷ Идеология: (идея и учение) – Мировоззрение, система взглядов и идей. URL: https://enc.biblioclub.ru/Termin/1142117_IDEOLOGIYA (дата обращения: 14.08.2024).

ния упреков в нарушении Конституции РФ), корректный и верный (с точки зрения содержательности конституционных ценностей) термин (понятие). Новые... ценности 2020 года, по сути, и есть духовные основы государственного строя, следовательно, конституционные духовные ценности и есть конституционная идеология» [5, с. 93].

Заметим, что при обсуждении вопроса о новых конституционных ценностях (как составляющей государственного мировоззрения) ни один автор не обошел главнейшую проблему их осознанности, четкого формулирования, разъяснения и реализации, учитывая значимость формирования конституционной идентичности *прежде всего для подрастающего поколения*.

Нельзя не обратить внимание также на то, что в дискуссиях о необходимости идеологии современного российского общества чаще слышится отрицание именно господствующей (а не государственной) идеологии, хотя именно либеральная идеология фактически «господствовала» в умах, средствах массовой информации, социальном общении в целом более тридцати лет, не будучи закреплённой ни в одном политико-правовом документе.

Понятие государственного мировоззрения возникло в рамках проекта «ДНК России». Разумеется, над его определением, как и четкой дефиницией, составляющими, надо еще много думать. Вместе с тем, учитывая нежелание и непонимание нынешней молодежи, достаточно уже прочувствующей вкус свободы и отсутствие ограничений в духовно-нравственной сфере, организации какой-либо деятельности по формированию определенных взглядов и идей, будет верным предоставить разработку этих взглядов непосредственно молодым россиянам возможность самостоятельно прийти к правильным выводам. Администрация Президента РФ совместно с Минобрнауки с целью «определить» и привить студентам ценности, которые соответствуют национальным интересам страны, поставили задачу сформировать «образ будущего России», основой которого станет «пентабазис» ценностей [6]. «Современная российская государственность предполагает наличие некоего ценностного ядра, которое должно восприниматься как единая

общепризнанная аксиома и составить основу нашего *государственного мировоззрения*»⁸.

«На наш взгляд, государственное мировоззрение можно трактовать, во-первых, как знание и понимание именно основ российской государственности (политических, экономических, духовных – основанных на конституционных ценностях); во-вторых, как систему взглядов, идей, убеждений (собственно идеологию), в соответствии с которыми интересы государства (обязанностью которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина) не менее важны, чем свои собственные. Мы называем государственным отнюдь не того, кто является госслужащим или преподает конституционное (государственное) право. Это, прежде всего, человек, который думает и совершает свои поступки, соотносясь с интересами государства и его граждан» [5, с. 93].

В этой связи назовем конкретные шаги в данном направлении, в основе которого Конституция-2020 с ее традиционными для России ценностями. Во-первых, это документы политико-правового характера: Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁹, Указ Президента РФ от 08 мая 2024 г. № 314, утверждающий Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения¹⁰, Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»¹¹. Далее, как известно, на основе кон-

⁸ Полный пентабазис // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652423> (дата обращения: 03.08.2024).

⁹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

ституционных положений внесены существенные изменения и в отраслевое законодательство.

Во-вторых, особое внимание к просветительской деятельности, которая только и способна сделать человека приверженцем тех или иных взглядов, являясь связующим звеном между знаниями, понятиями и мировоззрением конкретной личности. Помимо активизации работы Российского общества «Знание», просветительская деятельность сегодня внедряется в образовательный процесс в виде «Разговоров о важном» в средней школе. Особое место в этой плоскости сегодня занимают общественные движения и организации как акторы гражданского общества, главной целью которых является просвещение в той или иной области науки через призму исторического развития нашей страны. Ярким представителем этой деятельности является Ассоциация историков права в качестве добровольного общественного объединения специалистов и организаций в области истории права и государства, одной из целей которого заявлено осуществление правового и патриотического воспитания молодежи.

В-третьих, единые правовые и содержательные основы образования уже сегодня получили воплощение в написании единого учебника по истории России и обществознанию, введении единого курса «Основ российской государственности» (в основе концепция «ДНК России») в высшей школе. Признаемся в особой актуальности данных новаций, поскольку лакуны в области исторического образования могут помешать развитию и использованию нейросетей, искусственного интеллекта и других новых технологий в правильном направлении.

Государственная политика по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей касается всех групп россиян. Сегодня мы приняли эти ценности, повторяюсь, в большей степени по запросу граждан России. Поэтому логично утверждать, что всякий отход от них будет означать их отрицание, что в современных условиях военных действий с недружественными странами подлежит безусловному осуждению. Тем тревожнее звучит информация директора института культурного и природного наследия им.

Лихачева В.В. Аристархова о том, что «все-го лишь 12 % федеральных документов соответствуют стратегии национальной безопасности (в которую совершенно справедливо внесены конституционные ценности. — *Н. Б.*), а в остальных каких только ценностей у нас нет — и демократические, и гуманистические, и базовые, и не базовые»¹². В этой связи напомним, что в свое время на рубеже предыдущих веков вопрос ставился гораздо острее: «...буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [7].

Заключение

Основываясь на сказанном выше, можно утверждать, что конституционные духовно-нравственные ценности, впитавшие в себя весь многолетний опыт российской цивилизации, воспринятые большинством населения, которые в своем развитии становятся целью государства, вкупе с единой сплачивающей, объединяющей многонациональную страну идеей и будут составлять основы государственного мировоззрения.

Пока определены только ориентиры и направления. Акцент на сложность дальнейшей деятельности по конкретизации конституционно закрепленных положений, тем паче в духовной сфере, обозначен Президентом РФ: каждая из конституционных норм «должна корректно и ясно раскрываться в ходе законодательных инициатив по реализации положений конституции, в новых законах; ...впереди масштабная и при этом очень тонкая ювелирная правотворческая работа»¹³.

Ясность и определенность государственного мировоззрения представляется важным гарантом обеспечения стабильности жизни граждан России, что собственно составляет цель любого государства. Вместе с тем «идейно оформленная жизнь» не является самоцелью, традиционные национальные ценности как направления и ориентиры просто необходимы для становящихся личностей, молодого поколения, иначе вырастет «только то,

¹² Не прячьте наши ценности по банкам и углам // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6095165> (дата обращения: 03.08.2024).

¹³ URL: <https://news.mail.ru/politics/43644039/?frommail=1> (дата общения: 06.08.2024).

что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян» [8, с. 544].

Еще одним тезисом в пользу определения мировоззрения или идеологии государства на основе национальных ценностей и интересов России видится современный этап развития научной рациональности, которая «не отделяет процесс познания от самого учебного, его мировоззрения и личностных характеристик» [9, с. 76].

И, наконец, не будет лишним сделать акцент на особой роли духовности в национальном самосознании и характере русского народа, его менталитете, о чем писал И.А. Ильин, ставя духовное выше материального [10,

с. 428]. П.И. Новгородцев, замечая, что «...все направления русской мысли... несут в себе черты родной почвы», утверждает: «Русское мировоззрение и русская вера уже с давних времен противопоставляют западному идеалу другой: высшая цель культуры состоит, по русскому воззрению, не в строительстве внешних форм жизни, но в их духовной, внутренней сущности» [10, с. 231-238]. В данном контексте не так важно, что высшей нормой всех жизненных отношений П.И. Новгородцев считает Закон Божий, закон любви, главное в том, что право и государство должны черпать свой дух из непосредственной связанности права и нравственности.

Список источников

1. Борисова Н.Е., Гаврилова Ю.В., Корчагина Т.В., Пономарев М.В. Роль правовой социализации и формирования конституционной культуры в системе патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С. 64-76. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.52.4.06>, <https://elibrary.ru/thuspc>
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД, «Сашко», 2000. 528 с.
3. Всемирная энциклопедия: Философия / науч. ред. А.А. Грицанов. М.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1311 с. <https://elibrary.ru/ypqlos>
4. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В.И. Бородулина. М.: Большая рос. энцикл., 2001. 912 с.
5. Борисова Н.Е. Правовое воспитание в парадигме государственного мировоззрения // Детство – территория безопасности: сб. материалов конф. / отв. ред. О.В. Ефимова. М.: Изд-во «Саратовский источник», 2023. 508 с. <https://elibrary.ru/chuvza>
6. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. № 3. С. 9-19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>, <https://elibrary.ru/egeabu>
7. Ленин В.И. Что делать // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. Т. 9. С. 39-40.
8. Макаренко А.С. Педагогическая поэма: Роман. М.: Моск. рабочий, 1986. 639 с.
9. Пашенцев Д.А. Историко-правовая наука перед вызовом постнеклассической научной рациональности // История государства и права. 2021. № 3. С. 75-80. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-3-75-80>, <https://elibrary.ru/ypnhox>
10. Русская философия права: философия веры и нравственности / сост. А.П. Альбов. СПб.: Алетеия, 1997. 435 с.

References

1. Borisova N.E., Gavrilova Yu.V., Korchagina T.V., Ponomarev M.V. (2023). The role of legal socialization and the formation of constitutional culture in the system of patriotic students' education. *Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki» = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 4 (52), pp. 64-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.52.4.06>, <https://elibrary.ru/thuspc>
2. Avak'yan S.A. (2000). *The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity*. Moscow, RYUID, "Sashko" Publ., 528 p. (In Russ.)
3. Gritsanov A.A. (academ. ed.). (2001). *World Encyclopedia: Philosophy*. Moscow, Kharvest, Sovremennyyi literator Publ., 1311 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ypqlos>
4. Borodulin V.I. (ed.). (2001). *New Illustrated Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 912 p. (In Russ.)

5. Borisova N.E. (2023). Legal education in the paradigm of the state worldview. *Sbornik materialov konferentsii «Detstvo – territoriya bezopasnosti» = Collection of Conference Materials "Childhood Is A Territory Of Safety"*. Moscow, "Saratovskii istochnik" Publ., 508 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/chuvza>
6. Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. (2022). Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Zhurnal politicheskikh issledovaniy = Journal of Political Research*, no. 3, pp. 9-19. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>, <https://elibrary.ru/egeabu>
7. Lenin V.I. (1963). What to do. In: Lenin V.I. *Complete Set of Works*. Moscow, State Publisher of Political Literature, vol. 9, pp. 39-40. (In Russ.)
8. Makarenko A.S. (1986). *Pedagogical Poem: Novel*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 639 p. (In Russ.)
9. Pashentsev D.A. (2021). Historical legal science challenged by postnonclassical scientific rationality. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, no. 3, pp. 75-80. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-3-75-80>, <https://elibrary.ru/ypnhox>
10. Al'bov A.P. (compiler). (1997). *Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 435 p. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 18.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.6

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-520-529>

Шифр научной специальности 5.1.2

Экологический парк как особо охраняемая природная территория местного значения: теория и практика

© ДЕМИЧЕВ Алексей Андреевич,

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3; главный научный сотрудник научного центра, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 46, <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, aadem@bk.ru

Аннотация

Проанализировано региональное законодательство Российской Федерации, в котором предусматривается существование экологических парков как категории особо охраняемых территорий местного значения. Установлено, что из 89 субъектов Российской Федерации только в 5 из них (в Республике Ингушетия, Пермском крае, Липецкой области, Ульяновской области и Еврейской автономной области) предусматривается такая категория особо охраняемых природных территорий местного значения, как экологические парки. В законодательстве этих пяти регионов содержатся дефиниции экологических парков. В них указаны целевые установки создания экологических парков. Наиболее широкими они являются в Республике Ингушетия, Пермском крае и Еврейской автономной области. В законах названных трех субъектов установлены также основания признания территории экологическим парком: экологическая и эстетическая ценность. Выявлено, что в реальности экологические парки как особо охраняемые территории местного значения встречаются очень редко в России. В настоящее время созданы и успешно функционируют только два таких экологических парка (экологический парк села Пешнигорт и экологический парк «Южный лес»). Оба они находятся в Пермском крае. Еще один экологический парк местного значения – «Экопарк «Черное озеро», находящийся в Ульяновской области, обладает неопределенным правовым статусом. Сделан вывод о невостребованности экологических парков как особо охраняемых территорий местного значения. Причины этого заключаются в том, что, во-первых, в региональном законодательстве об экологических парках по своему правовому статусу эта категория практически не отличается от других особо охраняемых природных территорий, не обладает какой-либо спецификой по сравнению с ними. Следовательно, законодатель и правоприменитель на региональном и муниципальном уровне не видят особой необходимости в создании именно экологических парков. Во-вторых, успешно реализованными альтернативами экологическим паркам на практике являются другие виды особо охраняемых природных территорий местного значения (парки культуры и отдыха, охраняемые природные ландшафты, охраняемые природные объекты и др.).

Ключевые слова

особо охраняемые природные территории местного значения, экологические парки, экологическое законодательство субъектов Российской Федерации

Для цитирования

Демичев А.А. Экологический парк как особо охраняемая природная территория местного значения: теория и практика // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 520-529. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-520-529>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-520-529>

Ecological Park as a specially protected natural area of local significance: theory and practice

© Alexey A. DEMICHEV

Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe Rte., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; Chief Researcher of the Science Center, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9779-100X>, aadem@bk.ru

Abstract

The research analyzes the regional legislation of the Russian Federation, which provides for the existence of ecological parks as a category of specially protected areas of local significance. It has been established that out of 89 subjects of the Russian Federation, only 5 of them (the Republic of Ingushetia, Perm Krai, Lipetsk Oblast, Ulyanovsk Oblast, and the Jewish Autonomous Oblast) provide for such a category of specially protected natural areas of local significance as ecological parks. The legislation of these five regions contains definitions of ecological parks. They indicate the target settings for the creation of ecological parks. They are the broadest in the Republic of Ingushetia, Perm Krai, and the Jewish Autonomous Oblast. The laws of the three named subjects also establish the grounds for recognizing a territory as an ecological park: ecological and aesthetic value. It has been revealed that in reality, ecological parks as specially protected areas of local significance are very rare in Russia. Currently, only two such ecological parks have been created and are successfully functioning (the ecological park of the village of Peshnigort and the ecological park “Yuzhny Les”). Both of them are located in Perm Krai. Another local ecological park, the Black Lake Ecopark, located in the Ulyanovsk Region, has an uncertain legal status. It is concluded that there is no demand for ecological parks as specially protected areas of local significance. The reasons for this are that, firstly, in the regional legislation on ecological parks, this category is practically no different in its legal status from other specially protected natural areas and does not have any specific features compared to them. Consequently, the legislator and law enforcement officer at the regional and municipal levels do not see any particular need to create ecological parks. Secondly, other types of locally protected areas (culture and recreation parks, protected natural landscapes, protected natural sites, etc.) are successfully implemented alternatives to ecological parks in practice.

Keywords

specially protected natural territories of local importance, ecological parks, environmental legislation of the subjects of the Russian Federation

For citation

Demichev, A.A. (2024). Ecological Park as a specially protected natural area of local significance: theory and practice. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 520-529. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-520-529>

Введение

Частью 2 статьи 2 федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»¹ устанавли-

вается шесть категорий особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Две из них могут быть только федерального значения (государственные природные заповед-

¹ Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от

08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 12. Ст. 1024.

ники и национальные парки), одна – только регионального значения (природные парки), две категории (государственные природные заказники и памятники природы) – федерального и регионального значения. Наконец, дендрологические парки и ботанические сады могут находиться как в федеральном и региональном ведении, так и в ведении государственных научных организаций и государственных образовательных организаций высшего образования.

В соответствии с частью 3 статьи 2 названного выше федерального закона субъекты РФ своими законами вправе устанавливать и иные категории ООПТ регионального и местного значения. Что касается ООПТ местного значения, то, совершенно логично, правом их создания наделяются органы местного самоуправления.

В 2022 г. (это наиболее актуальные данные на момент написания данной статьи) в России существовало 1006 ООПТ местного значения (в совокупности ООПТ всех категорий было 11900), общей площадью 47,3 млн га².

Проанализировав законодательство субъектов об ООПТ, мы пришли к выводу, что из 89 субъектов РФ только в законах 56 субъектов устанавливаются конкретные категории ООПТ местного значения. По нашим подсчетам, всего в региональном законодательстве называется 90 категорий ООПТ местного значения (данной проблеме посвящена другая наша статья, поэтому в данной работе мы этот вопрос не рассматриваем).

Одной из категорий ООПТ местного значения являются экологические парки. Экологические парки как категория ООПТ местного значения устанавливаются законодательством пяти субъектов РФ (Республика Ингушетия, Пермский край, Липецкая и Ульяновская области, Еврейская автономная область). Далее мы проанализируем нормы об экологических парках в законодательстве субъектов РФ, а также практику их реализации.

Обратим внимание на то, что проблема экологических парков вообще не исследована в юридической науке. По крайней мере,

нам неизвестно ни одной работы, специально ей посвященной. Что касается исследований экологических парков представителями других наук, то они тоже очень малочисленны. Можно выделить лишь достаточно интересную статью кандидата экономических наук С.В. Белоусовой, написанную с позиции урбанистики [1], и статью биолога Н.С. Ракова, посвященную изучению биоразнообразия конкретного экопарка «Черное озеро» в Ульяновске [2]. Также практически неисследованными остаются и правовые вопросы, связанные с ООПТ местного значения в целом. Имеется всего несколько статей, в которых рассматриваются отдельные вопросы создания, управления и развития ООПТ местного значения [3–5].

Результаты исследования

Экологические парки в законодательстве субъектов Российской Федерации

В законах всех субъектов РФ, в которых содержатся нормы об экологических парках (Республика Ингушетия, Пермский край, Липецкая область, Ульяновская область, Еврейская автономная область), имеются дефиниции экологических парков. Причем в Республике Ингушетия и Пермском крае определения экологических парков идентичны. А в Еврейской автономной области оно отличается тем, что используется понятие «экологический парк» в единственном числе, а не во множественном, как в первых двух субъектах.

Еще одним отличием дефиниции экологического парка в законодательстве Еврейской автономной области от законодательства Республики Ингушетия и Пермского края является то, что в пункте 3 части 1-1 статьи 2 закона Еврейской автономной области от 29 июня 2011 г. № 968-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях областного и местного значения»³ делается акцент на том, что экологический парк представляет собой *особо охраняемую природную территорию* (акваторию) *местного значения*. В соответствующих законах двух

² О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 г. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 146.

³ Об особо охраняемых природных территориях областного и местного значения: Закон Еврейской автономной области от 29.06.2011 № 968-ОЗ (ред. от 02.06.2023) // Законодательное собрание Еврейской автономной области. URL: <http://zseao.ru/akt/> (дата обращения: 29.07.2024).

других субъектов такой акцент отсутствует (см. приведенную ниже дефиницию).

Так, в части 1 статьи 19.2 закона Республики Ингушетия от 4 марта 1999 г. № 8-РЗ «Об особо охраняемых природных территориях»⁴ и части 1 статьи 8 закона Пермского края от 4 декабря 2015 г. № 565-ПК «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края»⁵ содержится следующая дефиниция экологических парков:

«Экологические парки – территории (акватории), включающие в себя природные комплексы и объекты, имеющие значительную экологическую и эстетическую ценность и предназначенные для использования в природоохранных, просветительских и рекреационных целях, для отработки методов и приемов сохранения, восстановления и рационального использования природной среды, экологизации градостроительной и хозяйственной деятельности, экологического просвещения и природоохранного воспитания населения».

Когда совпадают формулировки тех или иных норм в законодательстве разных субъектов, возникает вопрос, кто у кого их заимствовал. Обратим внимание, что мы не видим ничего зазорного в заимствовании опыта. Более того, полагаем, что такой подход регионального законодателя следует только приветствовать, особенно в тех случаях, когда уже состоялась апробация заимствуемых норм. «Первоисточником» определения экологических парков является, по нашему мнению, закон Пермского края от 4 декабря 2015 г. № 565-ПК «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края». Хотя законы об ООПТ в Республике Ингушетия и Еврейской автономной области были приняты раньше (в 1999 и 2011 гг. соответственно), но нормы, касающиеся экологических парков

как ООПТ местного значения, были введены в них только в 2023 г., а именно: законом Еврейской автономной области от 2 июня 2023 г. № 266-ОЗ и законом Республики Ингушетия от 2 ноября 2023 г. № 66-РЗ.

Приведенное в законах Пермского края, Республики Ингушетия и Еврейской автономной области определение экологических парков/экологического парка достаточно объемно. Оно устанавливает основания, почему территория признается ООПТ, и ее целевое предназначение.

Основаниями признания территории экологическим парком являются:

- 1) экологическая ценность;
- 2) эстетическая ценность.

Целями создания экологических парков являются:

- 1) охрана окружающей среды;
- 2) экологическое просвещение и воспитание населения;
- 3) отдых и восстановление здоровья населения;
- 4) отработка методов и приемов сохранения, восстановления и рационального использования природной среды;
- 5) экологизации градостроительной и хозяйственной деятельности.

Несмотря на внешнюю проработанность дефиниции экологических парков, ясности их ценности и цели создания, по сути, подходит для многих категорий ООПТ.

Нормативно закрепленные положения, что на территории экологических парков постоянно или временно запрещается хозяйственная деятельность, которая может повлечь ухудшение состояния природных комплексов и объектов (часть 2 статьи 19.2 закона Республики Ингушетия от 4 марта 1999 г. № 8-РЗ «Об особо охраняемых природных территориях» и часть 2 статьи 8 закона Пермского края от 4 декабря 2015 г. № 565-ПК «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края»), также являются универсальными для ООПТ.

Определенная специфика экологических парков проявляется в том, что на их территориях выделяются функциональные зоны с различным режимом охраны и использования в зависимости от экологической и культурной ценности отдельных природных комплексов и объектов (часть 3 статьи 19.2 зако-

⁴ Об особо охраняемых природных территориях: Закон Республики Ингушетия от 04.03.1999 № 8-РЗ (ред. от 02.11.2023) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802045405> (дата обращения: 29.07.2024).

⁵ Об особо охраняемых природных территориях Пермского края: Закон Пермского края от 04.12.2015 № 565-ПК (ред. от 30.01.2023) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430599443> (дата обращения: 29.07.2024).

на Республики Ингушетия от 4 марта 1999 г. № 8-РЗ «Об особо охраняемых природных территориях» и часть 3 статьи 8 закона Пермского края от 4 декабря 2015 г. № 565-ПК «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края»). Такой подход законодателя представляется нам верным, поскольку выделение функциональных зон с разным режимом охраны и использования является специфической чертой парков как ООПТ. Федеральным законодательством предполагается зонирование национальных парков, находящихся в федеральном ведении, и природных парков, находящихся в ведении субъектов РФ (статья 15 и часть 2 статьи 21 ФЗ от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

В статье 1 закона Липецкой области от 21 июля 2003 г. № 61-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях Липецкой области»⁶ содержится иное определение экологического парка (правда, соответствующее положение было введено в названный нормативный правовой акт только в 2008 г. законом Липецкой области от 19 августа 2008 г. № 174-ОЗ⁷). Под экологическим парком понимается «территория, сочетающая урбанизированные и высокопродуктивные ландшафты с высоким экологическим, туристическим, учебно-познавательным, рекреационно-оздоровительным потенциалом».

В приведенном определении сделан акцент на сочетании урбанизированных территорий с некими «высокопродуктивными» ландшафтами. Однако, что такое высокопродуктивные ландшафты, не расшифровывается. Неотъемлемой характеристикой экологических парков является их высокий потенциал в разных сферах (экологической, туристической и т. д.). Здесь мы находим пересечения с целями экологических парков, установленных

в законах Республики Ингушетия, Пермского края и Еврейской автономной области.

О каком-либо зонировании экологических парков в законодательстве об ООПТ Липецкой области речь не идет. Зато статья 13 закона Липецкой области от 21 июля 2003 г. № 61-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях» устанавливает режим особой охраны всех местных ООПТ. Сущность данного режима заключается в запрете на территориях ООПТ местного значения, включая и экологические парки, хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на эти территории и препятствующей осуществлению функций экологического, санитарно-гигиенического и рекреационного назначения.

Поскольку при содержании в надлежащем порядке и охране любой ООПТ, в том числе местного значения, требуется серьезное финансирование, законодатель Липецкой области закрепил в статье 9 соответствующего нормативного правового акта нормы о финансировании мероприятий по обеспечению охраны ООПТ областного и местного значения. Кроме бюджетных средств, допускается использование средств, полученных от доходов от различного рода деятельности, не противоречащей задачам ООПТ (рекреационной, рекламно-издательской и др.), получение спонсорской помощи и др.

В законе Ульяновской области от 2 ноября 2020 г. № 127-ЗО «Об особо охраняемых природных территориях регионального значения Ульяновской области и об установлении категорий особо охраняемых природных территорий местного значения в Ульяновской области»⁸ непосредственно речь об экологических парках идет только в статье 3 «Категории особо охраняемых природных территорий местного значения в Ульяновской области». Данная статья устанавливает перечень категорий ООПТ местного значения и содержит их дефиниции, а в пункте 3 дана

⁶ Об особо охраняемых природных территориях Липецкой области: Закон Липецкой области от 21.07.2003 № 61-ОЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/872602926> (дата обращения: 29.07.2024).

⁷ О внесении изменений в Закон Липецкой области «Об особо охраняемых природных территориях Липецкой области»: Закон Липецкой области от 19.08.2008 № 174-ОЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/872609445> (дата обращения: 29.07.2024).

⁸ Об особо охраняемых природных территориях регионального значения Ульяновской области и об установлении категорий особо охраняемых природных территорий местного значения в Ульяновской области: Закон Ульяновской области от 02.11.2020 № 127-ЗО (ред. от 05.09.2023) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463735416> (дата обращения: 29.07.2024).

следующая дефиниция экологических парков: «экологические парки – особо охраняемые природные территории, создаваемые в целях выработки и распространения форм и методов сохранения, восстановления и рационального использования природных комплексов и объектов, находящихся в границах территорий муниципальных образований Ульяновской области».

В приведенном выше определении содержится указание на то, что экологические парки – это ООПТ. Также в нем сформулирована и цель создания экологических парков – выработка и распространения форм и методов сохранения, восстановления и рационального использования природных комплексов и объектов. Однако в этой дефиниции, как и в определениях прочих субъектов, отсутствует четкое указание на специфику именно экологических парков как ООПТ. Такие цели свойственны практически всем ООПТ.

В целом законодательству об экологических парках свойственна некая неопределенность, которая, по нашему мнению, должна повлиять на его практическую реализуемость. Далее мы рассмотрим, какова практика создания экологических парков в субъектах РФ.

Экологические парки в практике субъектов Российской Федерации

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о реальном существовании экологических парков как вида ООПТ местного значения, обратим внимание на то, что в разных регионах России существует огромное количество различных «экопарков». «Экопарки» не имеют никакого отношения к ООПТ, а представляют собой различные кемпинги, базы отдыха, отели и т. п., расположенные, как правило, за пределами городских поселений в местах, пригодных для отдыха. Слово «экопарк» в данном случае – это всего лишь маркетинговый ход, используемый для привлечения клиентов в целях успешной реализации коммерческих проектов.

Теперь остановимся на реально существующих экологических парках как ООПТ местного значения. Учитывая, что законодательство об экологических парках, как мы рассмотрели ранее, имеется в пяти субъектах РФ, можно предположить, что экологические парки успешно функционируют на их

территориях. На самом деле ситуация сложилась несколько иная.

Так, на территории Еврейской автономной области не создано ни одного ООПТ местного значения. В Липецкой области ООПТ местного значения достаточно многочисленны, но среди нет ни одного экологического парка. В Республике Ингушетия, насколько нам известно, также не создано ни одного экологического парка.

В Ульяновской области существует ООПТ местного значения «Экопарк «Черное озеро», созданная еще 22 апреля 1993 г. постановлением мэра города Ульяновска Ульяновской области № 536 «О создании экологического парка в пойме р. Свияга». Тогда же было утверждено Положение об экологическом парке «Черное озеро», допускавшее выделение трех функциональных зон: резерваты дикой природы; зоны регулируемого рекреационного использования; зоны свободного доступа.

У биолога Н.С. Ракова, исследовавшего эту ООПТ, нет сомнения, что «Черное озеро» – это экологический парк, который по своему статусу, режиму охраны и природопользования можно отнести к природным резерватам западноевропейского типа, и который можно использовать в целях экологического образования по типу национальных природных парков [2, с. 89]. В приложении № 2 «Перечень особо охраняемых природных территорий местного значения города Ульяновска» к Положению о территориальной охране природы в г. Ульяновске, утвержденном решением Ульяновской городской думы от 25 декабря 2002 г. № 222⁹, среди наименований объектов указывается «Экопарк «Черное озеро» (в т.ч. памятник природы)». Однако эта информация размещена в подразделе «Городские парки – особо охраняемые природные территории местного значения» среди сведений о еще десяти парках культуры и отдыха г. Ульяновска. При этом в кадастре ООПТ местного значения, размещенном на сайте Министерства природных

⁹ Об утверждении положения «О территориальной охране природы г. Ульяновска»: Решение Ульяновской городской думы от 25.12.2002 № 222 (ред. от 18.01.2012) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/918006063> (дата обращения: 01.07.2024).

ресурсов и экологии Ульяновской области, в карточке ООПТ «Экопарк «Черное озеро» в графе «категория ООПТ» стоит «не определена». Таким образом, несмотря на то, что в названии ООПТ имеется слово «Экопарк», юридически ООПТ местного значения не входит в категорию «экологический парк».

Казалось бы, наличие Положения об экологическом парке «Черное озеро» должно свидетельствовать об обратном. Однако не ясно, действует ли оно в настоящее время (есть основания полагать, что нет, об этом пойдет речь позже). 21 ноября 1994 г. Глава администрации Ульяновской области издал распоряжение № 1190-р «Об итогах инвентаризации памятников природы Ульяновской области», которым в Перечень объектов, признанных памятниками природы, был включен объект «Экологический парк «Черное озеро». Тем самым ситуация с отнесением «Экопарка «Черное озеро» к какой-либо категории ООПТ становится еще более запутанной. Не ясно, к какой же именно категории ООПТ относится «Экопарк «Черное озеро»: экологический парк, памятник природы или городской парк.

Ситуация осложняется и тем, что приказом Министерства лесного хозяйства, природопользования и экологии Ульяновской области от 5 февраля 2013 г. № 7 утверждено Положение об особо охраняемой природной территории **регионального (областного)**¹⁰ (выделено нами. – А. Д.) значения «Памятник природы «Экологический парк «Черное озеро», в котором, в том числе, указано местоположение и описание границ ООПТ. В конечном итоге оказалось, что ООПТ **регионального значения** памятник природы «Экологический парк «Черное озеро» и ООПТ **местного значения** «Экопарк «Черное озеро» находятся на земельном участке с одним кадастровым номером. Все это не осталось без внимания прокуратуры.

¹⁰ Об утверждении положений об особо охраняемых природных территориях регионального (областного) значения: Приказ Министерства лесного хозяйства, природопользования и экологии Ульяновской области от 05.02.2013 № 7 // Министерство природных ресурсов и экологии Ульяновской области. URL: <https://www.mpr73.ru/public/document/obl/2013-02-12-07.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

24 ноября 2020 г. прокуратурой Железнодорожного района г. Ульяновска было внесено представление Главе города Ульяновска о необходимости устранения нарушений закона. Суть претензий сводилась к тому, что должны быть проведены кадастровые работы по разделу соответствующего земельного участка для того, чтобы поставить на учет земельный участок под Экопарком «Черное озеро» местного значения, а также необходимости принять положение об ООПТ местного значения «Экопарк «Черное озеро» (последнее означает, что прокуратура не рассматривает в качестве действующего Положение 1993 г.). В дальнейшем дело приняло судебный оборот:

Решением Засвияжского районного суда г. Ульяновска № 2А-1927/2021 2А-1927/2021 ~М-1861/2021 М-1861/2021 от 10 июня 2021 г. по делу № 2А-1927/2021¹¹ предписывалось:

«Административный иск прокурора Железнодорожного района г. Ульяновска удовлетворить.

Признать бездействие администрации города Ульяновска, выразившееся в непринятии мер по разделу земельного участка, неустановлении границ особо охраняемой природной территории местного значения Экопарк «Черное озеро», непринятии Положения об особо охраняемой природной территории местного значения, незаконным.

Обязать администрацию города Ульяновска произвести раздел земельного участка с кадастровым номером № установить границы особо охраняемой природной территории местного значения Экопарк «Черное озеро», разработать Положение об особо охраняемой природной территории местного значения Экопарк «Черное озеро».

Судебная коллегия по административным делам Ульяновского областного суда 23 ноября 2021 г. и Шестой кассационный суд общей юрисдикции 5 мая 2022 г. оставили решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска без изменения¹².

¹¹ См.: Решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 10.06.2021 по делу № 2А-1927/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0qGJxIKasJ/> (дата обращения: 01.07.2024).

¹² См.: Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 23 ноября 2021 г. № 73RS0002-01-2021-005015-81. URL: <http://www.uloblsud.ru/index1>.

Резюмируя все сказанное выше в отношении «Экопарка «Черное озеро», мы вынуждены констатировать, что юридическая и фактическая ситуация с данным природным объектом в настоящее время так и остается до конца неопределенной.

В отличие от Ульяновской области в Пермском крае проблем подобного рода с экологическими парками как ООПТ местного значения не имеется. В настоящее время там функционируют два экологических парка местного значения.

ООПТ местного значения «Экологический парк села Пешнигорт» была образована решением Земского Собрания Кудымкарского муниципального района от 26 апреля 2016 г. № 32 «О создании особо охраняемой природной территории местного значения «Экологический парк села Пешнигорт»¹³. Интересно, что этот парк изначально был создан еще в 1998 г. учащимися Пешнигортской средней школы. Кстати, в настоящее время на названную школу, наряду с администрацией Кудымкарского муниципального района, возложены обязательства по охране экологического парка. В учетной форме Экологического парка села Пешнигорт прямо указывается, что категория, к которой он относится, – «экологический парк», а профиль – ботанический (искусственные насаждения ценных пород деревьев). При этом в нарушение части 3 статьи 8 закона Пермского края от 4 декабря 2015 г. № 565-ПК «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края» функциональные зоны в Экологическом парке села Пешнигорт не выделяются. Полагаем, что это обусловливается искусственностью происхождения, однородностью самого парка и относительно небольшой его площадью (чуть менее 6 га). В этой ситуации выделение каких-либо функциональных зон просто нецелесообразно.

[php?option=3&id=90&idCard=96864](https://docs.cntd.ru/document/918006063) (дата обращения: 01.07.2024); Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 5 мая 2022 г. № 88а-9471/2022. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1023012291> (дата обращения: 01.07.2024).

¹³ О создании особо охраняемой природной территории местного значения «Экологический парк села Пешнигорт»: Решение Земского Собрания Кудымкарского муниципального района от 26.04.2016 № 32. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/> (дата обращения: 01.07.2024).

Вторым экологическим парком местного значения в Пермском крае является экологический парк «Южный лес», созданный постановлением администрации г. Перми от 28 апреля 2022 г. № 323¹⁴. Его площадь составляет 218,72 га, в том числе в границах городских лесов – 120,45 га. На территории экологического парка существуют три функциональные зоны (защитная, рекреационная и хозяйственная) с разными режимами природопользования. Допускается, что в границах экологического парка могут быть расположены лесные участки, находящиеся в пользовании юридических и физических лиц. При этом основную площадь занимает защитная зона. Управление экологическим парком «Южный лес» осуществляет муниципальное казенное учреждение «Пермское городское лесничество».

Таким образом, в настоящее время на всей территории Российской Федерации полноценно функционируют только два экологических парка как ООПТ местного значения.

Заключение

Нормативную основу экологических парков в субъектах РФ нельзя назвать хорошо разработанной. Анализ законодательства субъектов РФ об ООПТ приводит к выводу, что только в Республике Ингушетия, Пермском крае, Липецкой области, Ульяновской области и Еврейской автономной области предусматривается такая категория ООПТ местного значения, как экологические парки.

В законах об ООПТ всех пяти названных субъектов РФ содержатся дефиниции экологических парков. В Республике Ингушетия и Пермском крае они идентичны и почти дословно совпадают с определением, данным законодателем Еврейской автономной области. В законах Ульяновской и Липецкой областей даны свои определения экологических парков.

В дефинициях всех субъектов указаны целевые установки создания экологических

¹⁴ Об утверждении Положения об особо охраняемой природной территории местного значения – экологическом парке «Южный лес»: Постановлением администрации г. Перми от 28.04.2022 № 323 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/918006063> (дата обращения: 01.07.2024).

парков. Наиболее широкими они являются в Республике Ингушетия, Пермском крае и Еврейской автономной области. В законах названных трех субъектов установлены также основания признания территории экологическим парком: экологическая и эстетическая ценность.

Однако основания и цели признания территории экологическим парком носят во всех случаях обобщенный характер. Это приводит к тому, что они подходят к большинству категорий ООПТ. Если убрать из дефиниции экологических парков само определяемое понятие, оставив лишь определение, будет совершенно неясно, к чему именно оно относится, чему соответствует. Указание на специфику экологических парков как особой категории ООПТ имеется только в законодательстве Республики Ингушетия и Пермского края. Особенностью экологических парков является то, что на их территориях в зависимости от экологической и культурной ценности отдельных природных комплексов и объектов выделяются функциональные зоны с различным режимом охраны и использования. Правда, функциональное зонирование свойственно не только экологическим паркам, но и национальным, и природным паркам.

В реальности экологические парки оказались очень редким явлением среди ООПТ местного значения. В настоящее время соз-

даны и успешно функционируют только два экологических парка, являющихся ООПТ местного значения (экологический парк села Пешнигорт и экологический парк «Южный лес»). Оба они находятся в Пермском крае. Еще одна ООПТ местного значения «Экопарк «Черное озеро», находящаяся в Ульяновской области, обладает неопределенным правовым статусом.

Все приведенное выше свидетельствует о невостребованности экологических парков как ООПТ местного значения. Полагаем, что такая ситуация обуславливается не тем, что экологические парки плохи как категория ООПТ (они вовсе не плохи!), а совсем другими обстоятельствами. Во-первых, анализ регионального законодательства об экологических парках приводит к выводу, что по своему правовому статусу эта категория практически не отличается от других ООПТ, не обладает какой-либо спецификой. Следовательно, законодатель и правоприменитель на региональном и муниципальном уровне не видят особой необходимости в создании именно экологических парков. Во-вторых, успешно реализованными альтернативами экологическим паркам на практике являются другие виды ООПТ местного значения (парки культуры и отдыха, охраняемые природные ландшафты, охраняемые природные объекты и др.).

Список источников

1. Белоусова С.В. Современные условия развития экологических парков в России // Зеленая инфраструктура городской среды: современное состояние и перспективы развития: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж: ООО «Конверт», 2019. С. 109-114. <https://elibrary.ru/yvxrex>
2. Раков Н.С. Экопарк «Черное озеро» в городе Ульяновске // Фиторазнообразии Восточной Европы. 2009. № 7. С. 89-145. <https://elibrary.ru/nuoihr>
3. Давыдова Н.Ю., Черепова И.С. Нормативно-правовые основы создания и развития особо охраняемых природных территорий местного значения (на примере Оренбургской области) // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 10 В. С. 292-305. <https://elibrary.ru/ykgvllh>
4. Изъюров Е.Ю., Огородова Л.Я. Правовые вопросы создания и развития особо охраняемых природных территорий местного значения // Экологическое право. 2015. № 6. С. 22-27. <https://elibrary.ru/vbsgvr>
5. Стадолин М.Е., Ямчук Е.В. Особо охраняемые природные территории местного значения: проблемы управления и развития // Вестник университета. 2017. № 3. С. 195-199. <https://elibrary.ru/vykeny>

References

1. Belousova S.V. (2019). Modern conditions of ecological parks development in Russia. *Sbornik statei III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Zelenaya infrastruktura gorodskoi sredy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya"* = Collection of articles of the 3rd International Scientific and Practical Conference "Green Infrastructure of the Urban Environment: Current State and Prospects for Development". Voronezh, LLC "Konvert" Publ., pp. 109-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvxrex>

2. Rakov N.S. (2009). Ecopark “Chernoe ozero” in Ulyanovsk city. *Fitoraznoobrazie Vostochnoi Evropy* = *Phytodiversity of Eastern Europe*, no. 7, pp. 89-145. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nuoihr>
3. Davydova N.Yu., Cherepova I.S. (2016). A legal framework for the creation and development of specially protected natural areas of local significance (a case study of the Orenburg region). *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* = *Matters of Russian and International Law*, vol. 6, no. 10 B, pp. 292-305. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ykgvhl>
4. Iz'yurov E.Yu., Ogrodovaya L.Ya. (2015). Legal issues of establishing and developing specially protected natural areas of local significance. *Ekologicheskoe pravo* = *Environmental Law*, no. 6, pp. 22-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vbsgvr>
5. Stadolin M.E., Yamchuk E.V. (2017). Specially protected natural areas of local significance: problems of governance and development. *Vestnik Universiteta*, no. 3, pp. 195-199. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vykeny>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 26.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.10.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-530-537>

Шифр научной специальности 5.1.2

Публично-правовое регулирование биомедицинских технологий: опыт Норвегии

© РОМАНОВСКИЙ Георгий Борисович,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, ScopusID 57191983029, ResearcherID S-7012-2016, vlad93@Sura.Ru

© РОМАНОВСКАЯ Екатерина Андреевна,

инженер-исследователь кафедры «Уголовное право», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0009-0007-3040-083X>, up406@mail.ru

© ДАСАЕВА Анастасия Исмаиловна,

инженер-исследователь кафедры «Уголовное право», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, <https://orcid.org/0009-0004-6314-1297>, nastya.dasaewa@yandex.ru

Аннотация

Проведено компаративистское исследование правового регулирования биомедицинских технологий. Цель исследования заключается в правовом изучении опыта Норвегии, представляющего собой пример консервативного подхода, основанного на максимально осторожном разрешении инноваций в столь чувствительной сфере. Подробно проанализированы основные положения Закона от 5 декабря 2003 г. № 100 «О медицинском использовании биотехнологий и т. д. (Закон о биотехнологии)». Этот закон исходит из соблюдения универсальных принципов в биомедицине – уважения человеческого достоинства, соблюдения прав человека и личной неприкосновенности, недискриминации по признаку наследственности, продвижения принципов биоэтики. Показаны основные ограничения, которые налагаются на медицинских работников при реализации вспомогательных репродуктивных технологий. Так, Норвегия – страна, где запрещено суррогатное материнство, а рождение детей с помощью вспомогательной репродукции возможно только после тщательной проверки пары на предмет возможности воспитания ребенка в надлежащих условиях. Предъявляются специальные требования к получению согласия на использование различных биологических объектов (ткани, клетки человека, абортированный материал) в исследовательских целях. Выделено, что действует специальное законодательство, определяющее правовой режим биобанков. Сделан вывод, что наличие жестких правил коррелируется с уровнем высокого доверия к системе общественного здравоохранения.

Ключевые слова

правовое регулирование, биомедицинские технологии, геномная медицина, трансплантология, Норвегия

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365>.

Для цитирования

Романовский Г.Б., Романовская Е.А., Дасаева А.И. Публично-правовое регулирование биомедицинских технологий: опыт Норвегии // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 530-537. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-530-537>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-530-537>

Public law regulation of biomedical technologies: the Norwegian experience

© **Georgy B. ROMANOVSKY**,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of “Criminal Law” Department, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0546-2557>, ScopusID 57191983029, ResearcherID S-7012-2016, vlad93@sura.ru

© **Ekaterina A. ROMANOVSKAYA**,

Research Engineer of “Criminal Law” Department, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-3040-083X>, up406@mail.ru

© **Anastasia I. DASAeva**,

Research Engineer of “Criminal Law” Department, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza, 440026, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0004-6314-1297>, nastya.dasaewa@yandex.ru

Abstract

A comparative study of the legal regulation of biomedical technologies is conducted. The purpose of the study is to conduct a legal examination of the Norwegian experience, which is an example of a conservative approach based on the most careful permission for innovation in such a sensitive area. The main provisions of the Law of December 5, 2003, No. 100 “On the Medical Use of Biotechnology, etc. (Biotechnology Law)” are analyzed in detail. This law is based on the observance of universal principles in biomedicine – respect for human dignity, observance of human rights and personal inviolability, non-discrimination on the basis of heredity, promotion of the principles of bioethics. The main restrictions imposed on medical workers when implementing assisted reproductive technologies are shown. For example, Norway is a country where surrogacy is prohibited, and the birth of children using assisted reproduction is possible only after a thorough examination of the couple for the possibility of raising a child in appropriate conditions. Special requirements are presented for obtaining consent for the use of various biological objects (tissues, human cells, aborted material) for research purposes. It is highlighted that special legislation is in force that determines the legal regime of biobanks. It is concluded that the presence of strict rules correlates with the level of high trust in the public health system.

Keywords

law regulation, biomedical technologies, genomic medicine, transplantology, Norway

Acknowledgements

The study is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365>.

For citation

Romanovsky, G.B., Romanovskaya, E.A., & Dasaeva, A.I. (2024). Public law regulation of biomedical technologies: the Norwegian experience. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 530-537. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-530-537>

Введение

Биомедицинские технологии стремительно развиваются, представляя при этом различные прогнозы преобразований не только системы общественного здравоохранения, но и многих смежных социальных институтов. Так, изменения, вносимые в ДНК человека,

которые уже сейчас практикуются многими странами мира, могут привести к излечению многих серьезных заболеваний. В то же время происходит поиск тех участков генома человека, которые отвечают за многие социальные качества: агрессия, социопатия, склонность к девиантному поведению. Биокрими-

нология, заручившись рядом успешных исследований, не теряет надежды в поиске «гена преступника», предлагая любое преступное поведение рассматривать не сквозь призму наказания (установленного Уголовным кодексом), а как отклонение от нормы, требующее медицинского вмешательства. Так, склонность к совершению преступления все активнее связывается с наличием определенной мутации в гене моноаминоксидазы А (используемая аббревиатура – МАО-А), приводящее к быстрому наращиванию нейротрансмиттеров, влияющих на импульсивность при попадании человека в стрессовую ситуацию, перерастающую в агрессию [1]. Подобные исследования продолжаются, и ген моноаминоксидазы А во многих исследованиях именуют «геном воина». В частности, отмечается: «Недавние исследования с визуализацией на большой выборке показывают, что во время эмоционального возбуждения мужчины МАОА-Л демонстрируют большую реактивность в миндалевидном теле и более низкую активность в регуляторных префронтальных областях. Такая работа предполагает наличие эмоциональных и когнитивных каналов, которые связывают МАОА-Л с импульсивными формами агрессии» [2]. Недавние исследования показали, что загрязнение окружающей среды пластиком, приводящим к повышенной концентрации бисфенола, усиливает нейрогенеративное воздействие, приводит к повышенной активности моноаминоксидазы, а значит, к внешней агрессии [3].

В этом направлении двигаются и некоторые сторонники нейроправа – новой правовой системы, построенной на учете особенностей головного мозга.

При общем векторе развития биомедицины и все большем значении технологий и их влияния на социальные институты российское законодательство по многим проблемным аспектам заметно отстает. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ содержит минимальное количество норм, отражающих раз-

витие биомедицины. В основном они касаются правового режима вспомогательных репродуктивных технологий, которые появились еще в конце прошлого века. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»² практически не менялся за всю свою более 30-летнюю историю. Геномная медицина находится вне правового поля, поскольку Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»³ с 1 сентября 2024 г. содержит общее правило: «Порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма не является предметом регулирования настоящего Федерального закона». Ранее действовавшее уточнение «за исключением генодиагностики и генной терапии (генотерапии)» исключено из текста закона. В то же время потребность в создании эффективной правовой базы нарастает, что актуализирует компаративистские исследования, позволяющие выявить уже апробированные правовые средства и методы регулирования.

Обсуждение

Право и биомедицина в современной Норвегии

Законодательство Норвегии выбрано не случайно, представляет собой пример строгих правил в отношении регулирования биомедицинских технологий. Это не сказывается на общем состоянии медицинского обслуживания. В этой стране одна из самых высоких продолжительностей жизни в мире – чуть более 83 лет. Расходы на здравоохранение составляют более 10 % от ВВП страны, что указывает на сильную приверженность страны к системе оказания медицинской помощи. Население ведет здоровьесберегающий образ жизни, что отражается в статистических данных: доля взрослого курящего населения составляет 15,27 %, доля насе-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

² О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) // Российская газета. 1993. 9 янв.

³ О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 28. Ст. 3348.

ния, страдающего диабетом, – 3,47 %. По социальным болезням Норвегия также одна из благополучных стран⁴.

Следует учитывать, что население Норвегии составляет около 5,5 миллиона человек, что при высоком уровне здравоохранения позволяет охватить его значительную часть инновационными услугами, имеющими высокую стоимость. В частности, в научной литературе можно найти много исследований о генетических признаках распространенности того или иного заболевания. Кроме того, в Норвегии создан обширный банк данных онкологических опухолей (материал собирался, начиная с начала 70-х гг. прошлого столетия). В Норвегии действует специальный Закон от 21 февраля 2003 г. № 12 «О лечебных биобанках»⁵, в соответствии с которым ведется публичный реестр всех биобанков.

Выстроенная система оказания медицинской помощи показала свою эффективность: уровень смертности от COVID-19 в Норвегии был почти в девять раз ниже, чем в среднем по странам ЕС в 2020 г. (84 смерти на миллион населения по сравнению с 744 смертями)⁶.

В сфере биомедицины системное значение имеет Закон Норвегии о биотехнологии (принят в 2003 г., вносятся изменения и дополнения, полное название – «Закон об использовании биотехнологии в медицине и т. д.»)⁷. Ему предшествовал Закон от 5 августа 1994 г. № 56 «Об использовании биотехнологий в медицине»⁸. Донорство органов, тканей и клеток человека регулируется Законом от 5 июля 2015 г. № 25 «О донорстве и трансплантации органов, клеток и тка-

ней (Закон о трансплантации)»⁹. Примечательно, что Закон о трансплантации распространяется на клетки человека. Подобный подход упрощает развитие 3D-биопечати, выводя данную технологию из-под регулирования лекарственных препаратов или биомедицинских клеточных продуктов. В этой части в Российской Федерации создает дополнительные сложности Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», а именно на этот закон ориентируются российские биотехнологии при определении режима биопечати. Добавим, что российский нормативный акт создал сложную административную процедуру внедрения биомедицинского клеточного продукта в лечебную практику. Только спустя 7 лет после принятия Закона в 2023 г. Минздрав России зарегистрировал первый БКП – «Изитенс» (препарат, позволяющий отказаться от операционного вмешательства при нарушении хрящевой суставной ткани) [4]. Реестр лицензий на производство БКП содержит сведения всего о шести организациях. Доклады Росздравнадзора о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов в течение всего времени действия такой формы контроля содержат нулевые показатели по проведенным проверкам. Отсутствие субъектов проверок обуславливает такое содержание отчетных документов.

Закон Норвегии о биотехнологии исходит из соблюдения универсальных принципов в биомедицине – уважения человеческого достоинства, соблюдения прав человека и личной неприкосновенности, недискриминации по признаку наследственности, – «на основе этических норм, закрепленных в нашем западном культурном наследии». Предметом регулирования выступают вспомогательные репродуктивные технологии, обращение с эмбрионами, диагностика плода, генетические исследования новорожденных, генотерапия. В то же время в Норвегии действует Закон от 20 июня 2008 г. № 44 «О медицинских и связанных со здоровьем ис-

⁴ Health Indicators – Norway. URL: <https://www.statista.com/outlook/co/health-indicators/norway> (accessed: 07.09.2024).

⁵ Lov om behandlingsbiobanker (behandlingsbiobankloven). URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-02-21-12/KAPITTEL_3#%C2%A714 (tilgået: 07.09.2024).

⁶ Norway. State of Health in the EU Country. Health Profile 2021. URL: https://health.ec.europa.eu/system/files/2021-12/2021_chp_no_english.pdf (accessed: 07.09.2024).

⁷ Lov om humanmedisinsk bruk av bioteknologi m.m. (bioteknologiloven). URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-12-05-100> (åpnet: 07.09.2024).

⁸ Lov om medisinsk bruk av bioteknologi. URL: <https://lovdata.no/dokument/LTI/lov/1994-08-05-56> (åpnet: 07.09.2024).

⁹ Lov om donasjon og transplantasjon av organ, celler og vev (transplantasjonslova). URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2015-05-07-25> (åpnet: 07.09.2024).

следованиях (Закон о медицинских исследованиях)¹⁰, который содержит правила проведения любых медицинских исследований, вводит этическую оценку медицинских исследований. Пилотные исследования и экспериментальное лечение также подпадают под действие закона. Закон устанавливает требования к организации исследований и согласию участников исследований, а также отдельные правила и условия для различных областей исследований. Практически сразу было также принято Руководство к Закону № 44 от 20 июня 2008 г. о медицинских и связанных со здоровьем исследованиях (Закон о медицинских исследованиях)¹¹.

Основные положения Закона о биотехнологии:

- ВРТ не рассматривается как услуга по желанию пациента. Решение о проведении лечения принимает врач (по заявлению), оно основывается «на медицинских и психосоциальных оценках женщины и ее возможного супруга или сожителя. Учитываются их возможности заботы о ребенке и его интересы. Врач уполномочен на сбор необходимой информации для принятия соответствующего решения. Устанавливается специальный порядок представления документов, подтверждающих возможности пары заботиться о будущем ребенке. Более того, если при наличии всех необходимых документов врач засомневается в возможностях семейной пары в вопросе предоставления надлежащей заботы будущему ребенку, врач направляет запрос в органы опеки для оценки всех обстоятельств и вынесения решения;

- закрепен отказ от анонимного донорства (установлен в 2017 г. после долгих дискуссий). Родители обязаны сообщить ребенку об особенностях его появления на свет (данное правило вызывает бурные дискуссии [5]). Возраст уведомления согласовывается с врачом. Ребенок в возрасте 15 лет имеет право получить информацию о личности донора (информация находится в специальном ре-

стре). Подобный подход стал характерен для многих европейских стран, тем более что анонимность нельзя признать абсолютной даже при провозглашении тайны происхождения в силу развития цифровых технологий. Практикуется создание международных социальных сетей для поиска биологических родственников. В мире уже значительное число историй (как комичных, так и трагических), когда благодаря такому обмену информацией происходило воссоединение биологических родственников. Первой страной, провозгласившей отказ от анонимности донорства в репродуктивных технологиях, стала Великобритания (в 2005 г.) [6];

- не допускается одновременное донорство яйцеклеток и спермы. Донорство ооцитов запрещено, но если женщина обратится в клинику за рубежом, то она может заявить о применении вспомогательной репродуктивной технологии, которая будет отражена в соответствующем регистре. Санкция за «репродуктивный туризм» отсутствует [7];

- регулируется посмертное донорство. В этом случае замороженный материал может быть использован пережившим супругом (сожителем), если посмертное использование соответствует воле умершего. Вводится еще одно условие: переживший супруг (сожитель) должен быть одиноким;

- установлен запрет на трансплантацию органов и тканей, продуцирующих гаметы;

- преимплантационная диагностика может проводиться только по медицинским показаниям в случае вероятной передачи тяжелого наследственного заболевания новорожденному. Запрещено проводить генетическую модификацию эмбриона. Определены жесткие условия диагностики, выход за которые недопустим. При этом участникам программы предоставляется нейтральная генетическая информация (без лишних подробностей о вероятном прогнозе возможных заболеваний). Медицинская организация представляет отчет в Министерство о проведении диагностики. Министерство устанавливает дополнительные правила проведения обследования, устанавливает перечень показаний к диагностике;

- закрепыены специальные условия использования «лишних» эмбрионов в исследовательских целях. Запрещено производить эм-

¹⁰ Lov om medisinsk og helsefaglig forskning (helseforskningsloven). URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2008-06-20-44> (åpnet: 07.09.2024).

¹¹ Veileder til lov 20. juni 2008 nr. 44 om medisinsk og helsefaglig forskning (helseforskningsloven). URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/hod/hra/v-eileder-til-helseforskningsloven.pdf> (åpnet: 07.09.2024).

брионы исключительно в исследовательских целях. Установлен предельный 14-дневный срок проведения исследований на эмбрионах. Запрещены исследования, вызывающие генетические изменения, которые могут передаваться по наследству у человека. Те эмбрионы, которые использовались в исследовательских целях, в обязательном порядке уничтожаются. Любое исследование с эмбрионами человека подвергается этической экспертизе. Обращает внимание, что «производители» лишних эмбрионов должны дать на это «добровольное, явное и осознанное» согласие. Перед получением согласия паре должна быть предоставлена вся информация о планируемом исследовании. Согласие может быть отозвано;

- запрещено производить эмбрионы путем клонирования, а также производить эмбрионы путем вставки генетического материала человека в яйцеклетку животного (создание химерных организмов). Запрещается использование методов, направленных на получение генетически похожих индивидов;

- устанавливается особый правовой режим генетического исследования плода беременной женщины (до 12 недель срока беременности информация о поле будущего ребенка может предоставляться только при наличии у женщины серьезного заболевания, передающегося по наследству);

- запрещается тестирование на отцовство на дородовой стадии развития плода;

- определен правовой режим тканей абортированного плода, которые можно использовать только для медицинских исследований, диагностики, производства вакцин и лечения. Закрепляется принцип исключительности использования таких тканей: только в случаях серьезных заболеваний, и когда другие формы лечения имеют ограниченный эффект. Производство вакцин из абортированного материала возможно только при отсутствии других равноценных методов. Коммерческое использование таких клеток и тканей запрещено. И здесь следует иметь в виду, что женщина должна дать согласие на использование абортированного материала, которому должно предшествовать полное информирование об использовании тканей плода. Общие правила о прерывании беременно-

сти устанавливаются Законом от 13 июня 1975 г. № 50 «О прерывании беременности (Закон об абортах)»¹²;

- генетическое тестирование используется только в медицинских целях, в диагностических или терапевтических целях (такие же требования устанавливаются применительно к геноterapiи);

- предъявляются специальные требования к организации, которая осуществляет регулируемые биомедицинские технологии (предусматривается представление регулярного отчета о деятельности).

Необходимо отметить, что норвежское законодательство последовательно идет по пути введения различных дополнительных запретов в области генотехнологий. Например, основные ограничения на преимплантационную диагностику были введены после 2016 г. В профессиональной среде постоянно обсуждаются дискриминационные риски расширения преимплантационной диагностики, а также пренатальной генодиагностики [8]. В этом же году медицинским работникам было запрещено уведомлять родственников о генетическом заболевании пациента без его согласия, что в целом поддерживается медицинским сообществом [9]. Расширен объем информации, которая должна предоставляться пациенту при проведении генетических исследований [10].

В Норвегии действует Совет по биотехнологиям – консультативный орган, который формируется правительством Норвегии, включает 15 членов, срок полномочий – 4 года. Его задача – представление заключений по различным сложным биоэтическим вопросам. В настоящее время Совет возглавляет специальный советник Марианна Аасен¹³.

Заключение

Законодательство Норвегии, определяющее правовой режим современной биомедицины, включает в себя значительное количество нормативных актов. Основные источники:

- Закон от 21 февраля 2003 г. № 12 «О лечебных биобанках»;

¹² Lov om svangerskapsavbrudd [abortloven]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1975-06-13-50> (åpnet: 07.09.2024).

¹³ Bioteknologirådet. URL: <https://www.bioteknologiradet.no/> (åpnet: 07.09.2024).

– Закон от 5 декабря 2003 г. № 100 «О медицинском использовании биотехнологий и т. д. (Закон о биотехнологии)»;

– Закон от 5 июля 2015 г. № 25 «О донорстве и трансплантации органов, клеток и тканей (Закон о трансплантации)»;

– Закон от 20 июня 2008 г. № 44 «О медицинских и связанных со здоровьем исследованиях (Закон о медицинских исследованиях)».

Обращает внимание, что каждый из приведенных нормативных актов не содержит развернутых правил, создающих лишнюю административную нагрузку. Задача каждого закона – определить знаковые аспекты и урегулировать их с точки зрения соблюдения этических правил и прав человека. В то же время норвежское законодательство представляет собой пример жесткого регулирования многих чувствительных биомедицинских технологий. Так, любое применение вспомогательных репродуктивных технологий будет сопровождаться серьезной оцен-

кой способности пары осуществлять уход за ребенком и представить ему надлежащее воспитание. Суррогатное материнство в Норвегии запрещено, и в обществе по этому вопросу есть консенсус, хотя происходят периодические попытки пересмотра запрета. Биомедицинские технологии выступают знаковым элементом биоэкономики [11]. В Норвегии к тому же это серьезная часть государственных расходов. Отчасти из-за этого присутствует здоровый консерватизм: государство должно понимать цели трат общественных ресурсов.

Норвежское законодательство сочетает в себе элемент осторожности к инновациям в чувствительных сферах и стремления к прогрессу. Совет по биотехнологиям аккумулирует различные точки зрения, стараясь оперативно представлять консультативные заключения. Подобный подход может быть воспринят российским законодателем с учетом национальных особенностей правовой системы.

Список источников

1. Brunner H.G., Nelen M., Breakefield X.O., Ropers H.H., van Oost B.A. Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A // *Science*. 1993. Vol. 262. № 5133. P. 578-580. <https://doi.org/10.1126/science.8211186>
2. McDermott R., Tingley D., Cowden J., Frazzetto G., Johnson D.D.P. Monoamine oxidase A gene (MAOA) predicts behavioral aggression following provocation // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2009. Vol. 106. № 7. P. 2118-2123. <https://doi.org/10.1073/pnas.0808376106>
3. Bhoi S., Sarangi P., Pradhan L.K., Sahoo P.K., Sahoo B.S., Aparna S., Raut S., Das S.K. Bisphenol F-induced precocious genesis of aggressive neurobehavioral response is associated with heightened monoamine oxidase activity and neurodegeneration in zebrafish brain // *Neurotoxicology and Teratology*. 2024. Vol. 106. Art. 107402. <https://doi.org/10.1016/j.ntt.2024.107402>
4. Зоричева А.С., Звонова Е.А., Агапова Л.С., Лыкова М.С., Маркова О.А., Леонов В.С. Опыт производства и клинического применения биомедицинского клеточного продукта Изитенс® для восстановления повреждений хрящевой ткани коленного сустава человека // *БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение*. 2024. Т. 24. № 2. С. 172-187. <https://doi.org/10.30895/2221-996X-2024-24-2-172-187>, <https://elibrary.ru/oosrku>
5. Sundby J. Infertility in public health: the case of Norway // *Facts, Views & Vision in ObGyn*. 2010. Vol. 2. № 3. P. 177-181.
6. Романовская О.В. Генетическое консультирование в семейном праве // *Гражданин и право*. 2014. № 12. С. 71-80. <https://elibrary.ru/tctfvx>
7. Goisis A., Håberg S.E., Hanevik H.I., Magnus M.C., Kravdal Ø. The demographics of assisted reproductive technology births in a Nordic country // *Human Reproduction*. 2020. № 35 (6). P. 1441-1450. <https://doi.org/10.1093/humrep/deaa055>
8. Johannessen J., Nærland T., Hope S., Torske T., Høyland A.L., Strohmaier J., Heiberg A., Rietschel M., Djurovic S., Andreassen Ole A., Butler Merlin G. Parents' Attitudes toward clinical genetic testing for autism spectrum disorder – data from a Norwegian sample // *International Journal of Molecular Sciences*. 2017. Vol. 18. № 5. Art. 1078. <https://doi.org/10.3390/ijms18051078>
9. Von Krogh A.S., Waage A., Quist-Paulsen P. Kongenital trombotisk trombocytopenisk purpura // *Tidsskr Nor Legeforen*. 2016. № 136. P. 1452-1457. <https://doi.org/10.4045/tidsskr.15.1272>

10. Prescott T. Skal friske barn testes for genetisk sykdomsdisposisjon? // *Tidsskr Nor Legeforen*. 2016. № 136. P. 1421.
11. Экономическое право / под науч. ред. Н.С. Бондаря. М.: Проспект, 2021. 352 с. <https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352>, <https://elibrary.ru/iymonq>

References

1. Brunner H.G., Nelen M., Breakefield X.O., Ropers H.H., van Oost B.A. (1993). Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A // *Science*, vol. 262, no. 5133, pp. 578-580. <https://doi.org/10.1126/science.8211186>
2. McDermott R., Tingley D., Cowden J., Frazzetto G., Johnson D.D.P. (2009). Monoamine oxidase A gene (MAOA) predicts behavioral aggression following provocation. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 106, no. 7, pp. 2118-2123. <https://doi.org/10.1073/pnas.0808376106>
3. Bhoi S., Sarangi P., Pradhan L.K., Sahoo P.K., Sahoo B.S., Aparna S., Raut S., Das S.K. (2024). Bisphenol F-induced precocious genesis of aggressive neurobehavioral response is associated with heightened monoamine oxidase activity and neurodegeneration in zebrafish brain. *Neurotoxicology and Teratology*, vol. 106, art. 107402. <https://doi.org/10.1016/j.ntt.2024.107402>
4. Zoricheva A.S., Zvonova E.A., Agapova L.S., Lykova M.S., Markova O.A., Leonov V.S. (2024). Experience in the production and clinical application of the cell-based medicinal product Easytense® for the repair of cartilage defects of the human knee. *BIOpreparaty. Profilaktika, diagnostika, lechenie = Biological Products. Prevention, Diagnosis, Treatment*, vol. 24, no. 2, pp. 172-187. (In Russ.) <https://doi.org/10.30895/2221-996X-2024-24-2-172-187>, <https://elibrary.ru/oosrku>
5. Sundby J. (2010). Infertility in public health: the case of Norway. *Facts, Views & Vision in ObGyn*, vol. 2, no. 3, pp. 177-181.
6. Romanovskaya O.V. (2014). Genetic counseling in family law. *Grazhdanin i pravo*, no. 12, pp. 71-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tctfvx>
7. Goisis A., Häberg S.E., Hanevik H.I., Magnus M.C., Kravdal Ø. (2020). The demographics of assisted reproductive technology births in a Nordic country. *Human Reproduction*, no. 35 (6), pp. 1441-1450. <https://doi.org/10.1093/humrep/deaa055>
8. Johannessen J., Nærland T., Hope S., Torske T., Høyland A.L., Strohmaier J., Heiberg A., Rietschel M., Djurovic S., Andreassen Ole A., Butler Merlin G. (2017). Parents' attitudes toward clinical genetic testing for autism spectrum disorder – data from a Norwegian sample. *International Journal of Molecular Sciences*, vol. 18, no. 5, art. 1078. <https://doi.org/10.3390/ijms18051078>
9. Von Krogh A.S., Waage A., Quist-Paulsen P. (2016). Kongenital trombotisk trombocytopenisk purpura. *Tidsskr Nor Legeforen*, no. 136, pp. 1452-1457. (In Swedish) <https://doi.org/10.4045/tidsskr.15.1272>
10. Prescott T. (2016). Skal friske barn testes for genetisk sykdomsdisposisjon? *Tidsskr Nor Legeforen*, no. 136, p. 1421. (In Nor.)
11. Bondarya N.S. (academ. ed.). (2021). *Economic Law*. Moscow, Prospekt Publ., 352 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392336791-2021-352>, <https://elibrary.ru/iymonq>

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 08.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.12

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-538-545>

Шифр научной специальности 5.1.3

К вопросу о безопасности как категории в гражданском праве

© ГУРУЛЕВА Эльвира Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Российская Федерация, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82, <https://orcid.org/0000-0002-3469-2741>, guruleva-ea@ranepa.ru

© ИВАНОВА Нелли Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-4601-6249>, nelli1004@yandex.ru

Аннотация

Человечество, преодолевая новые этапы своего развития, наряду с пополнением своего арсенала позитивными достижениями цивилизации вынуждено сталкиваться с новыми угрозами и вызовами, которые посягают на безопасность человека, общества и государства. В связи с этим особую актуальность получили проблемы обеспечения различных видов безопасности. В рамках правовой концепции безопасность рассматривается в качестве важнейшего социального блага. Цель: исследовать безопасность не только как юридическую категорию, но и определить доктринальные направления исследования безопасности как категории в гражданском праве. В ходе исследования проблематики используются метод анализа, этимологического анализа, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Проведенный анализ показывает, что проблемам гражданско-правового обеспечения безопасности в юридической литературе уделено недостаточно внимания. Рассмотрены разные подходы, которые сложились в результате исследования понятия безопасности, начиная с этимологии слова. Проведено теоретико-правовое исследование безопасности как правовой категории, рассмотрены особенности методологии при исследовании вопросов безопасности в гражданском праве. Сделан вывод, что безопасность – это не только состояние защищенности, но и возможность развития, и недопустимость угрозы повышенного риска либо риска, недопустимого при сравнимых обстоятельствах. Выявлено, что категория «безопасность» не носит абсолютного характера, а относительна и зависит от различных условий и обстоятельств.

Ключевые слова

юридическая категория, функции права, справедливость, добросовестность, опасность, безопасность, риск, защищенность

Для цитирования

Гурулева Э.А., Иванова Н.А. К вопросу о безопасности как категории в гражданском праве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 538-545. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-538-545>

On the issue of security as a category in civil law

© Elvira A. GURULEVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Civil Law and Procedure Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3469-2741>, guruleva-ea@ranepa.ru

© Nelli A. IVANOVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Civil Law Department, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4601-6249>, nelly1004@yandex.ru

Abstract

Mankind, overcoming new stages of its development, along with replenishment of its arsenal with positive achievements of civilization, is forced to face new threats and challenges that encroach on the security of man, society and the state. In this regard, the problems of ensuring various types of security have become particularly relevant. Within the framework of the legal concept, security is considered as the most important social good. Objective: to study security not only as a legal category, but also to determine the doctrinal directions of the study of security as a category in civil law. In the course of the study of the problematic, the method of analysis, etymological analysis, historical, comparative legal, formal legal methods are used. The conducted analysis shows that insufficient attention is paid to the problems of civil law provision of security in the legal literature. Different approaches that have developed as a result of the study of the concept of security, starting with the etymology of the word, are considered. A theoretical and legal study of security as a legal category is carried out, the features of the methodology in the study of security issues in civil law are considered. It is concluded that security is not only a state of protection, but also the possibility of development and the inadmissibility of a threat of increased risk or a risk that is inadmissible under comparable circumstances. It is revealed that the category of "security" is not absolute, but relative and depends on various conditions and circumstances.

Keywords

legal category, functions of law, justice, integrity, danger, safety, risk, security

For citation

Guruleva, E.A., & Ivanova, N.A. (2024). On the issue of security as a category in civil law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 538-545. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-538-545>

Введение

Безопасность – это одна из важнейших потребностей человека, общества, государства и всего мирового сообщества. Проблемы безопасности, ее понятия и сущности, вопросы обеспечения безопасности будоражили умы общественных деятелей, ученых разных отраслей знаний с давних пор и продолжают волновать по сей день. Римский государственный и политический деятель, философ Цицерон отмечал: «...прежде всего каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать, и добывать себе все необходимое для жизни» [1, с. 131].

В России основы правового обеспечения безопасности закреплены в Конституции РФ. Деятельность по обеспечению безопасности регулируется различными нормативными правовыми актами, в частности, Федеральным законом от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»¹, Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»², Федеральным законом от 02 января 2000 г.

¹ О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

² О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649.

№ 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»³ и др.

Основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности и иных, предусмотренных законодательством Российской Федерации видов безопасности (национальной безопасности), регламентируются Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁴.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) термин «безопасность» используется всего в нескольких статьях, он не применяется для раскрытия содержания основных принципов гражданского права, при этом следует признать, что в цивилистической науке важнейшими проблемами выступают проблемы защиты объектов и субъектов гражданских правоотношений и, соответственно, обеспечения их безопасности. Законодатель прямо говорит о безопасности в связи с защитой прав потребителей при продаже товаров, выполнении работ и оказании услуг. Так, например, пункт 1 статьи 7 Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» гласит: «Потребитель имеет право на то, чтобы товар (работа, услуга) при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации был безопасен для жизни, здоровья потребителя, окружающей среды...»⁵.

Понятие «безопасность» достаточно широко используется в различных отраслях права и в разных сферах жизнедеятельности человека: в сфере обеспечения национального суверенитета, промышленности, транспорта, строительства, интеллектуальной собственности, в экологической сфере и др. и, соответственно, в различных нормативных правовых актах. В гражданско-правовых отношениях безопасность имеет особую актуальность, и

гражданское законодательство этот термин тоже использует, при этом общепризнанная дефиниция безопасности отсутствует как в общей теории права, так и в цивилистике.

Несмотря на отсутствие достаточно разработанной теории и методологии безопасности, по сути, главной задачей правовой системы является обеспечение безопасности во всех сферах жизнедеятельности человека, и одних только средств и инструментов публичных отраслей права недостаточно. Важнейшая роль в обеспечении безопасности как в общем ее виде, так и в отдельных случаях принадлежит частно-правовым отраслям, роль которых недооценена.

Статья 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» называет безопасность личности как один из видов безопасности наряду с безопасностью государства, общественной безопасностью. Очевидно, что личная безопасность обеспечивается всем комплексом правовых средств, предусмотренных не только нормами публичного права, но и нормами частного права.

Фундаментальный характер, многогранность и многоаспектность такого явления, как безопасность, предопределили существование множества подходов к определению понятия безопасности, и как всякий объект исследования понимается и определяется по-разному.

Результаты исследования и их обсуждение

Современное правовое регулирование нуждается в разработке теоретических основ безопасности, которое в свою очередь требует наличия соответствующего категориального аппарата. На законодательном уровне понятие «безопасность» было впервые закреплено в утратившем ныне силу Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», статья 1 которого гласила: «безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

В нормативных правовых актах о безопасности законодатель раскрывает безопасность либо через состояние защищенности⁶,

³ О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон от 2.01.2000 № 29-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 150.

⁴ О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ. Ст. 1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

⁵ О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1. Ст. 7 // Российская газета. 1992. 7 апр.

⁶ О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ. Ст. 1 // Российская газета. 1995. 5 янв.

либо путем указания на опасности, которые надо избегать и предотвращать, либо путем описания допустимых характеристик, которые не причиняют вреда (как, например, в Решении Комиссии ТС «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе» безопасность детских сосок оценивается по органолептическим, санитарно-химическим, токсиколого-гигиеническим показателям безопасности⁷). В Законе РФ «О защите прав потребителей» безопасность товара (работы, услуги) характеризуется путем перечисления объектов (жизнь, здоровье, имущество потребителя и окружающая среда), которым может быть причинен вред недоброкачественным товаром (работой, услугой)⁸.

Считается, что философ Роббер одним из первых исследователей сформулировал понятие безопасности, понимая под ним «спокойное состояние духа человека, считающего себя защищенным от любой опасности» (цит. по: [2, с. 20-21]). Это определение обращает внимание исследователей на двойственную природу безопасности: объективную и субъективную. Действительно, безопасность – это зачастую субъективное ощущение человека, которое выражается в спокойствии, в отсутствии страха, тревожности, опасения или ожидания какой-либо неприятности или беды возможно даже по причине неосведомленности. Такое состояние никоим образом не свидетельствует о том, что человек действительно находится в безопасности в объективном смысле.

Если мы обратимся к этимологии слова «безопасность», то нетрудно заметить, что оно образовалось путем присоединения частицы «без» к слову «опасность». И соответственно, в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова безопасность определяется как «отсутствие опасности»⁹.

В социально-гуманитарных науках подобный подход тоже находит свое выраже-

ние. Однако понимание безопасности как отсутствие опасности не раскрывает внутренние структурные связи рассматриваемого явления. Следует признать, что безопасность и опасность – это тесно взаимосвязанные и взаимозависимые категории, являясь диаметрально противоположностями, они не могут существовать друг без друга.

Лингвистическое толкование понятия, разумеется, необходимо, но оставляет исследование понятия в определенных рамках и не позволяет раскрыть подлинную природу явления. Следует согласиться с позицией В.В. Абрамова, который отмечает, что «только лингвистического толкования понятия безопасности безусловно недостаточно, поскольку в данном случае под отсутствием опасности как бы подразумевается возможность достижения подобной идеальной ситуации» [3, с. 113]. Иными словами, в условиях объективной реальности невозможно достичь такого состояния, при котором для человека, общества и государства отсутствует какая-либо опасность.

Обращает на себя внимание и тот факт, что «представители философского сообщества, специализирующиеся на проблематике безопасности, в начале двухтысячных высказывали озабоченность отсутствием философского учения о безопасности» [4, с. 8], это при том, что проблемы безопасности возникли перед человечеством с самого начала его существования, и попытки осмысления проблемы безопасности предпринимались уже в философских школах древнего мира. Вопросами безопасности интересуются не только философы, но и государственные деятели, международники, экономисты, правоведы, социологи, политологи, экологи и многие другие. Как отмечает А.П. Кружков, ученые, рассматривая понятие безопасности в философии, приходят к выводу о том, что: «В отечественной литературе, посвященной проблемам безопасности, преобладает, к сожалению, точка зрения, согласно которой данная проблема рассматривается как юридическая, экономическая или социологическая» [5, с. 25].

Попытки сформулировать определение безопасности предпринимались представителями разных областей научных знаний. В социально-философском аспекте безопас-

⁷ О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе: Решение Комиссии Таможенного союза от 28.05.2010 № 299. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101851/ (дата обращения: 10.08.2024).

⁸ О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Российская газета. 1992. 7 апр.

⁹ Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=2007> (дата обращения: 12.08.2024).

ность трактуется как «уровень противоречий, не приводящий к социальной энтропии» [6, с. 61]. В самом общем виде представители различных философских течений рассматривают безопасность «как фундаментальную составляющую бытия, основу существования и жизнедеятельности человека» [7, с. 102].

С.А. Вершилов, исследуя категорию безопасности, приходит к выводу: «С одной стороны, это общенаучная категория, которая не является чем-то осязаемым, материальным. Она выступает интегральной формой выражения жизнестойкости различных объектов, ...с другой – это вполне конкретная, ясная и четкая научная категория, своей сутью и содержанием направленная на защиту жизненных интересов личности, общества, государства» [6, с. 60].

Понимание безопасности как состояние защищенности зародилось в России еще с XI века, когда безопасность обозначалась древнерусским словом «опась» – беспокойство в ожидании беды, неприятности. По другой версии «русское слово «опасность» происходит от слова «пасти» [8]. В XIV веке появляется слово «опасаться», заложив тем самым в смысл понятия безопасности аспект состояния защищенности, то есть удержания достигнутых характеристик безопасности. «Опасным было то, что при известных условиях можно было не сохранить, лишиться как человеку, так и обществу, и государству. Безопасный есть осторожный, защищенный» [9, с. 527]. Опасность изначально рассматривалась как кратковременное, эпизодическое событие, влекущее неблагоприятные последствия, событие, представляющее угрозу какому-либо объекту, но с течением времени перестала рассматриваться как временное явление, а стала осознаться как постоянное потенциально-угрожающее состояние.

Категория безопасности в гражданском праве прослеживается в регулировании как имущественных, так и личных неимущественных отношений. Рассматривая безопасность личности как разновидность личных неимущественных благ, исследователи с гражданско-правового аспекта обеспечения личной безопасности относят такие гражданско-правовые категории, как честь, достоинство, доброе имя, деловая репутация [10, с. 164-165].

Понятие имущественной безопасности не является достаточно определенным в науке. Спорным является вопрос о соотношении понятий «имущественная безопасность» и «экономическая безопасность». Так, С.М. Микаилов считает, что имущественная безопасность является составной частью экономической безопасности [11, с. 19]. Он приходит к выводу, что «имущественная безопасность представляет собой сложное по структуре явление, включающее как систему условий и факторов защиты имущественных интересов, так и процесс использования данных ресурсов и возможностей общества для сохранения, поддержания и развития этих условий и факторов» [12, с. 199].

Д.В. Ирошников рассматривает имущественную безопасность в качестве самостоятельного вида безопасности, выделяя имущественную безопасность личности, общества, государства [10, с. 174]. Кроме имущественной безопасности, ученый предлагает выделять безопасность собственности. Различия между ними, по мнению Д.В. Ирошникова, определяются объектом [10, с. 173].

Потребность в обосновании категории безопасности в гражданском праве обусловлена, во-первых, необходимостью совершенствования механизма защиты объектов и субъектов гражданских правоотношений, обеспечения стабильности гражданского оборота.

Во-вторых, в современном гражданском праве расширяются особые правовые гарантии слабой стороны частноправовых отношений. Так, в условиях рыночной экономики потребители, не обладающие знаниями и иными ресурсами, часто оказываются в уязвимом положении по отношению к производителям и продавцам товаров, работ и услуг.

В-третьих, правовая доктрина, а также гражданское законодательство признают допустимым вмешательство государства в регулирование частноправовых отношений в целях безопасности государства и обеспечения обороны страны, а также в целях защиты законных интересов граждан и общества. Например, установленный Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹⁰,

¹⁰ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ

запрет для иностранцев приобретать земельные участки, находящиеся на приграничных территориях, а также относящиеся к землям сельскохозяйственного назначения, продиктован необходимостью соблюдения экономической безопасности и территориальной целостности государства.

В целях обеспечения финансовой стабильности России с 1 марта 2022 г. действуют ограничения на совершение сделок с недвижимостью иностранными лицами недружественных государств¹¹.

Безопасность как определенное состояние защищенности было принято многими исследователями «в качестве концептуального основания проводимых теоретических изысканий, хотя ученые и расходятся в определении объекта защиты, характера угроз и защищаемых интересов» [3, с. 112]. Также предпринимались попытки рассматривать безопасность как «меру защищенности среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом» [13, с. 1].

Стоит согласиться с В.А. Рыбаковым и Д.В. Ирошниковым, которые обращают внимание на то, что «важен и второй аспект в понимании безопасности: устойчивое развитие» [14, с. 4]. Ввиду того, что «объект защиты не находится в стационарном состоянии. Он... должен развиваться. Поэтому все, что тормозит развитие, следует рассматривать как опасность» [15, с. 25]. Это, действительно, важный аспект проявления безопасности. Устойчивое развитие возможно только в состоянии защищенности. Так, например, ребенок, которого родители содержали вместе с собакой на привязи в собачьей будке, находился в опасности, хотя физической стороне его жизни ничто не угрожало. Такой ребенок в ранний период своей жизни не смог получить развитие, родители его только обеспечивали примитивным питанием, и в дальнейшем такой ребенок не смог адаптироваться к жизни в обществе.

// Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

¹¹ О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/ (дата обращения: 12.08.2024).

Одним из аспектов безопасности выступает отсутствие риска в допустимых пределах. К примеру, если подрядчик выполняет работу по договору подряда и при этом использует способы (механизмы, оборудование и т. п.), которые создают для заказчика высокую вероятность наступления опасного события, то в этом случае можно говорить о нарушении безопасности заказчика. Или, к примеру, транспортные договоры, в процессе исполнения которых вероятность возникновения различных рисков является достаточно высокой. Несмотря на предпринимаемые меры со стороны государства, направленные на ужесточение государственного контроля в сфере предоставления транспортных услуг, проблемы обеспечения безопасности жизни и здоровья пассажиров, сохранности грузов сохраняют свою остроту по сей день.

Таким образом, субъект (индивид) может находиться в состоянии защищенности, но если в этот момент он в высокой степени подвергается возможности наступления опасного для него явления, то вряд ли здесь можно говорить о безопасности.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что безопасность – это не только состояние защищенности, но и возможность развития, и недопустимость угрозы повышенного риска либо риска, недопустимого при сравнимых обстоятельствах.

Учитывая многогранность феномена безопасности, стоит отметить «для того, чтобы выбрать наиболее полезную методологию исследования безопасности, нужно предварительно задать себе вопрос: чья безопасность обеспечивается – индивида, социальной группы, государства или международной системы» [16, р. 18], и применительно к гражданскому праву речь идет о безопасности субъектов гражданского права и их имущества [17, с. 367].

В юридической литературе можно обнаружить подход, в соответствии с которым обеспечение безопасности – это прерогатива публичных отраслей права. Следует согласиться с мнением Д.В. Ирошникова, что «Такое сужение представляется несколько поверхностным в силу того, что оно игнорирует фундаментальные начала права как регулятора общественных отношений» [18, с. 453].

Роль категории безопасности в гражданском праве, на наш взгляд, недооценена, при том, что идеей безопасности пронизаны целый ряд норм гражданского права, что важнейшей задачей гражданского права выступает защита объектов гражданского права, и это состояние защищенности не может быть рассмотрено в отрыве от безопасности.

Заключение

Главное назначение права как социального регулятора – обеспечить безопасность человека, общества и государства посредством реализации охранительной и регулятивной функций права. Как одна из самых всеобъемлющих категорий безопасность пронизывает все сферы социальной жизни, является основой бытия и одной из первостепенных нужд человека и при кажущейся простоте является весьма непростым для осмысления понятием.

На современном этапе развития юридической науки отсутствует общепризнанное понятие безопасности, оно не раскрыто ни в действующих нормативных правовых актах, ни в общей теории права, ни в цивилистической науке, притом что современное правовое регулирование нуждается в разработке теоретических основ безопасности, которое в свою очередь требует разработки соответствующего категориального аппарата.

Несмотря на отсутствие достаточно разработанной теории и методологии безопасности, по сути, главной задачей правовой системы является обеспечение безопасности во всех сферах жизнедеятельности человека и одних только средств и инструментов публичных отраслей права недостаточно, необходимо совершенствовать и развивать частно-правовой механизм обеспечения безопасности.

Список источников

1. Цицерон М.Т. О старости, о дружбе, об обязанностях / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 526 с.
2. Гончаренко Л.П. Управление безопасностью. М.: Кнорус, 2005. 272 с.
3. Абрамов В.В. Дефиниция «безопасность» в гражданском праве и законодательстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 111-117. <https://elibrary.ru/rpyaux>
4. Родачин В.М. Философия безопасности: энциклопедический словарь категорий, понятий, концептов, идей. СПб.: Наукоемкие технологии, 2024. 160 с.
5. Кружков А.П. Социально-философские аспекты создания безопасной среды: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009. 153 с.
6. Вершилов С.А. Понятие безопасности: социально-философский аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8 (42). С. 59-61. <https://elibrary.ru/lpayyf>
7. Волкова Н.П. Понятие безопасности в истории философии // Философское образование. 2017. № 1 (35). С. 98-103. <https://elibrary.ru/zbnhxf>
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1993. 624 с.
9. Богданович А.Б., Луц Л.Н., Новицкий В.В., Сергеев В.Н. К вопросу концептуальной истории безопасности // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2018. Т. 2. № 4. С. 521-532. <https://elibrary.ru/ypmhtn>
10. Прошников Д.В. Безопасность как правовая категория. М., 2019. 224 с. <https://elibrary.ru/qytzbo>
11. Микаилов С.М. Национальная и имущественная безопасность: соотношение понятий и аспекты обеспечения вневедомственной охраной полиции. М.: ПИН, 2013. 296 с.
12. Микаилов С.М. Сфера обеспечения имущественной безопасности юридических и физических лиц как объект государственного регулирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 197-201. <https://elibrary.ru/rxogkj>
13. Митрохин В.И. Национальная безопасность России // Интеллектуальный мир. 1995. № 6. С. 1-20.
14. Рыбаков В.А., Прошников Д.В. О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности // Юрист. 2017. № 2. С. 4-9. <https://elibrary.ru/xwvvvl>
15. Климов О.Н. Национальная безопасность России в условиях глобализации (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 169 с. <https://elibrary.ru/nmhvgf>
16. Zięba R. Bezpieczeństwo w ujęciu różnych paradygmatów naukowych // Bezpieczeństwo. Dyscyplina nauki wobec funkcjonowania państwa. Białystok: Agencja Wydawnicza Ekopress, 2018. P. 13-26.

17. Ирошников Д.В., Пулик А. Методологические аспекты исследования безопасности в гражданском праве // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 364-377. <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-364-377>, <https://elibrary.ru/odddou>
18. Ирошников Д.В. Безопасность как правовая категория: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 596 с.

References

1. Cicero M.T. (1999). *About Old Age, about Friendship, about Duties*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 526 p. (In Russ.)
2. Goncharenko L.P. (2005). *Security Management*. Moscow, Knorus Publ., 272 p. (In Russ.)
3. Abramov V.V. (2013). Definition "safety" in the civil law and the legislation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, no. 4 (22), pp. 111-117. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rpyaux>
4. Rodachin V.M. (2024). *Philosophy of Security: Encyclopedic Dictionary of Categories, Notions, Concepts, Ideas*. St. Petersburg, Naukoemkie tekhnologii Publ., 160 p. (In Russ.)
5. Kruzhkov A.P. (2009). *Sotsial'no-filosofskie aspekty sozdaniya bezopasnoi sredy*. Cand. Sci. (Philosophy) diss. Saransk, 153 p. (In Russ.)
6. Vershilov S.A. (2009). Safety in social philosophy. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 8 (42), pp. 59-61. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lpayyf>
7. Volkova N.P. (2017). The concept of security in the history of philosophy. *Filosofskoe obrazovanie*, no. 1 (35), pp. 98-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbnhxf>
8. Chernykh P.Ya. (1993). *Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow, Russkii yazyk Publ., 624 p. (In Russ.)
9. Bogdanovich A.B., Luts L.N., Novitsky V.V., Sergeev V.N. (2018). On conceptual history of safety. *Vestnik Universiteta grazhdanskoi zashchity MChS Belarusi = Journal of Civil Protection*, vol. 2, no. 4, pp. 521-532. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ypmhtn>
10. Iroshnikov D.V. (2019). *Security as a Legal Category*. Moscow, 224 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qytzbo>
11. Mikailov S.M. (2013). *National and Property Security: the Relationship between Concepts and Aspects of Providing Non-Departmental Police Security*. Moscow, PIN Publ., 296 p. (In Russ.)
12. Mikailov S.M. (2014). The sphere of ensuring property security of legal entities and individuals as an object of state regulation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 2, pp. 197-201. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rxogkj>
13. Mitrokhin V.I. (1995). National security of Russia. *Intellectual'nyi mir*, no. 6, pp. 1-20. (In Russ.)
14. Rybakov V.A., Iroshnikov D.V. (2017). Civil mechanism for ensuring human security. *Yurist = Jurist*, no. 2, pp. 4-9. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xwvvvl>
15. Klimov O.N. (2003). *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v usloviyakh globalizatsii (politologicheskii analiz)*. Cand. Sci. (Politicalology) diss. Moscow, 169 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nmhvgf>
16. Zięba R. (2018). Bezpieczeństwo w ujęciu różnych paradygmatów naukowych. *Bezpieczeństwo. Dyscyplina nauki wobec funkcjonowania państwa*. Białystok, Agencja Wydawnicza Ekopress, pp. 13-26. (In Polish).
17. Iroshnikov D.V., Pulik A. (2021). Methodological aspects of security research in civil law. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy = Methodological Problems of the Civil Law Researches*, no. 3, pp. 364-377. (In Russ.) <https://doi.org/10.33397/2619-0559-2021-3-3-364-377>, <https://elibrary.ru/odddou>
18. Iroshnikov D.V. (2021). *Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya*. Dr. Sci. (Law) diss. Moscow, 596 p. (In Russ.)

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 12.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-546-551>

Шифр научной специальности 5.1.2

Сравнительный анализ Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. и проекта Стратегии противодействия экстремизму на период 2025–2036 гг. в Российской Федерации

© ОМЕЛИНА Ольга Сергеевна,

преподаватель кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта, ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина», Российская Федерация, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71, <https://orcid.org/0009-0002-9707-8295>, omelina00@bk.ru

Аннотация

Представлен сравнительный анализ положений двух стратегических документов в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.» и проект новой «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на период 2025–2036 гг.». Цель исследования – определение тенденций государственной политики в сфере противодействия экстремизму посредством анализа положений Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. и проекта Стратегии противодействия экстремизму до 2036 г. Использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод) и частнонаучные методы (статистический и сравнительно-правовой). Сделан вывод о том, что распространение экстремистских идей выступает в качестве серьезной угрозы для развития российского общества. Для определения направлений деятельности государства в указанном направлении необходимо произвести анализ базовых документов стратегического назначения.

Ключевые слова

противодействие экстремизму, стратегическое планирование, сравнительный анализ, государственная политика

Для цитирования

Омелина О.С. Сравнительный анализ Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. и проекта Стратегии противодействия экстремизму на период 2025–2036 гг. в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 546–551. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-546-551>

Comparative analysis of the Strategy for Countering Extremism until 2025 and the draft Strategy for Countering Extremism for the period 2025–2036 in the Russian Federation

© Olga S. OMELINA,

Lecturer at Safety Assurance at Transport Facilities Department, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0002-9707-8295>, omelina00@bk.ru

Abstract

A comparative analysis of two strategic documents' provisions in the countering extremism field in the Russian Federation is presented: the Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 "On approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025" and the draft of the new "Strategy for countering extremism in the Russian Federation for the period 2025–2036". The purpose of the study is to determine the trends in state policy in the countering extremism field by analyzing the Strategy provisions for Countering Extremism until 2025 and the draft Strategy for Countering Extremism until 2036. The spread of extremist ideas acts as a serious threat to the Russian society's development. To determine the state's activities' directions, it is necessary to analyze the basic documents of strategic purpose. As research methods, the following are defined: general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, system method) and private scientific methods: statistical and comparative legal.

Keywords

counter-extremism, strategic planning, benchmarking, public policy

For citation

Omelina, O.S. (2024). Comparative analysis of the Strategy for Countering Extremism until 2025 and the draft Strategy for Countering Extremism for the period 2025–2036 in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 546-551. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-546-551>

Введение. Постановка проблемы

На протяжении нескольких веков ведется активная борьба с таким негативным явлением в обществе, как экстремизм. В настоящее время решение указанной проблемы приобрело большое значение, так как складывающаяся внешнеполитическая обстановка способствует развитию экстремистских взглядов в различных слоях общества.

Экстремизм представляет собой такое же древнее явление, как и само порождающее его человечество. Он является выходом за пределы, принятые и одобренные обществом и государством, общечеловеческой морали, за рамки закона, обычая, традиции, правил поведения [1, с. 14].

Начиная с 2019 г. в Российской Федерации количество преступлений экстремистской направленности значительно увеличилось. В 2019 г. было зарегистрировано 558

преступлений¹, в 2020 г. – 833², в 2021 г. – 1057³, в 2022 г. – 1566⁴, в 2023 г. – 1340 пре-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 10.08.2024).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.08.2024).

⁴ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/30000000/> (дата обращения: 10.08.2024).

ступлений⁵. Статистические данные показывают увеличение количества преступлений экстремистского характера за указанный период более чем в два раза.

Сложно представить, насколько большие объемы информации экстремистского характера в свободном доступе размещены в сети Интернет. Указанный факт обуславливает широкое распространение радикальных экстремистских взглядов среди молодежи как субъекта, наиболее привязанного к информационному пространству.

Президент Российской Федерации В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России отметил: «Особое внимание следует уделять нейтрализации попыток экстремистов и разного рода радикалов использовать сеть Интернет»⁶. Также особое внимание было уделено наиболее активной реализации мер превентивного характера. Предупреждение развития идеологии экстремизма среди населения в большей мере реализуется в рамках административного права, так как уголовно наказуемые деяния экстремистского характера подразумевают наличие общественно-опасных последствий.

Одним из направлений деятельности государства в области противодействия экстремизму является стратегическое планирование. В свою очередь, в качестве одной из целей стратегического планирования определяется обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в рамках определения понятия «стратегическое планирование» закрепляет следующие три категории «целеполагание, прогнозирование, планирование»⁷. Постановка целей по противодействию

вию экстремизму выступает в качестве установки, результата, которого необходимо достичь за определенный период. Прогнозирование позволяет определить условия, тенденции, факторы, которые могут оказать существенное влияние на достижение поставленных целей в рамках планирования. Долгосрочное планирование имеет результат только в тесной взаимосвязи с прогностической деятельностью. Абсолютно все факторы и условия, которые могут оказать влияние на процесс реализации Стратегии, спрогнозировать трудно, поэтому есть возможность корректировки документа стратегического планирования.

По истечении установленного срока документа стратегического планирования наступает этап аналитической работы, которая заключается в анализе целей, которые были и не были достигнуты, выявлении причин и условий не выполнения в полном объеме или частично отдельных пунктов стратегии. Данное исследование позволяет скорректировать содержание стратегического документа на следующий период.

Результаты исследования

На сегодняшний день действует Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»⁸. Однако данный Указ находится на завершающем этапе реализации, что позволяет произвести анализ степени реализации его пунктов, а также сравнить его с проектом новой «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на период 2025–2036 годов»⁹.

Количество и название разделов в Стратегии и в проекте Стратегии не изменилось. В свою очередь, объем проекта новой Стратегии существенно увеличился. Для определения причины существенного увеличения содержания проекта новой Стратегии необходимо провести сравнительный анализ каждого раздела Стратегии и проекта новой Стратегии.

Анализ разделов «Общие положения» показал, что в проекте новой Стратегии был расширен перечень понятий, которые исполь-

[blaw.xn--plai/reports/item/35396677/](https://xn--plai/reports/item/35396677/) (дата обращения: 10.08.2024).

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--blaw.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.08.2024).

⁶ В.В. Путин: Нужны превентивные меры по борьбе с экстремизмом в РФ // R.G.RU. URL: <https://rg.ru/2022/02/17/putin-nuzhny-preventivnye-mery-po-borbe-s-ekstremizmom-v-rf.html> (дата обращения: 15.08.2024).

⁷ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // Российская газета. 2014. 3 июля.

⁸ Далее – Стратегия.

⁹ Далее – проект новой Стратегии.

зуются в рамках документа. В содержании Стратегии раскрыты следующие понятия: «идеология насилия», «радикализм», «экстремистская идеология», «проявление экстремизма», «субъекты противодействия экстремизму», «противодействие экстремизму»¹⁰. К указанным понятиям в рамках проекта новой Стратегии добавлены: «экстремистская деятельность (экстремизм)», «терроризм», «ксенофобия», «русофобия»¹¹.

Складывающаяся на современном этапе внешнеполитическая обстановка способствует формированию новых угроз для нормального развития российского общества и государства. В связи с этим в содержание проекта новой Стратегии включено такое понятие, как «русофобия». Кроме того, в рамках проекта новой Стратегии было расширено понятие «субъекты противодействия экстремизму». В новой редакции к данным субъектам были отнесены «институты гражданского общества, организации и физические лица».

Раздел второй проекта новой Стратегии «Основные источники угроз экстремизма в современной России» претерпел не количественные, а качественные изменения. В рамках определения тенденций развития экстремизма было отмечено стремление субъектов экстремистской деятельности к укреплению и объединению их усилий. Также была выделена тенденция активного участия зарубежных группировок в развитии экстремистской деятельности на территории Российской Федерации.

Вышесказанное обуславливает расширение перечня внешних экстремистских угроз, которые возникли под влиянием широкого перечня факторов. В качестве наиболее очевидного фактора данной тенденции следует отметить сложные взаимоотношения России с рядом стран. В целях дестабилизации общественно-политической обстановки на территории Российской Федерации ис-

пользуются различные способы и формы распространения экстремистских материалов. В качестве «новых» угроз определены: фальсификация мировой истории, искажение роли и места России в мировой истории, посягательства на культурно-историческое наследие Российской Федерации. Воздействию указанных угроз в большей степени подвергнуто молодое поколение, так как их знания истории России менее устойчивы и нестабильны.

Также хотелось бы отметить, что в проекте новой стратегии все чаще используется категория «молодежь» и все меньше используется категория «несовершеннолетние». Указанное изменение позволяет расширить круг субъектов из числа молодого поколения, на которых экстремистские идеи могут оказать наибольшее воздействие и которые требуют наиболее эффективных мер по защите от влияния экстремизма.

«Цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму», таким образом сформулировано название третьего раздела Стратегии и проекта новой Стратегии. Цель в указанных документах сформулирована одинаковым образом, так как тот результат, к которому стремится государство, посредством издания в том числе стратегических документов, направлено на защиту общества и государства от экстремистских угроз.

Сравнительный анализ задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму в Стратегии и проекте новой Стратегии показал, что в рамках реализации Стратегии была создана единая государственная система мониторинга в сфере противодействия экстремизму, а также был разработан комплекс мер для осуществления профилактики экстремизма. Проект новой Стратегии ставит задачи по повышению уровня эффективности использования разработанных системы и мер. Также проект новой Стратегии ставит задачу использовать в качестве инструмента борьбы с экстремизмом традиционные духовно-нравственные ценности российского общества.

Основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму остались без изменений, однако содержание этих направлений раскрыто с уче-

¹⁰ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.: утв. Указом Президента Рос. Фед. от 29.05.2020 № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

¹¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации на период 2025–2036 гг.: Проект // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=149268> (дата обращения: 14.08.2024).

том выявленных недочетов в рамках реализации Стратегии, а также с учетом складывающейся обстановки.

Государственная политика в области законодательной деятельности должна обеспечить совершенствование понятийного аппарата в сфере противодействия экстремизму. Существует ряд терминов, к которым необходимо прибегать при реализации мер по противодействию экстремизму, но при этом эти термины не имеют законодательного закрепления. Понятие «экстремизм» – очень сложное по своему содержанию, так как подразумевает широкий перечень направлений экстремисткой деятельности. А что подразумевается под категорией «молодежный экстремизм»? Какие направления экстремисткой деятельности присущи указанной категории, какие возрастные рамки установлены? Пробелы в понятийном аппарате приводят к трудностям при разработке и реализации мер по противодействию экстремизму.

В области государственной национальной политики расширена работа, направленная на осуществление мониторинга как эффективности работы государственных органов по профилактике экстремизма, так и внешнеполитической обстановки, и деятельности иностранных организаций.

В области государственной информационной политики по противодействию экстремисткой деятельности необходимо отметить основную, вполне очевидную тенденцию, а именно использование информационно-телекоммуникационных сетей для распространения экстремистских материалов. В настоящее время большая часть объема экстремистских материалов реализуется в пространстве сети Интернет. В связи с этим на государственные органы возлагаются задачи по разработке автоматизированных программных комплексов, которые позволят наиболее эффективно осуществлять контроль за распространением противоправного контента.

В проекте новой Стратегии наиболее объемно раскрыто содержание государственной политики в области образования и государственной молодежной политики. Молодое поколение на современном этапе подвергается сильнейшему воздействию информационных потоков экстремистского и радикального характеров, что достаточно часто приво-

дит к приобщению современной молодежи к экстремистским группировкам. В рамках реализации государственной политики по противодействию указанным тенденциям поставлены следующие задачи: обеспечение психолого-педагогической работы с молодежью, вовлечение молодого поколения в научную деятельность в сфере противодействия экстремизму, разносторонняя организация досуга современной молодежи.

Существенно увеличились следующие разделы проекта новой Стратегии: «Целевые показатели реализации настоящей Стратегии» и «Ожидаемые результаты реализации настоящей Стратегии». В качестве новых целевых показателей в проекте новой Стратегии закреплены не только результаты анализа статистических данных преступной деятельности, данные судебной практики, а также результаты работы государственных органов и должностных лиц по противодействию экстремизму, перечень объектов, которые отнесены к категории экстремисткой деятельности.

В целом хотелось бы отметить, что долгосрочное стратегическое планирование в сфере противодействия экстремизму имеет положительный результат. Экстремизм, как сложное, многоуровневое негативное явление, устойчиво закрепился в современном обществе. Этому способствует и внешнеполитическая обстановка, складывающаяся в мировом сообществе.

Одной из наиболее опасных форм проявления экстремизма является терроризм. При этом посредством распространения экстремистских идей можно дестабилизировать функционирование органов государственной власти, государственных и иных учреждений. «Экстремизм» современного общества стал мощным и универсальным фактором дестабилизации мировой политики [2, с. 74]. Посредством экстремистки деятельности можно оказывать негативное влияние на жизнь общества и государства. Это обуславливает актуальность разработки и реализации документов стратегического планирования.

Особое значение на современном этапе приобрело противодействие молодежному экстремизму. В первую очередь, это связано с тем, что основным средством распространения экстремистских материалов выступа-

ет пространство сети Интернет, активными пользователями которого является молодое поколение. В свою очередь, далеко не вся молодежь может не поддаваться влиянию негативных информационных потоков, что приводит к распространению экстремистских идей среди молодежи [3, с. 172]. Если не принимать меры по противодействию указанной тенденции, то, в конечном счете, мы вырастим поколение людей, чье сознание «заражено» идеями экстремизма, и эти идеи смогут распространяться дальше.

В проекте новой Стратегии уделено больше внимания государственной политике в сфере деятельности, направленной на противодействие молодежному экстремизму, определены направления профилактических мероприятий. При этом очень важно осуществить грамотный подход при непосредственной реализации мер, запланированных в

рамках документа стратегического планирования.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить, что сравнительный анализ Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» и проекта новой «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на период 2025–2036 годов» показал актуальность разработки и реализации документов стратегического планирования в рассматриваемой области. Проект новой Стратегии содержит новые положения, которые отражают характер и форму экстремистской деятельности на территории России в современных условиях. Большинство положений перешли из Стратегии в проект новой Стратегии, но в рамках нового этапа.

Список источников

1. Антонян Ю.М. Поиск сущности экстремизма // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 14-21. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-14-21>, <https://elibrary.ru/rdkocz>
2. Джрагацпанын Ш.И. Понятие и сущность экстремизма // Теория и практика современной науки. 2023. № 1 (91). С. 71-74. <https://elibrary.ru/peucdn>
3. Усманов И.М., Силаева Н.А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 168-175. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-168-175>, <https://elibrary.ru/jbaetf>

References

1. Antonyan Yu.M. (2022). Search for the essence of extremism. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, no. 1, pp. 14-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-14-21>, <https://elibrary.ru/rdkocz>
2. Dzhragatspanyan Sh.I. (2023). The concept and essence of extremism. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*, no. 1 (91), pp. 71-74. (In Russ.) <https://elibrary.ru/peucdn>
3. Usmanov I.M., Silaeva N.A. (2022). Countering extremism in the context of social digitalization. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (93), pp. 168-175. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-168-175>, <https://elibrary.ru/jbaetf>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 29.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.10.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558>

Шифр научной специальности 5.1.2

БРИКС как инструмент международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций

© **ПОНОМАРЕНКО Светлана Валериевна**,

старший преподаватель кафедры Экономика предприятия, управление трудовыми ресурсами в АПК и права, ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова», Российская Федерация, 291008, Луганская Народная Республика, г. Луганск, г.о. Луганский, р-н Артемовский, тер. ЛНАУ, 1, sssvetlanaurist@yandex.com

Аннотация

БРИКС играет ключевую роль как платформа для укрепления международного сотрудничества в условиях глобальных кризисов, где вопросы правового регулирования межгосударственных отношений приобретают новую актуальность. Будучи объединением крупных развивающихся экономик, БРИКС делает акцент на равноправном диалоге, устойчивом развитии и противодействии односторонним санкциям и экономическим ограничениям и правовому взаимодействию. Стратегический подход организации основан на продвижении многополярности, защите культурного суверенитета и непринятии любых форм дискриминации или внешнего диктата, что позволяет БРИКС выступать противовесом западноцентричным моделям глобального управления. Именно создание новых союзов и попытки расширения значения существующих межгосударственных механизмов поднимают на поверхность вопросы совершенствования форматов международного сотрудничества, а БРИКС – это один из ключевых вариантов многостороннего сотрудничества, нацеленный на формирование собственной модели взаимодействия. Предложены выводы, что возрастающее влияние системы геополитических факторов стимулирует необходимость выработки новых правовых методов, подходов и инструментов в рамках стратегии безопасности при выработке новых приоритетов БРИКС. Результаты настоящего исследования способствуют развитию теоретических и практических основ в ракурсе правового регулирования международных отношений.

Ключевые слова

БРИКС, международное сотрудничество, безопасность, правовая эффективность, глобальные кризисы, устойчивое развитие, экономический суверенитет, культурный суверенитет, санкции, глобальное управление, правовое регулирование международных отношений

Для цитирования

Пономаренко С.В. БРИКС как инструмент международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 552-558. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558>

BRICS as an instrument of international cooperation in global crisis situations

© Svetlana V. PONOMARENKO,

Senior Lecturer of Enterprise Economics, Human Resources Management in the Agro-Industrial Complex and Law Department, Luhansk State Agrarian University, 1 LNAU Ter., Artemovsky district, Lugansk urban district, Lugansk, Lugansk People's Republic, 291008, Russian Federation, sssvetlanaurist@yandex.com

Abstract

BRICS plays a key role as a platform for strengthening international cooperation in the context of global crises, where issues of legal regulation of interstate relations are gaining new relevance. As an association of large developing economies, BRICS focuses on equal dialogue, sustainable development and countering unilateral sanctions and economic restrictions and legal interaction. The strategic approach of the organization is based on the promotion of multipolarity, the protection of cultural sovereignty and the rejection of any form of discrimination or external dictate, which allows the BRICS to act as a counterweight to Western-centric models of global governance. It is the creation of new alliances and attempts to expand the importance of existing interstate mechanisms that bring to the surface issues of improving the formats of international cooperation, and BRICS is one of the key options for multilateral cooperation aimed at forming its own model of interaction. The conclusions are proposed that the increasing influence of the system of geopolitical factors stimulate the need to develop new legal methods, approaches and tools within the framework of the security strategy when developing new BRICS priorities. The results of this study contribute to the development of theoretical and practical foundations in the perspective of legal regulation of international relations.

Keywords

BRICS, international cooperation, security, legal efficiency, global crises, sustainable development, economic sovereignty, cultural sovereignty, sanctions, global governance, legal regulation of international relations

For citation

Ponomarenko, S.V. (2024). BRICS as an instrument of international cooperation in global crisis situations. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 552-558. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558>

Введение

Актуальные проблемы теории и практики международной и национальной безопасности долгий период времени остаются на верхних строчках международной повестки дня, требуя поиска гибких решений, в том числе и правового характера. К решению вопроса привлекаются не только универсальные традиционные институты, занимающие важное место в системе правового регулирования международных отношений, но и активно рассматриваются новые глобальные структуры.

БРИКС как объединение крупных развивающихся экономик зарекомендовало себя как важный инструмент международного сотрудничества, особенно в условиях глобальных кризисных ситуаций. В современном мире, характеризующемся растущей взаимозависимостью и нарастающими вызо-

вами, такими как экономические потрясения, правовая разрозненность, политическая нестабильность и экологические катастрофы, вооруженные конфликты, значение коллективных усилий на мировой арене становится все более очевидным. В отличие от традиционных западных альянсов, БРИКС представляет собой объединение государств, которые, несмотря на различия в политических и правовых системах, а также уровнях экономического развития, стремятся к созданию более справедливого и устойчивого мирового порядка.

Важно отметить, что БРИКС, в первую очередь, специалисты рассматривают в качестве площадки для организации экономического взаимодействия, однако потенциал решения вопросов международной безопасности еще не раскрыл полностью потенциал БРИКС.

Союз стран-лидеров БРИКС предлагает альтернативный подход к глобальному управлению, основанный на принципах суверенитета, уважения национальных интересов и отказа от гегемонистских практик. В условиях нарастания глобальных кризисов БРИКС становится платформой для обсуждения и выработки совместных стратегий, направленных на стабилизацию мировой экономики, обеспечение устойчивого развития и поддержку социального благополучия.

На фоне глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, растущие геополитические напряженности, БРИКС демонстрирует свою способность адаптироваться к изменяющимся условиям и находить общие решения для коллективного преодоления вызовов. В.И. Герасимов и С.И. Коданева отмечают: «Экономическое сотрудничество, совместные инициативы в области науки и технологий, а также координация усилий по защите окружающей среды становятся ключевыми элементами взаимодействия между странами-участницами» [1]. В данной связи БРИКС играет роль «катализатора» для создания новых механизмов глобального управления, способных эффективно реагировать на текущие и будущие кризисы.

Результаты исследования

БРИКС формулирует свою стратегическую задачу как достижение на мировой арене равноправного и конструктивного диалога между государствами и цивилизациями, направленного на создание условий для устойчивого развития, свободной от санкций и ограничений экономики, а также взаимовыгодной торговли и инвестиций на устойчивой правовой платформе. Объединение выступает ведущей силой развивающегося мира и глобального движения в сторону справедливого многополярного миропорядка, представляя собой альтернативу глобализационному проекту, инициированному США и их союзниками, который направлен на продление их гегемонии и поддержание неоколониальных практик в отношении стран незападного большинства¹.

Научное сообщество БРИКС выражает глубокую озабоченность в связи с возрастающей угрозой глобальной гегемонистской войны, которая может быть инициирована США и их союзниками, и подчеркивает необходимость противостояния подобному глобальному диктату путем мобилизации ресурсов научной дипломатии. БРИКС, продвигая и поддерживая концепцию многополярности, основывается на цивилизационном подходе, который предусматривает право народов на сохранение своей культурной самобытности и идентичности. Научное сообщество БРИКС решительно отвергает любую форму дискриминации, оскорбление чувств и унижение человеческого достоинства, а также нарушение и ограничение прав, особенно прав женщин и детей [2, с. 73].

В современный период страны-лидеры БРИКС, являясь государствами-цивилизациями, или глобалитетами, продолжают играть ключевую роль в построении и дальнейшем развитии объединения, которое обладает выраженным межцивилизационным характером и основывается на принципах равноправного диалога и дружеского партнерства.

Государства БРИКС закладывают фундамент прогрессивного интегрального экономического и социально-культурного строя, который способен обеспечить благосостояние населения, внушая надежду и уверенность в грядущем процветании, что является особенно актуальным в условиях глобальных кризисных ситуаций [3].

Одним из ключевых аспектов деятельности БРИКС является его вклад в продвижение прав человека в условиях глобальных кризисов. В эпоху, когда глобализация создает неравномерные экономические и социальные последствия, защита прав человека, в том числе экономических, социальных и культурных прав, становится приоритетной задачей. Страны БРИКС, включая Российскую Федерацию, активно выступают за сохранение суверенитета в вопросах прав человека, утверждая, что универсальные права должны уважать культурные и исторические особенности каждой страны. Данный подход служит противовесом попыткам навязать единый стандарт, что

¹ БРИКС в эпоху глобальных социальных трансформаций: доклад А.А. Акаева на Международной научно-практической конференции // Москва, МГУ, Факультет глобальных процессов. 2024. 24 мая. URL:

<https://msu.ru/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-glavnyc-temy/> (дата обращения: 21.06.2024).

часто происходит со стороны западных стран и способствует поддержанию многообразия в международном праве.

Российская Федерация, как один из основателей БРИКС, играет ключевую роль в этом процессе. Российский подход, основанный на принципах многополярности и уважения суверенитета, является важным элементом общей стратегии БРИКС.

В условиях международных санкций и политического давления Россия использует платформу БРИКС для укрепления сотрудничества с развивающимися странами, что помогает ей обходить ограничительные меры и сохранять экономическую устойчивость [4].

Кроме того, Россия вносит значительный вклад в энергетическую безопасность стран БРИКС, что особенно важно в условиях глобальных энергетических кризисов.

БРИКС также важен в контексте устойчивого развития. Его страны участвуют в разработке и реализации программ, направленных на достижение целей устойчивого развития, что позволяет снизить воздействие глобальных кризисов на уязвимые слои населения. Такие инициативы способствуют улучшению условий жизни, поддержанию социальной стабильности и защите прав человека, особенно в контексте экономических и экологических вызовов.

Таким образом, БРИКС не только способствует укреплению позиций своих участников на мировой арене, но и служит важным механизмом для продвижения коллективных интересов стран глобального Юга в условиях нарастающих глобальных вызовов.

Основные направления деятельности БРИКС включают:

1) экономическое сотрудничество. БРИКС активно развивает экономические связи между своими членами и с другими странами Глобального Юга. Это включает торговое сотрудничество, инвестиции, развитие инфраструктуры и промышленности. Особое внимание уделяется созданию устойчивых экономических моделей, которые могут противостоять глобальным кризисам. Новый банк развития (НБР) и резервный валютный пул БРИКС являются важными инструментами для обеспечения финансовой

стабильности и поддержки экономического роста;

2) сотрудничество в области устойчивого развития. Страны БРИКС совместно работают над реализацией целей устойчивого развития, таких как борьба с изменением климата, обеспечение продовольственной безопасности, устойчивое управление природными ресурсами и развитие зеленой экономики. Важной составляющей этой деятельности является обмен технологиями и опытом для достижения экологической устойчивости;

3) научно-техническое и инновационное сотрудничество. БРИКС активно развивает сотрудничество в области науки, технологий и инноваций. Это включает совместные исследования, разработку новых технологий, обмен знаниями и опытом в таких областях, как информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии и медицина;

4) правовое взаимодействие. В научном аспекте оценки деятельности БРИКС все чаще наблюдается «признание влияния мягких вызовов безопасности, которые оказывают в большей степени влияние на состояние международной безопасности» [5, с. 445], в числе самых проблемных вопросов которой является коррупционное направление;

5) социальное сотрудничество. БРИКС уделяет внимание улучшению качества жизни своих граждан, что включает сотрудничество в сферах здравоохранения, образования, социальной защиты и занятости. Важным направлением является борьба с бедностью, неравенством и обеспечение доступа к основным социальным благам для всех слоев населения;

6) политическое и дипломатическое взаимодействие. БРИКС стремится к укреплению многополярного мирового порядка, основанного на принципах суверенного равенства, уважения национальных интересов и права на самостоятельное развитие. Важное место занимает координация позиций на международных площадках, таких как ООН, ВТО и другие глобальные институты, а также сотрудничество в области безопасности и миротворчества;

7) культурное сотрудничество и взаимодействие между народами. БРИКС также

развивает культурные связи между своими странами, что способствует взаимопониманию и укреплению дружбы между народами. Это включает обмен культурными программами, совместные мероприятия, конференции и фестивали, направленные на продвижение культурного разнообразия и взаимное обогащение [6].

С 1 января 2024 г. в состав БРИКС в качестве полноформатных членов входят шесть новых государств: Аргентина, Саудовская Аравия, Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты, Египет и Иран. Это значительное расширение не только увеличивает представительство объединения, но и обеспечивает охват всех ключевых регионов Глобального Юга, включая Ближний Восток, представленный теперь Саудовской Аравией, Ираном и ОАЭ².

Однако, несмотря на данный шаг, Декларация XV саммита БРИКС не оправдала ожиданий относительно уровня амбициозности в экономической сфере. В частности, такие приоритетные направления, как либерализация торговли между странами-участниками и продвижение к введению единой валюты, не получили достаточного и четкого отражения в итоговом документе.

Расширение БРИКС, безусловно, является важным шагом в укреплении международного сотрудничества в условиях глобальных кризисов, предоставляя объединению новые возможности для коллективного противостояния мировым вызовам. Тем не менее, оно требует дальнейшего развития ключевых институтов БРИКС, таких как Новый банк развития и Пул условных валютных резервов (Contingency Reserve Arrangement, CRA). В отношении CRA целесообразно рассмотреть несколько ключевых направлений, включая необходимость улучшения координации макроэкономической политики, подготовку аналитических материалов для выявления рисков и обеспечения раннего предупреждения экономических угроз, а также исследование целесообразности создания единой валюты БРИКС и выработку правовых механизмов

для эффективного сотрудничества между региональными финансовыми структурами³.

Недавний саммит G20 в Индии показал стремление западных экономик укрепить свои связи с Глобальным Югом, в том числе через создание конкурентных инициатив, таких как инфраструктурный проект «Один пояс – один путь» [7, с. 1834].

Расширение БРИКС, хотя и стало важным шагом в укреплении международного сотрудничества, должно сопровождаться дальнейшей интеграцией и расширением взаимодействия с региональными структурами, такими как АСЕАН и Африканский союз. Ожидания Глобального Юга требуют от БРИКС предоставления надежных и инновационных проектов, способных ответить на вызовы современных глобальных кризисов. Промедление с углублением интеграции и переход к постепенному расширению может привести к снижению интереса развивающихся стран к участию в формате БРИКС.

Таким образом, для того чтобы оставаться ключевым инструментом международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций, БРИКС должен перейти на качественно новый уровень взаимодействия с региональными объединениями.

Однако на этом пути БРИКС сталкивается с рядом сложностей, которые могут препятствовать реализации международного сотрудничества:

1) разнообразие интересов и различия в политических системах. БРИКС объединяет страны с различными политическими системами, экономическими моделями и геополитическими интересами, что создает определенные сложности в координации действий и выработке единой позиции по важным международным вопросам;

2) влияние внешних акторов. Геополитическое давление со стороны западных стран, таких как США и Европейский союз, часто усложняет взаимодействие внутри БРИКС. Санкции против России, торговые споры с Китаем и политическая нестабильность в не-

² В БРИКС в 2024 году войдут шесть новых стран // ТАСС. 2023. 24 авг. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18574863> (дата обращения: 21.06.2024).

³ Итоги саммита БРИКС: лидеры «пятерки» решили принять в клуб новых членов и впредь расширяться // Коммерсант. 2023. 24 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6174842?ysclid=lwxfwzdvb689018104> (дата обращения: 21.06.2024).

которых странах-участниках негативно сказываются на эффективности сотрудничества;

3) ограниченные ресурсы и потенциал. Несмотря на значительные экономические ресурсы, страны БРИКС сталкиваются с вызовами, связанными с недостаточным уровнем интеграции и координации. В отличие от таких объединений, как ЕС, БРИКС не обладает мощным институтом, который бы обеспечивал постоянную координацию и оперативное принятие решений.

Заключение

Несмотря на обозначенные сложности, БРИКС имеет значительный потенциал для преодоления текущих препятствий и укрепления своей роли на международной арене. Успешное преодоление перечисленных вызовов требует от стран-участников не только более глубокого взаимопонимания и скоординированных действий, но и поиска новых путей для усиления интеграции и сотрудничества.

В этом контексте возникает важный вопрос: каковы перспективы развития и укрепления БРИКС в условиях глобальных кризисов?

1. Расширение состава участников. Одним из ключевых направлений развития БРИКС является привлечение новых участников, что позволит объединению стать более влиятельным игроком на международной арене. Как уже упоминалось, состав БРИКС в 2024 г. значительно изменился – членами объединения с 1 января 2024 г. стали Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия.

2. Углубление экономической интеграции. В условиях нарастающей глобальной нестабильности страны БРИКС могут углублять экономическую интеграцию, развивая взаимную торговлю, инвестирование и создание совместных проектов в области инфра-

структуры и технологий, что также может включать создание общей валюты или системы расчетов, независимой от доллара США.

3. Усиление роли НБР. Новый банк развития может играть ключевую роль в мобилизации ресурсов для борьбы с глобальными кризисами, такими как изменение климата или эпидемии. Увеличение его капитала и привлечение новых членов могут сделать его одним из ведущих финансовых институтов в мире.

4. Продвижение устойчивого развития с масштабной правовой платформой взаимодействия. В условиях климатических кризисов страны БРИКС могут сосредоточиться на реализации инициатив, направленных на устойчивое развитие, энергоэффективность и зеленую экономику, что создаст новые возможности для сотрудничества в области инноваций и технологий.

Таким образом, БРИКС, несмотря на внутренние сложности и вызовы внешней среды, продолжает оставаться важным инструментом международного сотрудничества, особенно в условиях глобальных кризисных ситуаций. Перспективы дальнейшего укрепления этого объединения связаны с его способностью адаптироваться к изменяющимся условиям, углублять экономическую интеграцию и поддерживать многосторонние инициативы, направленные на решение глобальных проблем.

В заключение, БРИКС демонстрирует способность адаптироваться к вызовам современности, предлагая альтернативные механизмы глобального управления и решения кризисных ситуаций. Продолжение интеграции и развитие многостороннего сотрудничества являются ключевыми для укрепления роли БРИКС в формировании более справедливого и устойчивого мирового порядка.

Список источников

1. Герасимов В.И., Коданева С.И. Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 204-229. <https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.1.12>, <https://elibrary.ru/spbdjz>
2. Дроган Т.О. Принцип недискриминации по признаку инвалидности в международном праве и законодательстве стран БРИКС // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. С. 69-73. <https://elibrary.ru/tatrej>
3. Бокерия С.А., Сидоров Д.А. Эволюция подходов стран БРИКС к «Ответственности по защите» // Политическая наука. 2020. № 3. С. 190-214. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.09>, <https://elibrary.ru/zpuzqk>

4. Мантусов В.Б. Интеграционные процессы и сотрудничество России со странами БРИКС // Вестник Российской таможенной академии. 2022. № 3. С. 9-23. https://doi.org/10.54048/20727240_2022_03_09, <https://elibrary.ru/petvms>
5. Асадов Б.Р., Гавриленко В.А., Немченко С.Б. Вопросы теории международного сотрудничества в сфере безопасности в рамках БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 437-449. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-437-449>, <https://elibrary.ru/fghjht>
6. Ярыгина И.З., Боровикова О.А. БРИКС+ как фактор экономического роста и инвестиционного развития // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12. № 4. С. 111-120. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-4-111-120>, <https://elibrary.ru/kgmxm>
7. Болаев А.В. Инвестиционная активность Китая в проекте «Один пояс и один путь» // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 1825-1834. <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120105>, <https://elibrary.ru/blxbqh>

References

1. Gerasimov V.I., Kodaneva S.I. (2023). Scientific, technological and innovative cooperation of the brics countries: trends, prospects and challenges. *Upravlenie nauko: teoriya i praktika = Science Management: Theory and Practice*, vol. 5, no. 1, pp. 204-229. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/smt.2023.5.1.12>, <https://elibrary.ru/spbdjz>
2. Drozan T.O. (2019). The principle of non-discrimination on the basis of disability in international law and the legislation of the BRICS countries. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 7, pp. 69-73. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tatrej>
3. Bokeriya S.A., Sidorov D.A. (2020). Evolution of the BRICS countries' approaches to the "responsibility to protect". *Politicheskaya nauka = Political Science*, no. 3, pp. 190-214. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.09>, <https://elibrary.ru/zpuzqk>
4. Mantusov V.B. (2022). Integration processes and cooperation of Russia with the BRICS countries. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Vestnic of Russian Customs Academy*, no. 3, pp. 9-23. (In Russ.) https://doi.org/10.54048/20727240_2022_03_09, <https://elibrary.ru/petvms>
5. Asadov B.R., Gavrilenco V.A., Nemchenko S.B. (2022). Questions of the theory of international cooperation in the field of security within the framework of BRICS. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 6, no. 3, pp. 437-449 (In Russ) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-437-449>, <https://elibrary.ru/fghjht>
6. Yarygina I.Z., Borovikova O.A. (2019). BRICS+ as a factor of economic growth and investment development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*, vol. 12, no. 4, pp. 111-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-4-111-120>, <https://elibrary.ru/kgmxm>
7. Bolaev A.V. (2023). China's investment activity in the belt and road initiative. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 13, no. 4, pp. 1825-1834. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120105>, <https://elibrary.ru/blxbqh>

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 05.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 19.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-559-566>

Шифр научной специальности 5.1.4

Генезис криминологической теории преступной личности: от античности до рубежа XX века

© ШЕСТАК Виктор Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева», Российская Федерация, 125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12, <https://orcid.org/0000-0003-0903-8577>, ResearcherID AAA-1725-2019, viktor_shestak@mail.ru

Аннотация

Исследован генезис формирования теории преступной личности на основе краткого анализа истории научной мысли и криминологических подходов от античных времен до рубежа XX века. Изучена проблема преступной личности как сложная, многоступенчатая задача, являющаяся неотъемлемой частью науки криминологии, которой традиционно не уделялось достаточного внимания, поскольку изначально именно вопросы преступности находились в центре научных исследований, но по мере развития науки и изменения современных условий и реалий приоритет начал перемещаться к личностным подходам. Сделан вывод, что и в современных условиях эта проблема не теряет своей актуальности как на теоретическом, так и на практическом уровне, вызванная явной необходимостью ее разработки в целях обеспечения эффективного противодействия преступным проявлениям.

Ключевые слова

преступность, преступная личность, индивидуальная профилактика преступлений

Для цитирования

Шестак В.А. Генезис криминологической теории преступной личности: от античности до рубежа XX века // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 559-566. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-559-566>

The genesis of criminological theory of criminal personality: from antiquity to the turn of the 20th century

© Viktor A. SHESTAK,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of Forensics Department, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 12 Vrublei St., Moscow, 125080, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-0903-8577>, ResearcherID AAA-1725-2019, viktor_shestak@mail.ru

Abstract

The genesis of criminal personality theory development is studied based on a brief analysis of the history of scientific thought and criminological approaches from ancient times to the turn of the 20th century. The problem of criminal personality is studied as a complex, multi-stage task, which is an integral part of the science of criminology, which has traditionally not been given sufficient attention, since initially it was the issues of crime that were at the center of scientific research, but as science developed and modern conditions and realities changed, priority began to shift to personal approaches. It is concluded that even in modern conditions this problem does not lose its relevance: both at the theoretical and practical level, caused by the obvious need for its development in order to ensure effective counteraction to criminal manifestations.

Keywords

crime, criminal personality, individual crime prevention

For citation

Shestak, V.A. (2024). The genesis of criminological theory of criminal personality: from antiquity to the turn of the 20th century. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 559-566. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-559-566>

Введение

Важность выбора направлений при изучении преступной личности обуславливает не только теоретическую разработку, практическое применение, но и, главным образом, эффективность и действенность индивидуальной профилактики преступлений, от чего в целом зависит благосостояние общества [1, с. 2]. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется и тем, что «носителем» конкретного преступления выступает сам человек, его личность и психологические связи, вне которых преступного деяния существовать попросту не может [2]. В этой связи практическая необходимость дальнейшего исследования личности преступника позволит облегчить разработку возможных методов, способов и путей воздействия на лиц, обладающих делинквентным поведением в целях искоренения их негативных устремлений, изменения правосознания, а также противоправных способов удовлетворения интересов и потребностей.

Обсуждение

Интерес познать феномен преступной личности уходит своими корнями в античность, где, начиная с Платона, Сократа и Аристотеля, миропонимание переходит от онтологического к личностному. Вырабатываются три основные позиции, по-разному трактующие сущность личности преступника. С одной стороны, высказывалось решающее влияние воли самого индивида при совершении преступления, с другой стороны, полагалось, что личность и ее судьба находятся в руках Бога, который, в свою очередь, предопределяет любые поступки земных обывателей, в том числе и поступки противозаконные и преступные. Наконец, выдвигалось мнение о первостепенном значении антропологии в объяснении мотивов преступного поведения [3].

Следующая за Античностью Эпоха Возрождения продолжила начавшееся осмысление соотношения свободной воли человека и божественной предопределенности. В этой

связи была предпринята попытка разрешения вопроса о роли внутренних качеств индивида для потенциального намерения совершить преступление, а также его ответственности за свои преступные деяния. Особой остроты достигла полемика сторонников гуманистических личностных ценностей и их противников в период инквизиции, апогеем которой стала выработка заступниками инквизиционных мер Ф. Аквинским и И. Домаскиным признания преступника как «пособника злых сил» [4]. Применялись достаточно жестокие и порой даже дикие способы опознания преступных лиц по внешним признакам и проявлениям, что впоследствии легло в основу антропологической теории.

Только в XVIII – начале XIX века стали выходить в свет отдельные работы, посвященные описанию преступной личности. Одним из первых, кто сформулировал идеальную модель криминогенной личности и отметил механизмы формирования ее эмоциональной среды, стал английский философ-моралист и правовед И. Бентам, вслед за которым немецкий антрополог Л. Фейербах предпринял попытки анализа особенностей и свойств преступников на примерах конкретных ситуаций [5]. Этот исторический период дал сильный толчок последующей бурной заинтересованности в разрешении проблемы преступной личности и наметил основные направления ее развития. Существенный вклад в науку криминологии вносили краниологические и физиогномические эксперименты и исследования, в результате которых накапливался значительный материал, позволяющий по-новому определить сущность преступника. Выдвигались различные идеи, где некоторые видели преступника дикарем, случайно оказавшимся в цивилизованной среде, другие отождествляли его с личностью, обладающей преступным психозом. Отдельные исследователи полагали, что преступность тесно связана с вырождением, психическими аномалиями или эпилепсией [3].

Во второй половине XIX века, опираясь, главным образом, на совокупность таких исследований, Ч. Ломборозо провел свое первое непрерывное наблюдение и выдвинул предположение о существовании помимо прирожденного преступника других типов кримино-

генных личностей [6]. В то же время, наряду с теорией Ч. Ломборозо, формировались и развивались иные подходы к пониманию преступной личности и механизмов ее поведения, которые вкратце можно охарактеризовать так: преступление зависит как от черт и качеств самой личности, так и от социальных условий, ее окружающих; личность преступника представлялась как патологическое состояние и толковалась недостатком или вырождением центральной нервной системы, либо моральной, физической, приобретенной или прирожденной неврастенией; совершение преступных деяний обуславливалось биологической закономерностью; преступная личность выходит «за рамки» одного только биологического подхода, а определяется исключительно нравственной аномией [7]. Тогда же сторонники социологического учения придерживались взгляда на преступную личность как «продукт» негативных социальных и политических влияний [8]. Многие из таких подходов хотя и не заняли стержневых позиций в силу своей недоработки и наивности, но, тем не менее, привнесли свой вклад и повлияли на развитие науки криминологии в целом.

Отметим, что в начале XIX века и вплоть до его середины криминология взяла биологизаторский курс к объяснению личности преступника. Это проявилось, главным образом, в распространении таких течений, как френология и «социальная гигиена» [9]. Так, френология, переводимая с греческого буквально как «учение о душе, нравах», первоначально была разработана как отдельное направление мысли австрийским медиком, анатомом Ф. Галлем [10]. Его подход заключался в попытках установить связь между физиологическими свойствами строения человеческого мозга с его психическими особенностями. Теория бугров Галля сводилась к тому, что в головном мозге человека существуют отдельные участки, определяющие способности, качества личности и отвечающие за их проявление. В процессе развития данные участки мозга давят на поверхность черепа и вызывают возникновение бугров, от величины которых и зависит выраженность того или иного качества у человека, будь это милосердие, зависть, скупость, художественный талант и т. д. Чем больше,

выше бугор, тем ярче проявится в будущем способность, за которую отвечает участок головного мозга. Именно по этим буграм и их местоположению, по мнению Ф. Галля, и была возможность судить о наклонностях человека [11].

Такой подход получил достаточно широкий резонанс в обществе, а среди главных последователей австрийского анатома следует выделить Ф. Бруссе и Ж. Буайо – основателей Френологического общества. В рамках криминологии френологи придавали наибольшее значение проблеме связи между криминальной и медико-психологической сторонами преступной личности и выдвигали следующие основные идеи: во-первых, криминогенную личность необходимо рассматривать в качестве больного. Кроме того, они полагали, что наказание должно быть определено индивидуально, то есть впервые сформулировали тезис индивидуализации наказания [12]. Несмотря на критику теории бугров Ф. Галля со стороны медиков, и, в конце концов, ее окончательное опровержение нейробиологией, в начале XIX века рассматриваемое течение поддерживалось немалой частью представителей научных кругов, а течение френологов оказало значительный вклад в развитие криминальной антропологии, в частности, обращение к физиолого-психологическим особенностям преступной личности [11].

Параллельно с распространением френологического движения развивается представление о «социальной гигиене», выдвинутой Ф. Фодерэ [13]. Свой главный тезис приверженцы выразили в программном заявлении созданного ими Санитарного общества, который мало чем отличался от положения френологов. Преступления, согласно их взглядам, являлись болезнями общества, а их изучение и искоренение представлялись основными задачами «социальной гигиены» [14]. При этом некоторые последователи данного течения формировали новаторские положения. В частности, П. Люк стал автором тезиса о способности «заразиться» преступным поведением и поступками, что впоследствии развил в своем учение о преступном подражании Г. Тард [15]. Свою лепту в объяснение преступной личности внес и А. Герри – первый составитель уголовной статистики во

Франции, который выделил главные причины преступности, отдав определяющую роль общественной анемии, единственным средством борьбы с которой он полагал исключительно моральное воспитание и соответствующее становление характера индивида [16].

Наравне с развитием уголовной антропологии бурно проходили исследования Э. Ферри в области социологического направления криминологии. В своем труде «Уголовная социология» он представил обществу по-новому осмысленную теорию прирожденного преступника Ч. Ломборозо [17]. С одной стороны, Ферри соглашался с выдвинутыми идеями итальянского антрополога, заключавшимися в том, что преступник воспроизводит психические или органические особенности примитивного человека в результате вырождения, атаквизма, остановки в развитии или иного патологического качества. В то же время французский исследователь в качестве недостатков выделяет образ преступника, представленный в произведении «Преступный человек» Ч. Ломборозо [6]. Последний приписывал криминогенной личности весь комплекс свойственных преступникам ненормальностей, создавая тем самым абстрактный образ преступной личности, что в значительной степени противоречило действительности. В реальности, как писал сам Э. Ферри, лишь небольшая часть преступников отличалась всей совокупностью описанных в книге Ломборозо аномальных признаков. В связи с этим для точного определения действительности указанных данных французский ученый предложил классифицировать преступников по пяти категориям: прирожденные, случайные, привычные (особое влияние социальных факторов), душевнобольные, пострасти [17].

Предлагая данную классификацию, итальянский ученый выделял необходимость применения к каждой категории криминогенных личностей соответствующие меры уголовно-правового характера, которые бы отдельно применялись по отношению к преступникам в зависимости от их принадлежности к одной из категорий. В своем основном труде «Теория неумняемости и отрицание свободной воли» (1878 г.) Э. Ферри привел собственный

перечень данных мер: для преступника, прирожденного – изолирование от общества, «случайного» – обязательное возмещение убытков в денежной форме за понесенные убытки или выполнение определенной работы в пользу общин или государства, «привычного» – временное отстранение от контакта с окружающими. В отношении душевнобольных преступников предлагалось учреждение уголовных домов, которые бы принимали и заново «социализировали» умалишенных, а вот касательно преступной личности «по страсти» итальянский ученый был убежден в необходимости оставить их в большинстве случаев безнаказанными [18]. Таким образом, на основе такого списка уголовно-правовых мер Э. Ферри предоставлял судьям значительную свободу и широкий простор при выборе наказания. Главное, на что обращал внимание ученый, – это применение санкций в зависимости не от преступления, а от личности самого преступника.

В конце XIX века в рамках Парижского общества антропологии проводит свои исследования и известный ученый в области медицинской антропологии А. Бордье, который посвящает свои работы антропологическому изучению обезглавленных на гильотине убийц [19]. Согласно А. Бордье, в ходе анализа выяснилось наличие у данных преступников своеобразного строения черепных коробок, содержащих большинство свойств атавизма, нераспространенных на сегодняшний момент и свойственных прошлым человеческим расам [20].

В это же время Г. Тард представляет свою теорию преступного подражания, ставшей результатом разработки первоначальной концепции П. Люка о возможности преступного заражения [21]. Ключевая идея Г. Тарда выражалась в связи между любым общественным поступком, будь это преступление или акт доброй воли, и желанием подражать какому-либо примеру. Согласно его теории, в жизни владычествует пример, и все совершается в целях подражания. Исходя из данных размышлений, он предлагал объяснять и любые преступления – убийства, кражи, разбой – как следствия подражательному поведению со стороны преступника. К списку поступков, совершаемых на основе примера, Г. Тард также относит и самоубийства, кото-

рые он причисляет к числу наиболее подражательных, приводя в пример самоубийства покоренных врагом народов, нежелающих терпеть чужеземного ига. К теории преступного заражения, по его мнению, довольно тесно прилегает концепция теории преступной толпы, которая с наибольшей остротой и очевидностью проявляется в ходе всех революционных потрясений. Один брошенный в толпу повод может оказаться фактором сплочения разрозненных людей и превращения массового людского собрания в единое организованное и объединенное революционное движение.

Что касается ответственности преступника перед обществом, то, вразрез биологизаторскому подходу, Г. Тард утверждал о наличии прямой связи между физиологическими и физическими склонностями человека, определяющими его желания, и его социальной ответственностью. По его мнению, их воздействие не является определяющим, а выступает лишь частичным и не может никаким образом препятствовать осознанию преступником своей ответственности. Будучи последователем социологического движения, Г. Тард был склонен опровергать теорию врожденного преступника Ч. Ломборозо, объясняя свою позицию тем, что криминальная личность представляет собой в равном образе как биологический, естественный продукт, так и продукт общества, его социальный эксперимент. На основе этого нельзя исходить из чисто биологизаторского подхода к определению мотивов преступника. Помимо вышеуказанных замечаний, Г. Тард противопоставлял прирожденную преступность естественному преступлению и говорил о невозможности объяснением последним первого [15].

Соратником Г. Тарда в продвижении социологического подхода в криминологии выступал Э. Дюркгейм, считавшийся основателем течения общественной дезорганизации [22]. Выработанная им теория аномии раскрывала понятие «аномическое самоубийство», наряду с самоубийствами альтруистическими и эгоистическими. По мнению Э. Дюркгейма, аномические самоубийства порождаются хаотичной человеческой деятельностью и сопровождающими ее страданиями. Они могут обретать формы экономи-

ческих самоубийств вследствие ненасытной конкуренции, господствующей в современном промышленном мире, а также самоубийств, определяемых семейным положением: разводом, потерей любимого человека или вдовством. Альтруистические и эгоистические самоубийства вызваны либо всепоглощающим, как в первом случае, влиянием социальной среды на человека, либо слабым воздействием общества посредством социальных норм на индивида, который кончает свою жизнь в результате потери в ней своей цели.

В целом, теория аномии Э. Дюркгейма основывается на невозможности избежать девиантного поведения, так как общество включает в себя огромное количество разнообразных видов человеческого поведения. При этом, в случае отсутствия преступности, общество не сможет существовать по той простой причине, что при полном его искоренении у людей утратится способность существовать в условиях социальной организации, поскольку преступность дает толчок социальному прогрессу и изменениям. Преступность является основным условием нормальной жизни, и при ее отсутствии общество становится слишком законтролированным. Именно поэтому девиантное поведение, согласно Э. Дюркгейму, – необходимая составляющая социальной организации [23].

В начале XX века полученные наблюдения на фоне стремительного развития физиологии и зарождающегося психоанализа предопределили дальнейшие более углубленные исследования преступной личности. В частности, на основе некоторых результатов в физиологии, полученных при изучении внутренних процессов, было установлено влияние эндокринной системы и ее функционирования на поведение индивида [24]. Такое открытие дало начало теории конституциональной склонности к совершению преступления. Используя достижения в области психоанализа и опираясь на теорию бессознательного З. Фрейда, ученые пытались установить корреляцию между подсознательными мыслями и побуждениями, инстинктами самих преступников [3]. Спустя несколько десятилетий научные исследования в рассматриваемой области вышли на новый уровень, где применялись успехи как

медицины, биологии, психологии, философии, так и социологии, химии. В результате сформировались четыре главных модели, определивших место современной криминологической теории преступной личности.

Первая парадигма усматривала криминогенных личностей в качестве клинических больных, психическое здоровье которых должно быть предметом исследования и лечения психологов и психиатров. Данной концепции придерживались Р. Фокс, Ж. Пинатель, П. Джекобсон, Э. Подольски [25]. Второе направление, разработанное К. Вайлом, Д. Волдом, У. Миллером и А. Коэном, заключалось в признании преступника продуктом окружающих его внешних социальных условий, при трансформации которых изменяется и сам человек. А. Менгер и Э. Фрей признавали преступную личность лишним элементом общества, препятствующим его нормальному функционированию, формируя третье направление [3]. Четвертая парадигма, рассмотренная А. Бандура и Б. Скиннер [12], представляла преступную личность как подверженную различным мерам контроля сущность, будь это лишение свободы, предупреждение, поощрение, иная мера наказания.

Уголовная антропология нашла свое развитие в конституциональной антропологии Л. Мануврие и П. Топинара. Оба ученых не разделяли точку зрения Ч. Ломборозо о врожденном преступнике, а опирались на выдвинутую ими гипотезу о преступности как явления со смешанной природой, определяемой как социальными условиями, так и биологическими и психологическими качествами и свойствами личности [26]. Наряду с венецианским ученым Г. Виола, Л. Мануврие признан первооткрывателем антропотехнии, изучающей личность и ее закономерное развитие, а также одним из авторов типологии человеческой конституции [10].

Заключение

Таким образом, с начала XIX века криминологическое учение отмечено процессом институализации, что, несомненно, значительно повлияло на дальнейшее развитие науки криминологии и проблемы преступной личности как ее отдельного аспекта. Так, помимо образования юридических школ, исследования приняли системный характер, что выразилось в отхождении от принятого

ранее партикуляризма. При формировании криминологической теории преступной личности учеными-исследователями, помимо институализации криминологического учения, затронут широкий спектр проблем, касающихся преступной личности: понимание причин преступного поведения; правительственные меры в отношении преступников; вопросы их ответственности за совершенные преступления перед обществом. Предложенные в XIX веке научные взгляды, положения и гипотезы легли в основу дальнейших исследований криминологов

XX века. Основные направления криминологической мысли рубежа XX века отразили в своих постулатах содержание ранних исследований и внесли свой вклад в дальнейшее углубление и расширение учения о преступной личности, а также в становление индивидуально-профилактических мер. В современных условиях информационного общества положения теории преступного заражения, по нашему мнению, как никогда приобретают свою актуальность и требуют последующего изучения российскими криминологами.

Список источников

1. Кургузкина Е.Б. Криминологическая характеристика личности преступника: социальный аспект // «Охрана и безопасность – 2001»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж: ВИ МВД России, 2001. 255 с.
2. Титушкина Е.Ю. Новый этап формирования «профилактического права» // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 23-26. <https://elibrary.ru/xijpgn>
3. Кайзер Г. Криминология: Введение в основы / пер. с нем. В.Д. Балакина. М.: Юрид. лит., 1979. 319 с.
4. Всемирная история / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. 2-е изд., доп. М., 2000. 263 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Современная буржуазная криминология. М.: Изд-во МГУ, 1974. 95 с.
6. Ломборозо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, 1997. 336 с.
7. Захарова М.В. Развитие криминологического знания во Франции в XIX веке // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. С. 399-406. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).399-406](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406), <https://elibrary.ru/wkeszpb>
8. Жигарев Е.С. Личность как предмет познания. М., 2013. 320 с. <https://elibrary.ru/vvpcbt>
9. Bordier A. Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins // La Revue d'Anthropologie. 1898. T. 2. P. 265-269.
10. Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем.; под ред. Л.О. Иванова. М.: Прогресс: Универс, 1994. 501 с.
11. Vencent J.D. Génétique et violence // Génétique et droits de l'homme sous la direction de A. Heymann-Doat. P.: L'Harmattan, 2013. 242 p.
12. Кондратьев Л.В. Антропология преступления. М.: Норма, 2001. 337 с.
13. Fodéré F.-E. Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé : adapté aux codes de l'Empire français et aux connaissances actuelles... P.: Mame, Univ. de Lyon, 1813. 606 p.
14. Mège J.-B. Manifeste des principes de la Société phrénologique de Paris, adopté dans sa séance du 9 décembre 1834. P.: Pihan-Delaforest, 1835. 36 p.
15. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М.: Инфра-М, 2004. 397 с.
16. Gayraud J.-F. Le Monde des mafias, Géopolitique du crime organisé. P.: Odile Jacob, 2005. 430 p.
17. Ферри Э.Ч. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2005. 658 с. <https://elibrary.ru/qwiwvz>
18. Ферри Э.Ч. Теория невменяемости и отрицание свободной воли. М.: Эксмо, 1998. 658 с.
19. Topinard P. L'anthropologie. 5-me éd. P.: C. Reinwald, 1895. 560 p.
20. Bordier A. Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins // La Revue d'Anthropologie. 1898. Vol. 2. P. 214-225.
21. Lucas P. De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et des monomanies. P.: Didot le jeune, 1833. 80 p.
22. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
23. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. СПб.: Изд. Н.П. Карбасникова, 1912. 402 с.
24. Жигарев Е.С. Проблемы современной криминологии. М., 2016. 130 с.
25. Кургузкина Е.Б. Личность преступника: к истории вопроса // Вестник ВИ МВД России. 2000. № 1 (6). С. 21-24.

26. Manouvrier L. L'anthropologie et le droit. P.: V. Giard et E. Brière, 1894. 52 p.

References

1. Kurguzkina E.B. (2001). Criminological characteristics of the criminal's personality: social. *Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Okhrana i bezopasnost' – 2001»* = *Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference "Security and Safety – 2001"*. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 255 p. (In Russ.)
2. Titushkina E.Yu. (2016). New evolution stage of "preventative law". *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* = *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 4, pp. 23-26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xijpgn>
3. Kaizer G. (1979). *An Introduction into the Fundamentals*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 319 p. (In Russ.)
4. Polyaka G.B., Markovoi A.N. (eds.). (2000). *World History*. Moscow, 263 p. (In Russ.)
5. Kuznetsova N.F. (1974). *Modern Bourgeois Criminology*. Moscow, MSU Publ., 95 p. (In Russ.)
6. Lomborozo Ch. (1997). *Criminal Man*. Moscow, Eksmo Publ., 336 p. (In Russ.)
7. Zakharova M.V. (2016). The development of criminological knowledge in France in the 19th century. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal* = *Russian Journal of Criminology*, vol. 10, no. 2, pp. 399-406. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10\(2\).399-406](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(2).399-406), <https://elibrary.ru/wkeszpj>
8. Zhigarev E.S. (2013). *Personality as an Object of Knowledge*. Moscow, 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vvpcbt>
9. Bordier A. (1898). Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins. *La Revue d'Anthropologie*, vol. 2, pp. 265-269. (In Fr.)
10. Shnaider G.I. (1994). *Criminology*. Moscow, Progress: Univers Publ., 501 p. (In Russ.)
11. Vencent J.D. (2013). *Génétique et violence. Génétique et Droits de L'homme Sous la Direction de A. Heymann-Doat*. Paris, L'Harmattan Liam Publ., 242 p. (In Fr.)
12. Kondratyuk L.V. (2001). *Anthropology of Crime*. Moscow, Norma Publ., 337 p. (In Russ.)
13. Fodéré F.-E. (1813). *Traité de médecine légale et d'hygiène publique ou de police de santé: adapté aux codes de l'Empire français et aux connaissances actuelles*. Paris, Mame, Université de Lyon Publ., 606 p. (In Fr.)
14. Mège J.-B. (1835). *Manifeste des principes de la Société phrénologique de Paris, adopté dans sa séance du 9 décembre 1834*. Paris, Pihan-Delaforest Publ., 36 p. (In Fr.)
15. Tard G. (2004). *The Criminal and the Crime. Comparative Crime. Crowd Crimes*. Moscow, Infra-M Publ., 397 p. (In Russ.)
16. Gayraud J.-F. (2005). *Le Monde des mafias, Géopolitique du crime organisé*. Paris, Odile Jacob Publ., 430 p. (In Fr.)
17. Ferri E.Ch. (2005). *Criminal Sociology*. Moscow, Infra-M Publ., 658 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwiwvz>
18. Ferri E.Ch. (1998). *Theory of Insanity and the Denial of Free Will*. Moscow, Eksmo Publ., 658 p. (In Russ.)
19. Topinard P. (1895). *L'anthropologie. 5-me éd.* Paris, C. Reinwald Publ., 560 p. (In Fr.)
20. Bordier A. (1898). *Étude anthropologique sur une série de crânes d'assassins*. *La Revue d'Anthropologie*, vol. 2, pp. 214-225. (In Fr.)
21. Lucas P. (1833). *De l'imitation contagieuse ou de la propagation sympathique des névroses et des monomanies*. Paris, Didot le jeune Publ., 80 p. (In Fr.)
22. Dyurkgeim E. (1995). *Sociology. Its Subject, Method, Purpose*. Moscow, Kanon Publ., 352 p. (In Russ.)
23. Dyurkgeim E. (1912). *Suicide. A Sociological Study*. St. Petersburg, N.P. Karbasnikova Publ., 402 p. (In Russ.)
24. Zhigarev E.S. (2016). *Problems of Modern Criminology*. Moscow, 130 p. (In Russ.)
25. Kurguzkina E.B. (2000). The identity of the criminal: to the history of the issue. *Vestnik VI MVD Rossii* = *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 1 (6), pp. 21-24. (In Russ.)
26. Manouvrier L. (1894). *L'anthropologie et le droit*. Paris, V. Giard et E. Brière Publ., 52 p. (In Fr.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 04.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 11.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-567-575>

Шифр научной специальности 5.1.4

**Банда как разновидность организованной группы
и ее отличие от вооруженной группы,
виновной в совершении разбойного нападения**

© **ЧАПУРКО Татьяна Михайловна,**

кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Российская Федерация, г. Краснодар, 350005, ул. Ярославская, 128, <https://orcid.org/0000-0001-6650-1471>, chapurko@mail.ru

© **КАРТАВЧЕНКО Виктория Владимировна,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», Российская Федерация, г. Краснодар, 350044, ул. Калинина, 13, <https://orcid.org/0009-0007-0540-8274>, Venik-ment@mail.ru

© **НАЗАРЕНКО Алина Евгеньевна,**

магистрант юридического факультета, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», Российская Федерация, г. Краснодар, 350044, ул. Калинина, 13, <https://orcid.org/0009-0008-5361-2824>, nazarenko.lina@bk.ru

Аннотация

Проанализировано, к каким лицам применяются уголовные санкции за совершение нападения некоторыми разновидностями организованных групп. Выявлены причины, в силу наличия которых организованная преступность представляет большую опасность как для отдельных членов общества, так и для всего государства. Определены признаки, на основании которых можно отграничить бандитизм от разбоя. Установлено, что одним из обязательных признаков, характеризующих группу лиц как банду, является признак устойчивости, однако на законодательном уровне не определено, на основании каких критериев суду необходимо устанавливать наличие или отсутствие этого признака применимо к расследованию конкретных случаев совершения преступных посягательств несколькими лицами. Сделан вывод, что необходимо закрепление в законе определения устойчивости либо ее признаков. Благодаря реализации указанной меры будет устранена неоднозначность понимания правоприменителями этого оценочного признака.

Ключевые слова

бандитизм, банда, организованная группа, группа лиц, вооруженное нападение, оружие

Для цитирования

Чапурко Т.М., Картавченко В.В., Назаренко А.Е. Банда как разновидность организованной группы и ее отличие от вооруженной группы, виновной в совершении разбойного нападения // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 567-575. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-567-575>

Gang as a type of organized group and its difference from an armed group guilty of committing a robbery

© **Tatyana M. CHAPURKO**,

Cand. Sci. (Law), Dr. Sci. (Politology), Professor, Professor of the Social and Humanitarian Disciplines Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 128 Yaroslavskaya St., Krasnodar, 350005, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6650-1471>, chapurko@mail.ru

© **Victoria V. KARTAVCHENKO**,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law Department, Kuban State Agrarian University, 13 Kalinina St., Krasnodar, 350044, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0007-0540-8274>, Venikment@mail.ru

© **Alina E. NAZARENKO**,

Master's Degree Student of the Law Faculty, Kuban State Agrarian University, 13 Kalinina St., Krasnodar, 350044, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0008-5361-2824>, nazarenko.lina@bk.ru

Abstract

It is analyzed which individuals are subject to criminal sanctions for committing attacks by certain types of organized groups. Reasons are identified which explain why organized crime poses a significant threat to both individual members of society and the state as a whole. Signs have been identified that can distinguish banditry from robbery. It is determined that one of the essential characteristics of individuals' group as a gang is stability, although this is not defined at the legislative level. It is unclear on the basis of what criteria the court should determine the presence or absence of this characteristic in specific cases of criminal offenses committed by multiple individuals. Therefore, it is concluded that it would be beneficial to establish a definition for stability or its characteristics in law. By implementing this measure, ambiguity in law enforcement's understanding of this aspect would be eliminated.

Keywords

banditry, gang, organized group, group of persons, armed attack, weapons

For citation

Chapurko, T.M., Kartavchenko, V.V., & Nazarenko, A.E. (2024). Gang as a type of organized group and its difference from an armed group guilty of committing a robbery. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 567-575. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-567-575>

Введение

В современных условиях борьбы с преступлениями, совершаемыми в формах преступных группировок или групповой организованности против общественной безопасности, предусмотрена уголовным законодательством¹ в следующих разновидностях: организованных террористических актах (часть 2 статьи 205 УК РФ), организации террористического сообщества и участие в нем (статья 205.4 УК РФ); организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (статья 205.5

УК РФ); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (статья 208 УК РФ), бандитизм (статья 209 УК РФ), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (статья 210 УК РФ), основной объединяющей идеей которых является обеспечение общественной безопасности в таких условиях, как состояние защищенности от угроз и наличия криминального воздействия на права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы организаций и общественных объединений, а также материальные и духовные ценности общества и государства.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Однако нашему рассмотрению предлагаются следующие проблемы оценки банды как разновидности организованной группы и ее отличия от вооруженной группы, виновной в совершении разбойного нападения.

Обсуждение

Организованная преступность имела широкое распространение в советский период. М.П. Торосян высказывает мнение, что причиной, ввиду наличия которой бандитские группировки стали появляться в каждом даже малонаселенном районе в тот период времени, стал переход нашего государства от социализма к капитализму. Исследователь акцентирует внимание на том, что данный переход привел к возникновению ряда негативных последствий для всего общества и государства. Во-первых, произошел крах социальной культуры, во-вторых, рабочих мест для всех стало не хватать, что спровоцировало рост уровня безработицы; деятельность начали осуществлять индивидуальные и частные фирмы, а ввиду того, что сотрудники правоохранительных органов стали очень нагружены из-за череды участившихся преступлений, совершаемых безработными гражданами, указанные выше субъекты стали основной мишенью бандитских группировок [1].

Анализ исторического пути развития нашего государства позволяет сказать, что банды и другие организованные преступные группы появляются не только из-за того, что сотрудники правоохранительных органов плохо относятся к исполнению своих обязанностей и не предпринимают необходимых действий, направленных на предотвращение их образования, а еще и в силу того, каков уровень экономической и политической стабильности в государстве.

На сегодняшний день на территории нашей страны осуществляют преступную деятельность более четырехсот преступных сообществ и банд, в которых принимают участие более десяти тысяч преступников. Как показывает статистика, преступные группы осуществляют свою деятельность по большей части в крупных городах, а также в других малонаселенных территориях, например, даже в небольших поселках могут действовать такие группы. О росте организованной преступности свидетельствуют статистиче-

ские данные, представленные МВД России. Так, например, в 2023 г. было установлено, что около 25 тысяч преступлений, относящихся к категории тяжких, были совершены коллективом преступников².

В современный период существенно увеличились случаи, когда преступления совершаются организованными группами, и данный факт заставляет членов общества и представителей государственной власти серьезно беспокоиться. Более подробно следует рассмотреть, чем представляют опасность преступные группировки для членов общества и всего нашего государства.

Во-первых, организованные преступные группировки опасны не только для тех, кто является жертвами их нападений. Анализ случаев совершения нападений участниками преступных группировок позволяет заключить, что нападение на отдельных граждан – это не единственная и не главная цель, которую они преследуют, когда совершают свои преступные посягательства. По большей части каждая из преступных банд стремится установить контроль над определенной территорией. Зачастую это приводит к столкновению сразу нескольких преступных группировок, которые борются за установление авторитета над одной территорией, а в результате подобного противодействия могут пострадать обычные граждане, которые в преступной деятельности не замешаны. Так, на протяжении 20 лет осуществляла преступную деятельность организованная группа под названием «Северские». Эта группировка контролировала весь бизнес Сергиево-Посадского района. С 1997 г. и вплоть до 2019 г. преступная группа занималась устранением конкурентов по бизнесу. В апреле 2023 г. в отношении лидера преступной группировки Андрея Кукушкина был вынесен обвинительный приговор³.

Во-вторых, организованные преступные группы для лучшей конспирации, чтобы их преступную деятельность не раскрыли со-

² Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://portal.tpu.ru> (дата обращения: 01.08.2024).

³ Приговор Московского областного суда от 05.04.2023 по делу № 2-98/2023. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

трудники правоохранительных органов, принимают всевозможные меры. Одной из таких весьма успешных мер является легализация преступной деятельности. Это означает, что преступники пытаются узаконить свои незаконные доходы посредством инвестирования их в конкретные предприятия. Подобный процесс легитимизации позволяет им скрыть природу истинного происхождения инвестируемых денежных средств для поддержания своего финансового положения. Все это в общей своей совокупности способствует обеспечению высокой латентности анализируемого вида преступлений.

Кроме того, высокая скрытность преступной деятельности организованных групп подкрепляется в большинстве случаев также тем, что некоторые из участников преступной группировки могут иметь тесное взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов. Не исключены ситуации, когда в государственных структурах осуществляют трудовую деятельность лица, являющиеся непосредственными участниками организованных преступных группировок. Коррупционные, родственные и иные связи участников преступных группировок и лиц, осуществляющих трудовую деятельность в правоохранительных органах, позволяют преступным группировкам организовывать нападения на граждан и организации и не бояться, что они будут уличены в этом сотрудниками правоохранительных органов, так как они пользуются их непосредственной защитой.

Таким образом, учитывая общественную опасность преступных группировок для всех членов общества нашего государства, необходимо бороться с установлением их участниками коррупционных связей с сотрудниками правоохранительных органов, не допускать проникновения криминальных авторитетов в бизнес, не допускать случаев легитимизации преступниками полученных ими в процессе осуществления противоправной деятельности незаконных доходов. Это сложные и многогранные задачи, требующие совместных усилий государства, общества и даже международных организаций.

Итак, рассмотрим, что же собой представляет организованная преступная группа. Она представляет собой структурное объединение лиц, которые сотрудничают в целях

совместного совершения преступных действий для получения личной выгоды либо в целях установления контроля над определенной сферой деятельности или же территорией. Они могут использовать формально-юридические методы для достижения своих целей, такие как создание компаний или организаций как прикрытие для своих незаконных действий. Организованные преступные группы могут варьироваться по своей структуре, размеру и масштабу деятельности.

Одним из разновидностей организованной группы выступает банда. Об этом в своей научной работе говорит Н.А. Лопашенко [2]. Однако анализ юридической литературы позволяет сказать, что некоторые исследователи рассматривают банду в качестве преступного сообщества.

Возникает закономерный вопрос: чем банда отличается от простой организованной группы? Ответ на данный вопрос можно дать исходя из содержания статьи 209 УК РФ, поскольку в данной правовой норме определены индивидуализирующие банду признаки.

Во-первых, законодатель указывает в качестве одного из признаков, при наличии которых можно квалифицировать действия группы лиц как действия банды, вооруженность.

Во-вторых, когда банда принимает решение совершить какое-либо преступление, то она преследует определенную специальную цель, которая выражается в осуществлении нападения на определенные субъекты права: организации и граждан.

Исследователи подчеркивают, что очень часто, когда в суде решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности нескольких преступников, которые были уличены в совершении нападения на организации или граждан, для судей определяющим критерием, на основании которого они производят отграничение банды от иных предусмотренных законодателем форм соучастия в совершении уголовно-наказуемого деяния, является именно признак вооруженности [3].

Вместе с тем в научной литературе ведутся дискуссии относительно того, на основании каких критериев, если обязательным признаком банды является именно вооруженность, следует отграничивать эту форму соучастия от вооруженного разбоя.

Прежде всего следует разобраться, чем бандитизм отличается от простого разбоя, то есть когда преступники при его совершении не используют оружия. Разница между анализируемыми уголовно-наказуемыми деяниями заключается непосредственно в объекте посягательства. Дело в том, что такое преступление, как бандитизм, имеет своим основным направлением нарушение общественной безопасности, в то время как разбой преследует цель похитить имущество, находящееся на праве собственности у кого-либо, поэтому объектом посягательства будет считаться право собственности на имущество.

Исходя из этого, разнятся также цели, которые преступники преследуют, когда совершают разбой или бандитизм. Разбой предусматривает, что преступники осуществляют нападение для того, чтобы завладеть объектом, который находится на праве собственности у кого-либо, в то время как участники банды совершают нападения на организации или конкретных граждан, но не для того, чтобы завладеть имуществом, а для реализации других целей, например, убийства гражданина.

В апреле 2023 г. трое преступников в составе банды осуществили убийство двух аниматоров в Краснодарском крае при следующих обстоятельствах. Руководитель фирмы, специализирующейся на организации праздничных мероприятий, вместе со своей сотрудницей направились в город Усть-Лабинск, расположенный на территории Краснодарского края, чтобы там оказать услуги аниматоров. Однако после выступления двое аниматоров пропали без вести. В процессе долгих поисков и расследования, проведенного сотрудниками правоохранительных органов, удалось найти тела двух пропавших граждан, а также лиц, которые совершили жестокое убийство. В ходе расследования было установлено, что убийство лиц, предоставляющих услуги аниматоров, совершило трое мужчин, которые в составе банды на протяжении многих лет совершали различного вида нападения на граждан на различных территориях местности. Преступники заметили будущих жертв возле дороги, так как последние пробили колесо у своего транспортного средства. После того, как потерпевшие согласились на получение помощи, преступ-

ники похитили их и совершили убийство. Тела убитых были закопаны преступниками в лесополосе⁴.

Разбой может быть совершен при помощи использования оружия, так и без него, чего нельзя сказать о бандитизме, так как признак вооруженности является для этого состава преступления обязательным. Если разбой совершается при использовании оружия, то к лицам, уличенным в его совершении, будут применены более строгие меры ответственности, нежели чем разбой был бы совершен без использования оружия. Это в очередной раз обусловлено тем, что критерий вооруженности – это признак, который законодатель предопределяет в качестве квалифицирующего для указанного общественно опасного деяния.

В уголовном законе не определено, что следует относить к оружию, поскольку в российском законодательстве существует отдельный специальный закон, который регламентирует все основные вопросы, которые имеют отношение к оружию⁵. В этом законе закреплено легальное определение понятия «оружие». Законодатель предусматривает, что оружием считаются любые устройства и предметы, которые сконструированы таким образом, что способны поразить живую или любую другую цель либо подать сигнал.

В правовой норме, посредством которой осуществляется порядок наступления уголовной ответственности для лиц, уличенных в совершении разбоя, указано, что преступники могут совершить нападение с огнестрельным оружием или любым другим, при помощи которого можно причинить смерть иному лицу. Также для реализации преступного умысла преступниками может быть использован иной предмет в качестве оружия. Например, нередко разбой совершается при использовании ножей, отверток, тростей и ряда других предметов.

Что же касается бандитизма, то для квалификации действий преступников по статье 209 УК РФ необходимо, чтобы у банды име-

⁴ Верили до последнего. Кто и зачем убил аниматоров на кубанской трассе. URL: <https://v1.ru> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵ Об оружии: федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

лось в наличии именно подлинное оружие, а не его муляж или другие предметы, при помощи которых можно причинить существенный вред потерпевшим. То есть, если группа лиц на протяжении долгого времени совершает многократные нападения на граждан, при этом используя исключительно те предметы, которые в силу закона к оружию не относятся, но с их помощью также можно причинить значительный вред третьим лицам, то такая группа бандой являться не будет. То есть настоящее оружие должно быть хотя бы у одного из участников, входящих в ее состав, и другие участники должны быть о нем осведомлены, в таком случае наблюдается признак вооруженности. Об этом в своей работе говорит Ю.О. Щипунова [4].

Логичным является вопрос, как необходимо квалифицировать судебным органам действия группы лиц, если лица, входящие в ее состав, для реализации преступного умысла, выражавшегося в совершении нападений на граждан для того, чтобы завладеть имуществом, которым они обладают на праве собственности, использовали применение оружия, являющегося непригодным. То есть, может возникнуть ситуация, когда группа лиц заранее знает, что приобретенное, обнаруженное ими случайным образом полученное оружие является непригодным для использования, однако все равно они решат совершить при помощи его использования нападение, однако жертва не будет осведомлена о его неработоспособном состоянии. При возникновении такой ситуации действия виновных также будут рассматриваться судом в качестве совершения вооруженного разбоя. То же самое касается ситуаций, когда в целях нападения преступники используют любые другие предметы, которые имеют с настоящим оружием лишь общие признаки, но в реальной действительности таковым не являются. Речь идет об игрушках, имеющих вид настоящего оружия; массово-габаритных макетах, используемых для демонстрации в учебных целях огнестрельного оружия и многое другое. Если при совершении нападения используется предмет, который только по внешним признакам является оружием, но по конструктивным особенностям не способен причинить смерть, существенный вред другому лицу или подать сигнал, то та-

кие действия подпадают под квалификацию согласно части 2 статьи 162 УК РФ.

Итак, если сотрудникам правоохранительных органов удалось выявить, что несколько лиц совершили нападение, в целях разграничения разбоя и бандитизма необходимо предпринять ряд следующих действий.

Во-первых, необходимо выяснить, использовалось ли в процессе нападения оружие или нет. Если использовался предмет, лишь похожий на оружие, но таковым не являющийся в реальной действительности, то такое посягательство уже не может рассматриваться в качестве бандитизма, сотрудникам правоохранительных органов необходимо будет опираться на состав преступлений, предусмотренный статьей 162 УК РФ, то есть разбой.

Во-вторых, если для совершения нападения оружие не использовалось, устанавливается, что являлось объектом нападения. Если преступники напали на гражданина и похитили у него какой-либо объект, принадлежащий ему на праве собственности, например, мобильное устройство, то лиц, уличенных в совершении этого действия, будут судить за совершение разбоя. В случае возникновения другой ситуации, то есть если преступники напали на гражданина, но их преступной целью не было завладение имуществом, то такие действия – это действия банды.

Законодатель еще одним признаком банды рассматривает ее устойчивость. Однако анализ судебной практики, юридической литературы позволяет сказать, что такой признак банды, как устойчивость, очень сложно доказать и установить. На проблему доказывания этого факта обращает внимание Т.В. Шутемова [5].

Верховный суд РФ постарался сформулировать основные признаки устойчивости банды и включил их в 1997 г. в Постановление Пленума Верховного суда РФ № 1⁶. Однако в нашем государстве позиции даже высших органов судебной системы не являются обязательными для исполнения. По-

⁶ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 3.

этому оценка соответствует или нет банды признаку устойчивости – остается только на усмотрение суда. Практика же показывает, что суды на основании разнообразных признаков основывают свою позицию признать или нет признак устойчивости банды в каждом конкретном случае.

Например, в 2013 г. Хабаровский краевой суд посчитал группу лиц бандой в силу того, что ее участники проживали на территории одного населенного пункта, на протяжении длительного времени между ними существовали дружески отношения, они часто проводили время вместе в одной компании, и при совершении преступлений их главной целью было личное обогащение⁷.

А в 2017 г. Самарский областной суд установил признак наличия устойчивости банды на основании того, что:

- все члены группы признавали в качестве лидера одного единственного человека, который был их непосредственным руководителем;
- новый членов в состав группы преступники не принимали, исходя из чего установил критерий стабильности;
- все преступления были заранее и тщательно спланированы, а роли между участниками банды распределены;
- при совершении нападений участники банды использовали идентичные формы и методы, то же касалось процесса конспирации;
- на протяжении длительного времени банда совершила большое количество одинаковых нападений⁸.

Иногда суды лишь кратко указывают, что ими не был выявлен признак устойчивости банды, и этого фактически является достаточным. Например, в 2019 г. при постановлении обвинительного приговора Волгоградский областной суд кратко указал, что не установил наличие между подсудимыми

тесных связей, устойчивых до степени, которую законодатель считает характерной для банды. На основании чего суд пришел к указанному выводу, в решении указано не было⁹.

Ввиду того, что среди органов судебной власти нашего государства не сложилось единого подхода к пониманию такого признака банды, как устойчивость, на наш взгляд, законодателю следует заняться разработкой единого легального определения понятия «устойчивость» либо разработать четкие критерии, на основе которых ее можно установить. Самое главное, на что должен обратить внимание законодатель при осуществлении этой работы – избежать использования общих, абстрактных формулировок, которые породят возникновение еще больших вопросов, чем есть в настоящее время. Например, целесообразно было бы указать, что бандой признается группа лиц, которая заранее объединилась для совершения ряда нападений на граждан и организации. Первый критерий – это заблаговременное объединение участников преступной группы для совершения нападений. Однако может быть и такая ситуация, когда преступление, в совершении которого были уличены участники группы, является только одним из эпизодов либо отдельным этапом преступной деятельности, реализуемых участниками группы. То есть, одним из критериев устойчивости банды можно считать совершение большого количества нападений на регулярной основе, но также, если будет установлено, что совершением того преступления, в совершении которого были уличены участники банды, банда бы не ограничилась, если бы противоправные действия своевременно не были пресечены сотрудниками, осуществляющими трудовую деятельность в правоохранительных органах, однократное нападение также можно будет рассматривать в качестве бандитизма. В качестве второго критерия устойчивости банды К.А. Данилова, А.А. Павлова предлагают рассматривать наличие постоянной связи между ее членами, основывающейся на лич-

⁷ Приговор Хабаровского краевого суда от 08.10.2013 по делу № 2-95/13 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁸ Приговор Самарского областного суда от 23.01.2017 по делу № 2-5/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 03.08.2024).

⁹ Приговор Волгоградского областного суда от 04.07.2019 по делу № 2-19/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 03.08.2024).

ных отношениях, общем опыте, общих интересах, единство цели [6].

Заключение

Таким образом, легальное определение понятия «бандитизм» в действующем российском законодательстве не закреплено, лишь уголовный закон предусматривает, что действия, совершенные в составе вооруженной банды, являются уголовно-наказуемыми.

Вместе с тем бандитизм следует отличать от разбоя, так как, в первую очередь, оба эти состава преступления имеют разный объект посягательства: разбой – чужое имущество; бандитизм – общественная безопасность. Разница между ними заключается в признаке вооруженности, так как для бандитизма он является во всех случаях обязательным, в то время как разбой может быть использован и без применения оружия. При бандитизме используемый для реализации преступных целей предмет посягательства должен отвечать конструктивным признакам оружия. Если в процессе нападения используется бутафорское оружие или любая другая имитация настоящего оружия, то данное деяние будет квалифицироваться в качестве разбоя.

В ходе анализа правовых норм уголовного закона, которые затрагивают вопросы порядка привлечения к уголовной ответст-

венности лиц, уличенных в совершении преступлений в составе банды, было установлено, что используемые законодателем формулировки при конструировании норм уголовного закона, а именно статья 209 УК РФ, не являются совершенными. Не совсем правильным является использование такого оценочного признака банды, как «устойчивость». Верховный суд РФ постарался сформулировать признаки, исходя из наличия или отсутствия которых можно судить об устойчивости банды, однако это является недостаточным, поскольку в нашем государстве позиции даже высших органов судебной системы могут носить рекомендательный характер. По этой причине фактически на плечах правоприменителя лежит обязанность определения признака устойчивости банды на основании исключительного субъективного мнения. Однако уголовный закон должен содержать правовые нормы, являющиеся четкими и ясными как для правоприменителя, так и для обычного гражданина, осуществляющего их изучение, поэтому законодателю следует заняться разработкой четких критериев, ввиду наличия которых суд может говорить о том, что организованная группа является устойчивым образованием, а значит, все совершаемые ее действия необходимо рассматривать как бандитизм.

Список источников

1. Торосян М.П. Уголовная ответственность за бандитизм: проблемы и решения // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов: сб. науч. ст. Воронеж; Симферополь: Ариал, 2024. С. 159-162. <https://elibrary.ru/ecqfdi>
2. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М.: Норма, 2012. 527 с. <https://elibrary.ru/qshaad>
3. Чистанов Т.О. Бандитизм как форма проявления преступной деятельности организованной группы // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. № 11. С. 192-196. <https://elibrary.ru/scohdf>
4. Щитунцова Ю.О. Проблемы отграничения разбоя от бандитизма // Modern Science. 2022. № 11-1. С. 72-76. <https://elibrary.ru/lxvtzv>
5. Шутемова Т.В. О проблемах доказывания и оценки признака устойчивости в банде // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 4 (97). С. 91-99. <https://elibrary.ru/spoard>
6. Данилова К.А., Павлова А.А. Устойчивость как критерий бандитизма в правоприменении Российской Федерации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2021. № 4 (24). С. 12-16. <https://elibrary.ru/oexcnv>

References

1. Torosyan M.P. (2024). Criminal liability for banditry: problems and solutions. *Sbornik nauchnykh statei «Problemy primeneniya ugodovnogo zakona i ugodovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v deyatel'nosti sledstvenno-sudebnykh organov»* = Collection of Scientific Articles "Problems of the Application of Crimi-

- nal Law and Criminal Procedure Legislation in the Activities of Investigative and Judicial Bodies". Voronezh, Simferopol, Arial Publ., pp. 159-162. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ecqfdi>
2. Lopashenko N.A. (2012). Encroachments on Property. Moscow, Norma Publ., 527 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qshaad>
 3. Chistanov T.O. (2014). Banditry as a form of manifestation of the criminal activity of an organized group. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike*, no. 11, pp. 192-196. (In Russ.) <https://elibrary.ru/scohdh>
 4. Shchipunova Yu.O. (2022). The problems of distinguishing robbery from banditry. *Modern Science*, no. 11-1, pp. 72-76. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lxvtzv>
 5. Shutemova T.V. (2020). About the problems of proving and evaluating the sign of stability in the gang. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, vol. 2, no. 4 (97), pp. 91-99. (In Russ.) <https://elibrary.ru/spoard>
 6. Danilova K.A., Pavlova A.A. (2021). Sustainability as a criterion of banditry in the law enforcement of the Russian Federation. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo = Vestnik of North-Eastern Federal University. Social Science*, no. 4 (24), pp. 12-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oexcny>

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 30.10.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>

Шифр научной специальности 5.1.4

**К вопросу об особенностях уголовной ответственности
несовершеннолетних и структуре преступности
(региональный аспект)**

© КУЗЬМЕНКО Элла Юрьевна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33; профессор кафедры гражданского права и процесса, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

© МЕНТЮКОВА Мария Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0001-8639-2559>, mariya_men2003@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены ключевые аспекты специфики уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение противоправных деяний. Поднимаемые вопросы остаются в центре внимания уголовно-правовой науки, поскольку, несмотря на общие тенденции к снижению преступности, подростковая преступность остается одной из актуальных проблем, требующих разрешения. Причины этого могут быть различны: нельзя исключать влияние на подрастающее поколение специальных групп и субкультур, что также создает риск вовлечения в преступную деятельность. Целью исследования является рассмотрение проблем, возникающих при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности. Так, по своей психической организации несовершеннолетние имеют определенные особенности. Отмечено, что у несовершеннолетних, как правило, не полностью сформирована психоэмоциональная сфера, не устоялся характер, который продолжает формироваться в процессе естественного взросления, что сопровождается также развитием интеллектуальной составляющей. В уголовном законодательстве большинства стран действительно предусмотрены специальные нормы, касающиеся привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. Эти нормы учитывают возраст и психическое развитие подростков, а также их возможности понимать и осознавать свои действия. Сделан вывод о том, что к концу 2024 г. ожидается снижение количества общественно-опасных деяний, совершенных несовершеннолетними, однако при неблагоприятном варианте развития социально-экономической и политической жизни российского общества число преступлений, совершенных подростками, останется на прежнем уровне.

Ключевые слова

уголовная ответственность несовершеннолетних, преступность несовершеннолетних

Для цитирования

Кузьменко Э.Ю., Ментюкова М.А. К вопросу об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних и структуре преступности (региональный аспект) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 576-586. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>

On the issue of peculiarities of juveniles criminal liability and the structure of crime (regional aspect)

© Ella Yu. KUZMENKO,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-7886-7948>, ella.yurevna1010@mail.ru

© Maria A. MENTYUKOVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law and Applied Computer Science in Jurisprudence Department, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8639-2559>, mariya_men2003@mail.ru

Abstract

The crucial aspects concerning the specifics of juveniles criminal liability for their illegal actions are examined. The issues raised remain in the spotlight, since, despite the downward trend in the number of crimes committed by young people, the level of juvenile crime still occupies a significant place in the overall picture of offenses. The goal is to consider the problems that arise when bringing juveniles to criminal liability. In their mental organization, juveniles differ significantly from adults, and this noticeable difference has its own characteristic features. Juveniles, as a rule, do not have a fully developed psycho-emotional sphere, and their character, which continues to develop in the process of natural maturation, has not yet settled, and the development of their intellect continues, which is closely related to the characteristics of adolescence; in turn, both mental and physical development also continues noticeably. And, in this regard, taking into account all the above aspects, the criminal law provides for special rules governing the prosecution of juveniles and the imposition of appropriate punishment on them. General scientific and specifically legal methods have been used as research methods. The main attention has been paid to the method of analysis. The study found that by the end of 2024, the decrease in the number of socially dangerous acts committed by juveniles is expected. However, in an unfavorable scenario of the development of the socio-economic and political life of our country, the number of crimes committed by adolescents will not change.

Keywords

criminal liability of juveniles, juvenile delinquency

For citation

Kuzmenko, E.Yu., & Mentyukova, M.A. (2024). On the issue of peculiarities of juveniles criminal liability and the structure of crime (regional aspect). *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 576-586. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-576-586>

Введение. Постановка проблемы

Наступление уголовной ответственности, связанное с достижением определенного возраста, является важнейшим аспектом, определяющим статус субъекта правонарушения. Согласно положениям части 1 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации (далее – УК РФ), лицо, которое на момент совершения преступления достигло 16-летнего возраста, может быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством. Устанавливая данную минимальную возрастную отметку, законодатели исходили из разумного

предположения, что к 16 годам индивид, как правило, способен в полной мере осознавать и контролировать свои действия, поступки и намерения. УК РФ действительно устанавливает различные возрастные пороги для наступления уголовной ответственности в зависимости от тяжести преступления. С 14 лет возможна ответственность за ряд серьезных преступлений, таких как убийство, изнасилование и др. Однако для некоторых преступлений посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних ответственность наступает только с 18 лет. Такой подход направлен на то, чтобы с позиции справедливости и рациональности учитывать степень развития и понимания подростков, а также защищать их интересы в системе уголовного правосудия.

Вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних были предметом исследования в работах таких ученых, как А.Г. Веселкова, М.Р. Давлетшин, Г.Ю. Зинин, С.Г. Родин, В.В. Сверчков, А.С. Шатый.

Вместе с тем в российской правовой науке отсутствуют научные исследования, позволяющие провести комплексный анализ состояния и перспектив преступности несовершеннолетних.

Обсуждение. Результаты исследования

Согласно статье 87 УК РФ, «уголовной ответственности подлежат несовершеннолетние лица, достигшие 14-летнего возраста на момент совершения преступления, но не достигшие 18 лет»¹. По своей психической организации несовершеннолетние, как отмечается в научной правовой литературе и исследованиях, существенно отличаются от взрослых людей, и это заметное отличие имеет свои характерные особенности [1, с. 135]. У несовершеннолетних, как правило, психоэмоциональная сфера еще не полностью развита, а характер формируется в процессе естественного взросления и дальнейшего интеллектуального развития. Учитывая вышеперечисленные факторы, уголовное законодательство содержит специальные нормы для регулирования ответственности несовершенно-

летних и назначения им соразмерного наказания. Эти нормы в основном собраны и систематизированы в главе 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», что подчеркивает важность данного вопроса и необходимость учитывать все аспекты, касающиеся данной категории. «Неуклонный рост количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, требует принятия срочных мер и действий со стороны государств и общества» [2, с. 316-317].

«Преступность у несовершеннолетних в 2023 г. начинает перерастать в популярную тенденцию. В России УК РФ устанавливает возраст, с которого наступает уголовная ответственность – с 14 лет в случае тяжких и особо тяжких преступлений, в связи с этим дети, находящиеся в возрасте до 14 лет, во многих случаях считают себя безнаказанными. Участились случаи преступлений у детей в возрасте 12–13 лет, которые понимают, что еще не могут быть осуждены по уголовному законодательству и в связи со своей безнаказанностью совершают тяжкие преступления не осознавая, что ответственность за них будут нести их родители и законные представители» [3, с. 544-545].

Следовательно, ключевые характеристики уголовной ответственности несовершеннолетних обусловлены их социальной незрелостью и возрастом. Указанные черты для данной возрастной категории подлежат особой уголовно-правовой защите, нацеленной на уменьшение числа правонарушений среди данной «уязвимой социальной группы» [4, с. 321].

Проанализировав официальные статистические данные, следует отметить, что с каждым годом количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, возрастает. Однако выявить всех виновных лиц не представляется возможным (табл. 1) [5, с. 71].

Остановимся на проблеме преступности несовершеннолетних в региональном срезе. Например, за 11 месяцев 2023 г. на территории Тамбовской области в соответствии с данными правоохранительных органов зарегистрировано 182 преступления, совершенных несовершеннолетними, что представляет

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений, совершаемых несовершеннолетними,
Российская Федерация, 2019–2023 гг.

Table 1

The number of registered crimes committed by juveniles, Russian Federation, 2019–2023

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Всего зарегистрировано	2024337	2044221	2004404	1966795	1947161
Зарегистрировано преступлений, совершенных несовершеннолетними	41548	337771	31865	30469	273235
Доля в общем количестве зарегистрированных преступлений, %	2,0	1,8	1,6	1,55	1,4
Всего выявлено лиц, совершивших преступления	884661	852506	848320	818986	750465
Число выявленных лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления	37953	33575	29126	26305	22340
Доля в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, %	4,3	3,9	3,4	3,2	3,0

Источник: рассчитано и составлено авторами.
Source: calculated and constructed by the authors.

собой значимую статистическую цифру. Из общего числа правонарушений, заслуживающих особого внимания, 72 преступления квалифицируются как тяжкие и особо тяжкие, в то время как 54 преступления относятся к категории средней тяжести, а 56 – к преступлениям небольшой тяжести. Важным аспектом остается то, что 106 из этих преступлений были направлены против собственности, что подчеркивает настоятельную необходимость охраны как частной, так и государственной собственности. Кроме того, 21 преступление затрагивает интересы личности и требуют комплексного подхода со стороны правоохранительных органов, органов социальной защиты и общественных организаций. Наряду с этим 120 преступлений были совершены в общественных местах, что может сигнализировать о более глубоких социальных и экономических проблемах, таких как безработица, доступ к образованию и поддержка на уровне семьи и сообщества. Также важно отметить, что 49 правонарушений связано с незаконным оборотом наркотиков, что свидетельствует о масштабах этой проблемы среди молодежи. При этом отсутствие зарегистрированных убийств может быть положительным показателем. Это может свидетельствовать о том, что в обществе

есть механизмы предотвращения насилия и конфликтов, которые работают, несмотря на наличие других правонарушений. Однако все же зафиксировано 2 инцидента с угрозами убийством или причинением тяжкого вреда здоровью наряду с 15 случаями умышленного нанесения ущерба здоровью, совершенными несовершеннолетними (рис. 1)².

К примеру, 6 ноября 2024 года Советский районный суд города Тамбова вынес приговор 18-летней местной жительнице и ее шестнадцатилетней знакомой. Так, согласно данным следствия, на тот момент несовершеннолетняя, обвиняемая вместе со своей знакомой, неоднократно провоцировала конфликты с посетителями торгово-развлекательного центра, вынуждала покинуть территорию общественного места, выражала свою личную неприязнь, а впоследствии избивала их. Суд признал названных граждан виновными по части 2 статьи 213 УК РФ, а также пункту «а» части 1 статьи 213 УК РФ и приговорил несовершеннолетнюю К. к 1 году 3 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, а

² Общие сведения о состоянии преступности // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 04.09.2024)

несовершеннолетнюю 3. к 1 году лишения свободы условно³.

В указанный период произошло 70 случаев краж, среди которых 16 являлись повторными мелкими хищениями, что подпадает под статью 158.1 УК РФ. Также зафиксировано 18 краж с проникновением, 17 краж из жилых помещений, 9 случаев кражи с использованием банковских счетов или электронных средств, 4 грабежа, 3 акта мошенничества и 11 фактов незаконного завладения транспортными средствами (рис. 2).

Из всех 153 выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления за 11 месяцев 2023 г., практически все (146) местные жители мужского пола (127), 107 несовершеннолетних в возрасте 16–17 лет, 46 несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет, ранее совершали преступления 40 лиц, 13 совершили в состоянии опьянения, 17 несовершеннолетних на момент совершения состояло на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, 58 являлись учащимися и 54 студентами. В смешанной группе со взрослым совершено 38 преступлений, в группе только несовершеннолетние – 20 преступлений (рис. 3–5)⁴.

УК РФ учитывает возраст правонарушителей при назначении наказания, особенно в отношении несовершеннолетних. Главной целью данной правовой нормы является не столько наказание, сколько воспитание и коррекция поведения молодого человека.

Согласно статье 88 УК РФ, к несовершеннолетним могут применяться такие меры, как:

- обязательные работы – это трудовая деятельность, направленная на исправление правонарушителя;
- исправительные работы – могут быть назначены на срок до двух лет и выполняются в свободное от учебы время;
- лишение свободы – возможно, но срок наказания не может превышать 10 лет

для тяжких преступлений, в большинстве случаев применяется более мягкое наказание;

- лишение права на определенную деятельность – может быть предусмотрено в зависимости от характера совершенного преступления⁵.

Важно отметить, что решения в отношении несовершеннолетних правонарушителей принимаются с учетом их личностных особенностей и обстоятельств дела, что служит дополнительным стимулом к исправлению и профилактике повторных правонарушений. Такой подход ориентирован на реабилитацию, что позволяет снизить уровень рецидивов среди молодежи.

При вынесении решения о наказании в отношении несовершеннолетних суд учитывает не только общие принципы, но и другие дополнительные факторы, например, воспитание несовершеннолетнего, уровень его психического развития, индивидуальные особенности личности, а также влияние на него старшего поколения. Важно отметить, что статус несовершеннолетнего рассматривается как смягчающее обстоятельство (пункт «б» части 1 статьи 61 УК РФ)⁶.

Несмотря на активную законодательную деятельность, в российском обществе существует проблема неурегулированности случаев повторного совершения преступления несовершеннолетними и лицами, совершившими преступления в возрасте до 18 лет. «Все обозначенные факторы диктуют необходимость пристального исследования и тщательной законодательной проработки вопросов, связанных с повторностью преступлений несовершеннолетних» [6, с. 35].

Законодательством предусмотрены специфические виды освобождения от наказания для несовершеннолетних правонарушителей. К ним относятся: освобождение с использованием принудительных мер воспитательного воздействия (часть 1 статьи 92 УК РФ) и освобождение от наказания с помещением в

³ Следственное управление Следственного комитета по Тамбовской области: сайт. URL: <https://tambov.sledcom.ru/news/item/1927384/> (дата обращения: 03.09.2024)

⁴ Портал правовой статистики // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 04.09.2024)

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

специальное учебное воспитательное учреждение закрытого типа (сокращенно СУВУЗТ), управляемое органами образования (часть 2 статьи 92 УК РФ).

Применение первого вида освобождения возможно, если суд оценивает, что несовершеннолетний, совершивший преступ-

ление небольшой или средней тяжести, может быть исправлен без отбывания наказания. В этом случае используются воспитательные меры, указанные в части 2 статьи 90 УК РФ. Основанием для такого решения служат выводы суда о шансах осужденного на исправление.

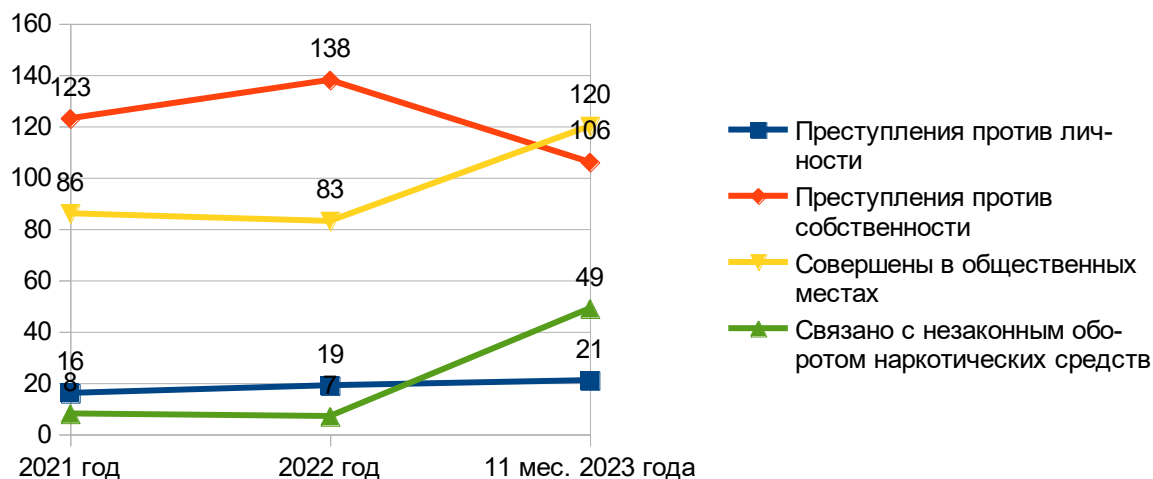


Рис. 1. Сведения по преступлениям, совершенным несовершеннолетними

Fig. 1. Data on crimes committed by juveniles

Источник: рассчитано и построено авторами.

Source: calculated and constructed by the authors.

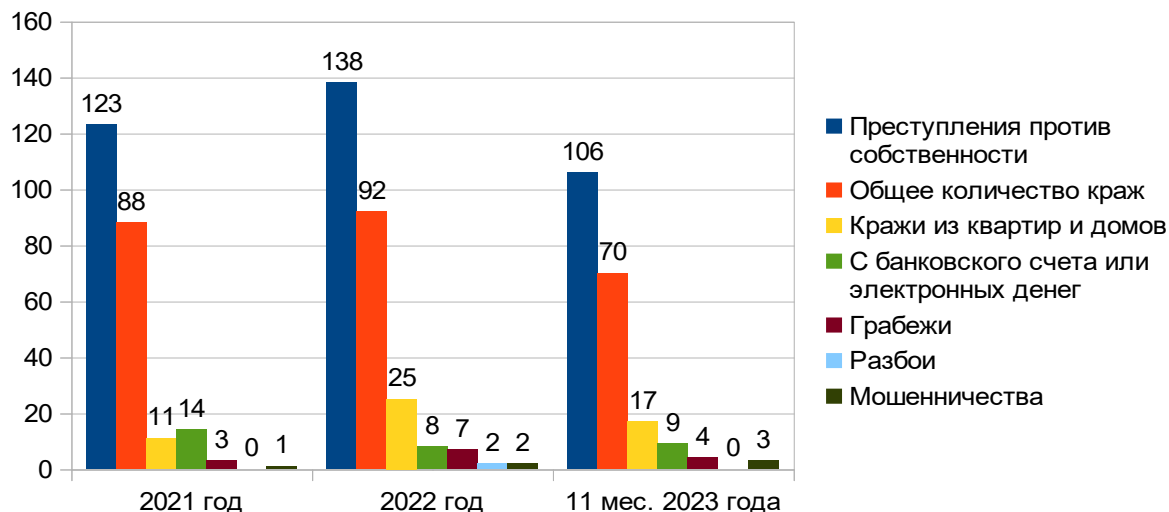


Рис. 2. Хищения чужого имущества, совершенные несовершеннолетними

Fig. 2. Theft of other people's property committed by juveniles

Источник: рассчитано и составлено авторами.

Source: calculated and constructed by the authors.

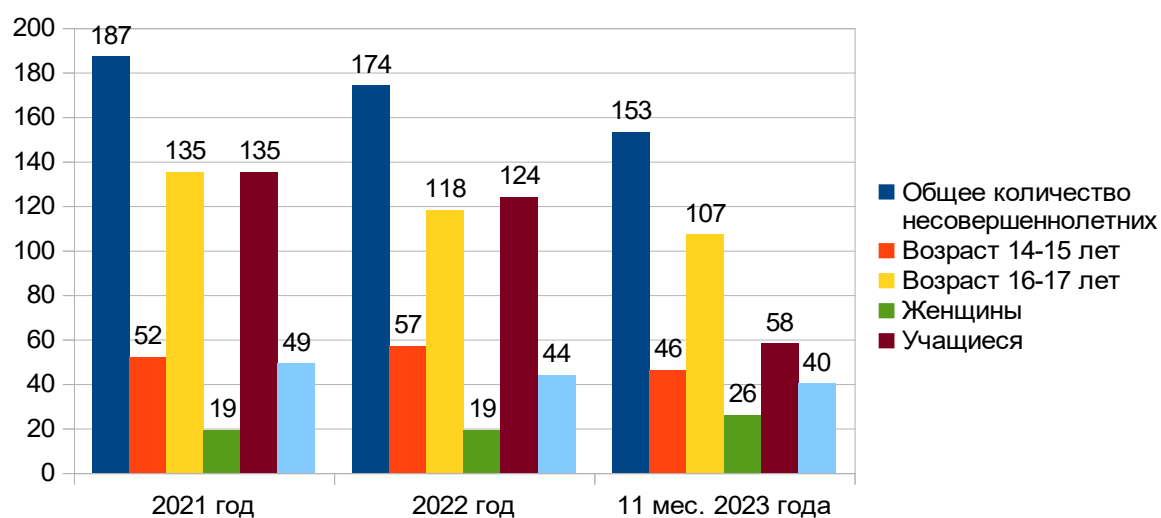


Рис. 3. Сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления

Fig. 3. Data on juveniles who have committed crimes

Источник: рассчитано и построено авторами.

Source: calculated and constructed by the authors.

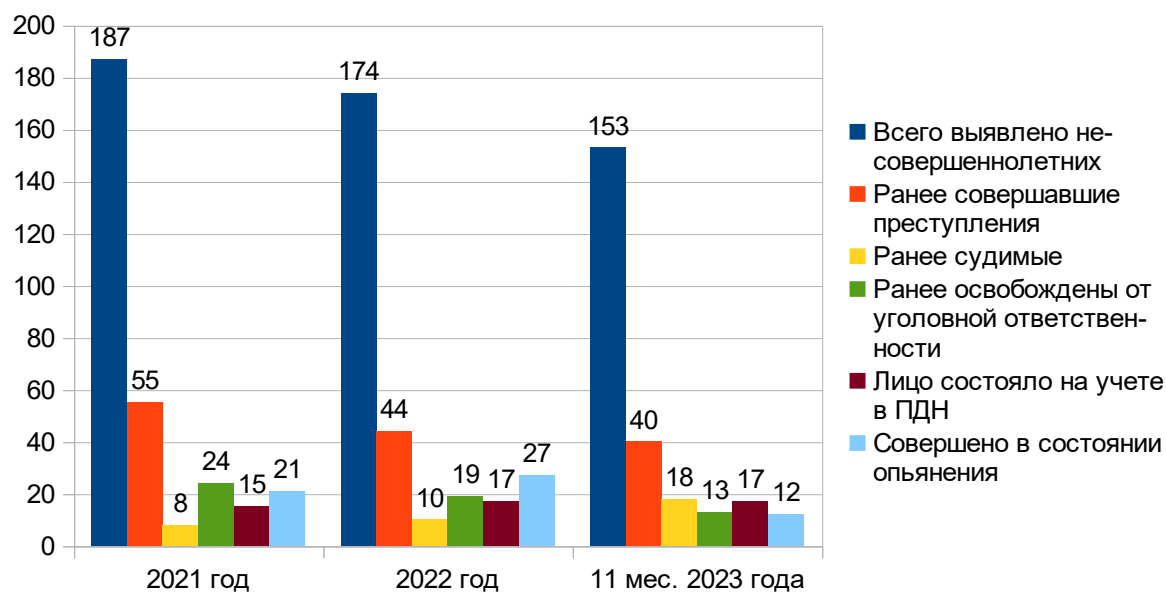


Рис. 4. Сведения о рецидивной преступности несовершеннолетних

Fig. 4. Data on recidivism in juvenile crime

Источник: рассчитано и построено авторами.

Source: calculated and constructed by the authors.

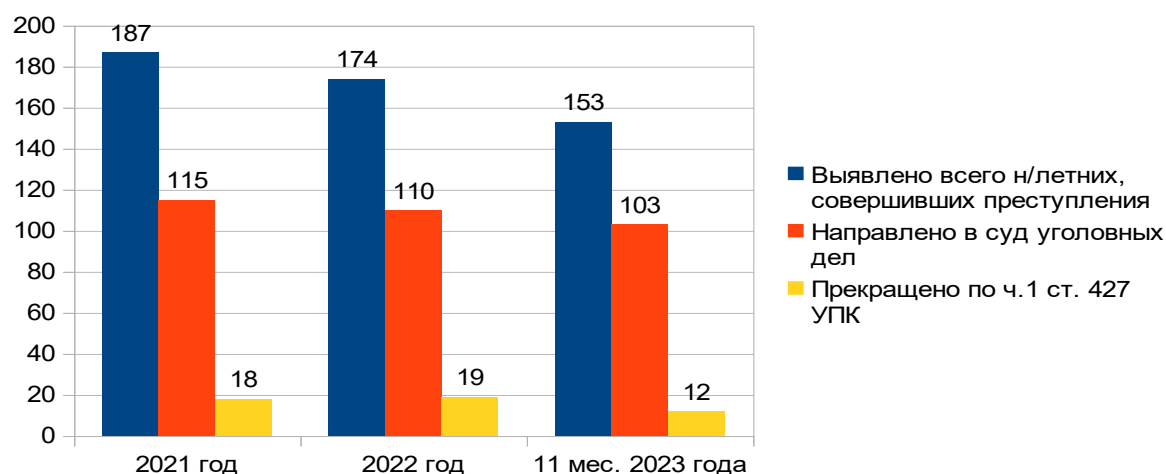


Рис. 5. Сведения по итогам возбуждения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления

Fig. 5. Data on the results of initiating criminal proceedings against juveniles who committed crimes

Источник: рассчитано и построено авторами.

Source: calculated and constructed by the authors.

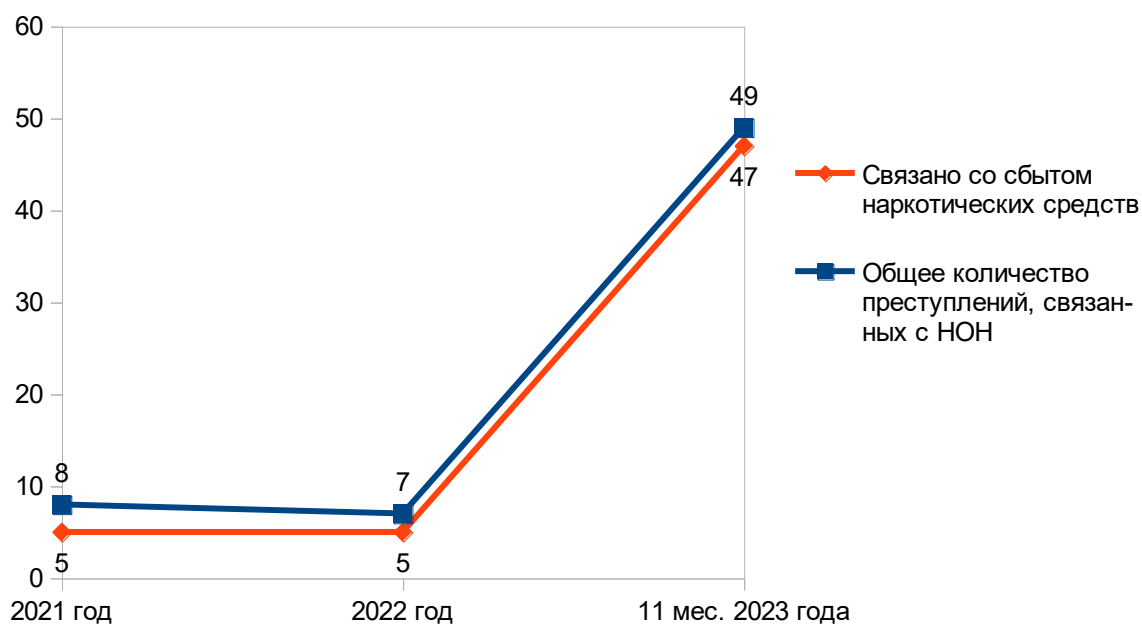


Рис. 6. Динамика совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Fig. 6. Dynamics of crimes related to illegal drug trafficking

Источник: рассчитано и построено авторами.

Source: calculated and constructed by the authors.

В отношении второго типа освобождения, оно может быть применено к несовершеннолетним, совершившим преступления, относящиеся к категории средней тяжести или тяжкого рода, если существует уверенность в возможности их исправления и социальной реабилитации без фактического отбывания наказания. Важно отметить, что для достижения этого исправления необходимы особые условия воспитания и обучения, а также специальный педагогический подход, разработанный квалифицированными специалистами в данной области. В рамках СУВУЗТ несовершеннолетние могут находиться до достижения 18 лет, при этом длительность пребывания не должна превышать трех лет, что подчеркивает важность создания условий, способствующих их развитию.

Рост подростковой преступности наблюдается за счет значительного увеличения количества выявленных посягательств, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Их число составляет пятую часть всех преступных деяний, совершенных несовершеннолетними и более половины от тяжких и особо тяжких (рис. 6).

«Осуществленная законодателем универсализация возможных вариантов психического отношения в преступлениях не является абсолютной. В этом срезе заслуживает отдельного внимания вопрос об особенностях содержания вины несовершеннолетних. Так, согласно опросу специалистов из числа сотрудников органов предварительного следствия и дознания МВД России, 57 % респондентов заявили о необходимости учета в законодательных формулировках умысла и неосторожности социально-психологической специфики несовершеннолетних, 55 % считают, что следует установить специальные правила дифференциации ответственности и наказания несовершеннолетних в зависимости от вины» [7, с. 288].

Стремление к формированию у подростков общегражданских ценностей и базовых правовых знаний получило четкое законодательное закрепление, а реализация данных правовых концепций и декларативных принципов нашла свое практическое применение. Авторы обращают внимание на потребность в более глубоком теоретическом

исследовании вопросов уголовно-правового воспитания среди несовершеннолетних. Поддерживается мнение о том, что на сегодняшний день перед обществом стоит важная задача – активное формирование и развитие у несовершеннолетних осознанного и положительного отношения к уголовному законодательству [8, с. 274].

Важным аспектом, способствующим снижению преступности среди несовершеннолетних, является улучшение условий для их социализации. В последние годы наблюдается рост числа программ, направленных на вовлечение молодежи в активные формы досуга и развитие их навыков. Такие инициативы помогают подросткам найти конструктивные способы самовыражения и снижают вероятность совершения правонарушений. Однако при неблагоприятном развитии ситуации, влиянии негативных факторов (социально-экономических условий, образовательной системы и др.) количество преступлений, совершенных подростками, может остаться на прежнем уровне, что указывает на необходимость продолжения работы по профилактике преступности среди несовершеннолетних⁷.

Между тем следует отметить, что «институт уголовной ответственности несовершеннолетних правонарушителей нуждается в комплексной доработке всех существующих пробелов. Только в этом случае наказание несовершеннолетних будет эффективным и выполнять полноценно свои цели» [9, с. 44].

Создание единой системы криминологического учета позволит более эффективно выявлять и анализировать причины преступности среди несовершеннолетних, а также разрабатывать превентивные меры. Важно учитывать не только индивидуальные характеристики подростков, но и их окружение, включая семью, школу, друзей и социальные группы. Комплексный подход к учету и контролю потребностей несовершеннолетних позволит создать эффективную систему профилактики преступности и

⁷ Доля несовершеннолетних участников преступлений от численности детского населения в возрасте от 14 до 17 лет // Официальный сайт ЕМИСС: Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: 05.09.2024)

поддержки молодежи в условиях современных социальных вызовов [10, с. 6].

Заключение

В результате проведенного анализа состояния преступности среди несовершеннолетних на примере Тамбовской области, вероятно, что к концу 2024 года целесообразно спрогнозировать положительные изменения в данной сфере путем снижения количества общественно опасных деяний, совершенных подростками. Это предположение основано на ряде факторов, включая ужесточение законодательства, активизацию профилактических программ и повышение уровня социальной ответственности как со стороны родителей, так и образовательных учреждений.

Прогнозирование тенденций в развитии преступности как сложного социального явления в рамках отдельно взятого региона требует учета множества факторов. В частности, особое внимание должно уделяться оценке устойчивости существующих трендов преступности. Предполагается, что влияние значимых общественно-политических событий, включая внешние геополитические факторы, социально-экономические реформы и миграционно-демографические изменения, произошедшие в текущем году в Тамбовской области, будет характеризоваться противоречивым воздействием на динамику преступности в 2025 г.

Список источников

1. Давлетшин М.Р. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь, 2024. С. 135-138. <https://elibrary.ru/qqjeam>
2. Османов М.М., Канубриков В.А. Преступность несовершеннолетних: проблемы противодействия // Образование и право. 2022. № 2. С. 316-318. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-316-318>, <https://elibrary.ru/untfbs>
3. Богатская Н.В. Преступность несовершеннолетних // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2024. № 1. С. 541-546. <https://elibrary.ru/nwnjza>
4. Шатый А.С. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Академическая публицистика. 2024. № 4-1. С. 319-322. <https://elibrary.ru/ulgsin>
5. Демидова-Петрова Е.В., Рогова Е.В. Преступность несовершеннолетних в условиях современных вызовов // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 70-74. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.70>, <https://elibrary.ru/isfarf>
6. Зинин Г.Ю. Перспективы усиления рамок уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних // Проблемы уголовной ответственности и наказания: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Рязань, 2024. С. 34-38. <https://elibrary.ru/osghnd>
7. Родин С.Г. Особенности содержания вины несовершеннолетних и ее влияние на дифференциацию уголовной ответственности и наказания // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 288-293. <https://elibrary.ru/shzdzi>
8. Алышев С.С. Текущие тенденции уголовно-правового воспитания в системе мер предупреждения преступности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 272-275. <https://elibrary.ru/sytwkd>
9. Веселкова А.Г. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Архангельск: Изд-во Ин-та управления, 2024. С. 41-45. <https://elibrary.ru/ujcdpj>
10. Сверчков В.В. Модернизация судебной практики применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2024. № 2. С. 2-7. <https://doi.org/10.18572/2072-3695-2024-2-2-7>, <https://elibrary.ru/pgryyf>

References

1. Davletshin M.R. (2024). Peculiarities of criminal liability of juveniles. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi 145-letiyu ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii «Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya»* = Collection of Materials of the

- International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 145th Anniversary of the Penitentiary System of the Russian Federation "The Penitentiary System and Society: Experience of Interaction". Perm, pp. 135-138. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/qqjeam>
2. Osmanov M.M., Kanubrikov V.A. (2022). Juvenile delinquency: problems of counteraction. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, no. 2, pp. 316-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-316-318>, <https://elibrary.ru/untfbs>
 3. Bogatskaya N.V. (2024) Juvenile delinquency. *Intellektual'nye Resursy – Regional'nomu Razvitiyu*, no. 1, pp. 541-546. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nwnjza>
 4. Shatyi A.S. (2024). Peculiarities of juvenile's criminal liability. *Akademicheskaya Publitsistika*, no. 4-1, pp. 319-322. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ulgsin>
 5. Demidova-Petrova E.V., Rogova E.V. (2024). Juvenile delinquency in the context of modern challenges. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, no. 2 (105), pp. 70-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.70>, <https://elibrary.ru/isfarf>
 6. Zinin G.Yu. (2024). Perspectives of strengthening the framework of juvenile's criminal liability. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professorov V.A. Eleonskogo i N.A. Ogurtsova «Problemy ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya» = Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professors V.A. Eleonsky and N.A. Ogurtsov "Problems of Criminal Liability and Punishment"*. Ryazan, pp. 34-38. (In Russ.) <https://elibrary.ru/osghnd>
 7. Rodin S.G. (2023). Features of minors' guilty and its impact on the differentiation of criminal responsibility and punishments. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 1, pp. 288-293. (In Russ.) <https://elibrary.ru/shzdzi>
 8. Alyshev S.S. (2022). Current trends in criminal law education in the system of measures to prevent juvenile delinquency. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, no. 5 (168), pp. 272-275. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sytwkd>
 9. Veselkova A.G. (2024). Peculiarities of juvenile's criminal liability. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Razvitie sovremennoi nauki i obrazovaniya: innovatsii v prepodavanii, obuchenii, nauchnykh issledovaniyakh» = Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference "Development of Contemporary Science and Education: Innovations in Teaching, Learning, and Research"*. Arkhangelsk, Institute of Management Publ., pp. 41-45. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ujcdpj>
 10. Sverchkov V.V. (2024). Modernization of judicial practice of the application of laws regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors. *Voprosy yuvenal'noi yustitsii = Issues of Juvenile Justice*, no. 2, pp. 2-7. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2072-3695-2024-2-2-7>, <https://elibrary.ru/pgryyf>

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 20.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.15

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-587-597>

Шифр научной специальности 5.1.1

**Традиционные ценности, семья и общество
в фокусе историко-правовой науки:
обзор III Всероссийского форума историков права**

© ЗАЛОИЛО Максим Викторович,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>, Researcher ID: S-4168-2018, z-lo@mail.ru

Аннотация

Представлен обзор ежегодного мероприятия, проводимого под эгидой Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права» – III Всероссийского форума историков права, прошедшего 4–5 октября 2024 г. на площадке Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова. Изложены основные события Форума: презентация «Историко-правового ежегодника – 2023», конкурс на лучшую работу по историко-правовой тематике, награждение грамотами Ассоциации историков права, обсуждение актуальных проблем аксиологического поворота историко-правовой науки. Подведены итоги состоявшейся дискуссии по вопросам, связанным с современным пониманием традиционных ценностей, ролью историко-правовой науки в их сохранении и защите, аксиологическим наполнением курса истории государства и права, значением семьи в обществе, ролью права в сохранении исторической памяти. Сделан вывод о положительном характере активизации историко-правовых исследований, отвечающей целям и задачам государственной политики в области исторического просвещения, обозначенным в Указе Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Заявлено о необходимости дальнейшей консолидации профессионального сообщества и специалистов, равнодушных к отечественной и всеобщей истории и историософии государства и права, истории учений о праве и государстве.

Ключевые слова

историко-правовая наука, история государства и права, история учений о праве и государстве, историософия государства и права, историческая память, историческое просвещение, традиционные ценности, семейные ценности, Ассоциация историков права, Форум историков права

Для цитирования

Залойло М.В. Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки: обзор III Всероссийского форума историков права // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 587-597. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-587-597>

Traditional values, family and society in focus of Historical and Legal science: review of the 3rd All-Russian Forum of Legal Historians

© **Maksim V. ZALOILO,**

Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>, Researcher ID: S-4168-2018, z-lo@mail.ru

Abstract

The review of the annual event held under the auspices of the All-Russian Public Organization “Association of Legal Historians” – the 3rd Forum of Legal Historians, held on October 4–5, 2024 at the site of the Moscow Metropolitan Governance Yuri Luzhkov University is presented. The main events of the Forum are outlined: the presentation of the “Historical and Legal Yearbook – 2023”, the best work on historical and legal topics contest, awarding diplomas to the Association of Legal Historians, discussion of relevant issues of the axiological turn of historical and legal science. The discussion on the matter of the modern understanding of traditional values, the role of historical and legal science in their preservation and protection, the axiological content of the course of the history of the state and law, the importance of the family in society, the role of law in preserving historical memory is summed up. The conclusion is made about the positive nature of historical and legal research activation, which meets the goals and objectives of the state policy in the historical education field, outlined in the Decree of the President of the Russian Federation No. 314 dated May 8, 2024 “On Approval of the Fundamentals of the Russian Federation State Policy in the field of historical education”. It is stated that it is necessary to further consolidate the professional community and specialists who are not indifferent to the national and universal history and historiography of state and law, the history of the teachings of law and the state.

Keywords

historical and legal science, history of state and law, history of doctrines of law and state, historiography of state and law, historical memory, historical education, traditional values, family values, Association of Legal Historians, Forum of Legal Historians

For citation

Zaloilo, M.V. (2024). Traditional values, family and society in focus of Historical and Legal science: review of the 3rd All-Russian Forum of Legal Historians. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 587-597. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-587-597>

4–5 октября 2024 года в Московском городском университете управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова (далее – Университет Правительства Москвы) состоялся **III Всероссийский форум историков права «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки»** (далее – Форум). Организаторами Форума выступили Общероссийская общественная организация «Ассоциация историков права» (далее – Ассоциация историков права, Ассоциация) и Университет Правительства Москвы при поддержке журнала «Российская юстиция».

Ключевыми темами Форума стали:

«Традиционные ценности в историко-правовой ретроспективе»,

«Роль историко-правовой науки в защите традиционных ценностей и сохранении исторической памяти»,

«Аксиологическое содержание историко-правового знания»,

«Семья как традиционная ценность: от прошлого к будущему»,

«Значение права и исторического просвещения для укрепления семьи и реализации демографической политики».

Ассоциация историков права, которая была создана в 2022 г., призвана консолидировать экспертное и научное сообщество для

разработки актуальных научных тем на основе классической и новой методологии. За короткое время, прошедшее со дня ее образования, были достигнуты значительные успехи в объединении на ее площадке ведущих ученых – историков права, представителей теории права, отраслевых юридических наук, специалистов в иных областях научного знания, что позволило выйти на новый, более высокий, уровень разработки научного понимания прошлого, настоящего и будущего отечественного права и государства с опорой на традиционные российские духовно-нравственные, культурно-исторические, правовые ценности.

III Форум историков права, обзору которого посвящена настоящая статья, был приурочен к Году семьи в Российской Федерации и объединил усилия более 150 ученых, государственных деятелей, практикующих юристов, представляющих разные регионы страны, в исследовании аксиологической основы историко-правовой науки и исторической ретроспективы формирования, сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей.

За время, прошедшее с момента создания Ассоциации историков права, ею на разных площадках был проведен ряд научных мероприятий, приуроченных к знаменательным, юбилейным и мемориальным датам истории России, направленных на повышение интереса в обществе к историко-правовой проблематике [1–5]. Итоги проведенных к настоящему дню фундаментальных научных изысканий на почве историко-правовой и смежной проблематики были представлены в специализированном издании Ассоциации историков права – *Историко-правовом ежегоднике*, презентацию которого на Форуме провели председатель Президиума Ассоциации историков права, профессор кафедры юриспруденции Университета Правительства Москвы, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ **Д.А. Пашенцев** и главный ученый секретарь Ассоциации историков права, ведущий научный сотрудник Института зако-

нодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук **М.В. Zaloilo**.

Представляя Историко-правовой ежегодник, который к настоящему времени выдержал два издания [6; 7], выступающие подчеркнули его направленность на осмысление историко-правовых явлений и процессов, сохранение исторической памяти и правового наследия, создание концептуального фундамента защиты исторической правды, развитие, распространение и популяризацию историко-правового знания. Сегодня, по прошествии времени, с учетом задействования потенциала новейших технологий [8], появилась возможность более полно исследовать факторы и обстоятельства, связанные с событиями прошлого, объективно и беспристрастно давать взвешенные оценки нашей исторической действительности и тем самым извлекать исторические уроки, что отвечает целям и задачам государственной политики в области исторического просвещения, обозначенным в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». В связи с этим в Историко-правовом ежегоднике публикуются интересные результаты научных изысканий авторитетных российских и зарубежных ученых по фундаментальным и приоритетным направлениям развития историко-правовой науки, а также рецензии и научные обзоры, отражающие современные тенденции доктринального поиска и состояние дискуссии в контексте дисциплинарного и междисциплинарного рассмотрения историко-правовой действительности с учетом богатейшего наследия архивных материалов, новейшей источниковой и фактической базы, творческого осмысления проблематики историко-правового прошлого, формирования научного понимания настоящего и будущего государства и права России.

Настоящей жемчужиной Историко-правового ежегодника – 2023 стала впервые увидевшая свет на страницах юридико-исторической печати рукопись основателя отечественной историко-правовой науки Серафима Владимировича Юшкова [9–15] «Законы хана Тауке (Жеты- Жаргы)» [16], написанная им в

период эвакуации в Алма-Ату в тяжелые годы Великой Отечественной войны, обнаруженная впоследствии в ходе изучения личного фонда ученого в Центральном архиве Академии наук Республики Казахстан и подготовленная к печати членами президиума Ассоциации историков права – Д.А. Пашенцевым, М.В. Залоило, А.А. Дорской.

Большой интерес среди научной общественности вызвал проводимый Ассоциацией **Конкурс на лучшую работу по историко-правовой тематике**, впервые учрежденный в таком формате в 2024 году (далее – Конкурс). Его результаты были подведены в рамках Форума на пленарном заседании. Лауреатами Конкурса на лучшую монографию стали **К.П. Краковский**, награжденный дипломом I степени за работу *«История государственной службы России периода империи. XVIII – начало XX в.: монография: в 2 кн. М.: Изд-во «Дело», 2023»*; **К.А. Ситников**, получивший диплом II степени за работу *«Уездная полицейская стража Российской империи в 1903–1917 гг. (на примере Воронежской губернии): монография. М.: Проспект, 2024»*; **В.А. Скорев**, которому был вручен диплом III степени за рукопись *«Омск судебный. Омская судебная палата (историко-правовое исследование – часть первая). Омск: Объединенная пресс-служба судебной системы Омской области. Музей истории судебной системы Омской области, 2024»*. Кроме того, впервые в конкурсе стали участвовать учебные и учебно-методические пособия, что было предусмотрено положением о проведении конкурса. Лучшим пособием, представленным на рассмотрение конкурсной комиссии, было признана работа **С.В. Лонской** (*«Практическая методика обучения в условиях цифровой трансформации: история права в высшей школе: учебно-методическое пособие. М., 2024»*). Диплом гран-при Конкурса получил коллектив авторов издания *«Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2024»*: **Д.А. Пашенцев**, **М.В. Залоило**, **А.А. Дорская**.

Другим знаковым событием Форума стало награждение грамотами и благодарностями Ассоциации историков права. За активное участие в научных мероприя-

тиях Ассоциации и большой личный вклад в развитие историко-правового знания почетные грамоты были вручены **А.М. Борисову**, **Н.Е. Борисовой**, **А.А. Дорской**, **М.В. Залоило**, **Т.Н. Ильиной**, **И.А. Исaeву**, **М.А. Кожевиной**, **И.В. Минникес**, **В.Н. Синюкову**, **Т.Ф. Ящук**. Благодарности за активное содействие в организации мероприятий Ассоциации и поддержку научного диалога в области историко-правового просвещения были объявлены **А.А. Александрову**, **Ю.Г. Бабаевой**, **Л.В. Бойченко**, **А.В. Лапаевой**, **О.С. Рыбаковой**, **В.Ю. Фивейскому**.

Пленарное заседание Форума, состоявшееся 4 октября 2024 г., открыли **приветствия** проректора по высшему образованию и молодежной политике Университета Правительства Москвы, члена Ассоциации историков права, председателя оргкомитета Форума, кандидата исторических наук, доцента **А.А. Александрова**, председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, кандидата юридических наук **С.В. Кабышева**, председателя Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства **Н.А. Останиной**, первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства **Т.В. Буцкой**, проректора по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ **В.Н. Синюкова**, ректора Российского государственного университета народного хозяйства им. В.И. Вернадского, доктора педагогических наук, доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника образования Московской области, почетного работника высшего профессионального образования РФ, почетного работника науки и высоких технологий РФ **Е.А. Певцовой**, и.о. ректора Тверского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента **С.Н. Смирнова**.

Т.В. Буцкая вручила награды Государственной Думы членам Ассоциации историков права: **Д.А. Пашенцеву**, **А.А. Дорской**, **М.В. Залоило**, **О.С. Рыбаковой**, **Т.Ф. Ящук** – за активную просветительскую деятельность по популяризации и укреплению традицион-

ных духовно-нравственных и семейных ценностей.

Научная часть пленарного заседания началась с доклада *Д.А. Пащенко*, рассказавшего о роли права и историко-правовой науки в укреплении семьи и сохранении традиционных ценностей. Вниманию присутствующих была представлена статистика количества браков, разводов, рождаемости и детской смертности во времена существования Российской империи. Констатируя важность затрагиваемых на Форуме проблем для эффективной реализации отечественной демографической политики, выступающий указал на то, что хотя правовой опыт прошлого не может быть в полной мере применим в современных условиях, тем не менее он нуждается в тщательном изучении.

Заместитель директора Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заместитель председателя Президиума Ассоциации историков права, доктор юридических наук, профессор *А.А. Дорская* осветила тему кризиса регулирования семейных отношений в европейских странах во второй половине XIX – начале XX века, рассказав об опыте его преодоления на международном и национальном уровнях. Выступающая подчеркнула особую значимость международных стандартов, выраженных в единообразных нормах международных договоров европейских государств, для разрешения коллизий и противоречий правового регулирования семейных отношений.

Заведующий кафедрой Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *И.А. Исаев* в своем выступлении провел ретроспективный анализ традиций и заимствований, используемых в отечественном праве.

В докладе главного научного сотрудника Байкальского государственного университета, доктора юридических наук, профессора *И.В. Минникес*, посвященном теме «Символы государства и национальные традиции», было указано на отсутствие необходимого смыслового наполнения описания символов отдельных субъектов Российской Федерации, которое должно быть учитывать как исторически сложившийся уклад населяющих их

народов, так и природно-географические особенности конкретных регионов.

Профессор Омской академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ *М.А. Кожеева* обратилась к истокам семейного права, проанализировав взгляды на супружество профессора С.Е. Десницкого, получающие развитие в наши дни в доктрине и законодательства, и обозначив важность исторического, метафизического и политического методов исследования затрагиваемых в рамках Форума проблем семейных отношений и их правового регулирования.

Профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор *В.Б. Романовская* в своем докладе затронула проблему девальвации традиционных смыслов и терминов (семья, брак, мужчина, женщина), происходящую в эпоху постмодерна, подчеркнув необходимость возрождения религиозных семейных традиций, поддерживающих традиционные гендерные роли, многодетность, почитание старших и пр.

Предпосылки создания Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. стали предметом выступления профессора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктора юридических наук *Т.Ф. Яцук*, отметившей новаторские положения этого документа и его ключевую роль в выделении семейного права в качестве самостоятельной отрасли права.

Доклад профессора Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, доктора исторических наук, доцента *А.В. Скопобогатова* был посвящен мемориальному законодательству как совокупности нормативных правовых актов, регулирующих вопросы сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации исторической памяти. Выступающий заключил, что аксиосферу такого законодательства составляют не только эксплицированные в нем духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, но и сами нормативные правовые акты, посвященные вопросам памяти, рассматриваемые как социальная ценность.

Понятие и механизмы формирования судебной традиции определила в своем выступлении

плении доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта **С.В. Лонская**, по мнению которой наиболее правильным будет рассматривать предложенную категорию с методологических позиций постклассической науки – как коммуникативный правовой феномен.

Справедливость как (квази) традиционная ценность в доктрине незападных правовых систем была рассмотрена доцентом МГИМО МИД России, доктором юридических наук **Д.Ю. Полдниковым**. В докладе на примере юрисдикций стран-учредительниц БРИКС (Бразилии, Китайской Народной Республики, Индии, России и Южно-Африканской Республики) было показано, что традиция служит не предметом слепого копирования, но источником обновления концепции справедливости. Речь может идти об отождествлении традиционных и современных (прогрессивных) ценностей или об идеализации прошлого для легитимации настоящего.

Ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор исторических наук, доктор политических наук, доцент **П.Н. Дудин** обратился в своем выступлении к вопросам сравнительного анализа понимания и правового оформления традиционных ценностей в источниках права народов Восточной Азии первой трети XX века. Проследив исторические предпосылки разработки и содержательных характеристик Свода основных законов Монгольского государства (Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг), докладчик сделал вывод о следовании монголов ханьско-маньчжурской традиции в части определения государственных и правовых институтов и нормативного закрепления ценностных установок.

О правовых мифах и их роли в формировании исторического сознания сообщила участница Форума доцент Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук **Н.Ф. Медушевская**. По словам выступающей, историческое сознание формируется через взаимодействие с прошлым страны, анализ событий, влияющих на сохранение общей памяти, и зависит от государственной идеологии. В качестве примера была приведена отечественная мифология «Мать-Сыра-Земля», которая символизирует связь с родной землей, пронизываю-

щую национальную идеологию. Для достижения гармонии между властью и обществом было предложено развивать национально-государственную идеологию, базирующуюся на легитимации власти, ответственности и доверии. Актуальный для общества миф должен отражать реальность и укореняться в ментальности благодаря своей образности.

М.В. Залоило в своем докладе предложил новое методологическое направление правовой меметики, имеющей перспективы в исследовании эволюции права, и обозначил основные аспекты формирования, развития и сохранения правокультурной матрицы посредством воспроизводства правовых мемов (исследование выполнено за счет гранта РФН № 23-28-01773).

Большой интерес и оживленную дискуссию вызвали доклады и других участников пленарного заседания: **А.А. Александрова** («Справедливость как традиционная духовно-нравственная ценность и критерий правосудия в концепции М.М. Сперанского (на примере наследственных споров 1820–1830-х годов)»), профессора Московского городского педагогического университета, доктора юридических наук **Н.Е. Борисовой** («Конституционное развитие правового статуса семьи»), профессора Саратовской государственной юридической академии, доктора юридических наук **С.В. Ворошиловой** («Понятие «семья» в юридической мысли России»), ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН, профессора Международного юридического института, доктора юридических наук, профессора **С.А. Глотова** («Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы реализации Указа Президента РФ № 809»), профессора МГИМО МИД России, доктора юридических наук **В.В. Денисенко** («Легитимация правовых ценностей: историко-правовая ретроспектива»), доцента Института государственной службы и управления РАНХиГС, доктора юридических наук **К.П. Краковско-го** («Является ли деятельность русского суда традиционной ценностью?»), профессора Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктора юридических наук, заслуженного работника высшей школы РФ **Н.В. Михайловой** («Правовое регулирование семейных отношений – важнейший инстру-

мент сохранения традиционных российских ценностей: историко-правовой аспект»).

Не менее интересной стала культурная программа Форума, в рамках которой состоялась **творческая встреча** его участников с актерами и работниками Малого театра, посвященная теме «**Семья и дом как традиционные российские ценности в спектаклях Малого театра**». На встрече обсуждались вопросы нравственного воспитания в семье, формирования культурно-просветительской среды, воспитания подрастающего поколения. Участникам были представлены отрывки из спектаклей Малого театра, где внимание зрителей акцентируется на внутрисемейных отношениях, — «Васса Железнова — первый вариант», «Филумена Мартурано», «Рождество в доме Купьелло», «Дальше — тишина».

5 октября 2024 г., во второй день Форума, прошли два **секционных заседания**. Первое из них, модераторами которого стали **Д.А. Пашенцев**, заместитель заведующего кафедрой Университета Правительства Москвы, кандидат юридических наук, доцент **Ю.Г. Бабаева** и **М.В. Zaloilo**, было посвящено **проблемам традиционных ценностей и развития общества в историко-правовой ретроспективе**.

Первый докладчик — доцент Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук **А.В. Александрова** — рассмотрела отражение в пенсионном законодательстве различных эпох России и отдельных зарубежных стран (Франции, Великобритании, некоторых государств Востока) ряда тех традиционных ценностей, что упомянуты в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (служение Отечеству, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений).

Доцент Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук **Е.Ю. Баракина** обратилась в своем выступлении к вопросу об использовании инновационных инструментов (искусственный интеллект, VR-технологии и др.) в современном историко-правовом просвещении. Не-

смотря на очевидную привлекательность их применения, выражающуюся в том числе в повышении мотивации и вовлеченности, выступающая обратила внимание присутствующих на отсутствие четкого понимания об отложенных результатах внедрения таких инструментов, организационные и технические барьеры, а также риски их использования.

Об отдельных исторических аспектах правового регулирования оборота алкогольной продукции рассказал заведующий кафедрой Покровского филиала Московского педагогического государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Д.А. Бalandин**.

Историко-правовой взгляд на воспитание в контексте традиционных ценностей обратила **Н.С. Волкова**, заместитель заведующего отделом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук.

Доклад ведущего научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидата юридических наук **Н.В. Власовой** был посвящен теме «Традиционные ценности в механизме трансляции правовых мемов: историко-правовой аспект» (исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-28-01773).

На примере приговора Нюрнбергского международного трибунала доцент Иркутского юридического института Университета прокуратуры РФ, кандидат юридических наук **В.М. Деревскова** проанализировала проблемы формирования и развития правового регулирования в области защиты исторической правды и противодействия фальсификации истории.

Заведующая отделом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук **Н.В. Путило** выступила с докладом на тему «Семейная политика социального государства: у истоков правовой доктрины».

Историко-правовой аспект формирования традиционных ценностей через призму традиционного природопользования осветила **Ю.И. Шуплецова**, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук.

Свои доклады на секционном заседании представили аспиранты Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ **Д.А. Беляев** («Московский купеческий банк: историко-правовые аспекты развития и роль в становлении третьего технологического уклада в России»), **П.А. Иллюк** («Традиционные ценности стран Юго-Восточной Азии в историко-правовой ретроспективе») и **Л.Г. Хен** («Роль советской юридической науки в укреплении взаимодействия государства и общества»).

Центральной темой второго **секционного заседания**, модераторами которого выступили **А.А. Дорская**, доцент Университета Правительства Москвы, кандидат юридических наук **В.Б. Израелян** и доцент Московского городского педагогического университета, доктор педагогических наук **Н.М. Ладнушкина**, стали **семья и семейные ценности в фокусе историко-правовой науки**.

Заместитель заведующего кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент **М.Г. Абрамова** на материалах творчества Александры Михайловны Коллонтай рассмотрела проблематику семьи в лабиринте ценности равноправия, подчеркнув, что выдвинутый А.М. Коллонтай концепт истинного равноправия полно отвечает на гендерные вызовы современного общества и может стать основой выработки новых подходов к решению женского вопроса в XXI веке.

Историко-правовой аспект определения правового положения незаконнорожденных детей в российском праве был затронут в выступлении доцента Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктора юридических наук **В.Г. Балковой**, которая подчеркнула необходимость научного изучения и анализа всех сторон жизни российской традиционной семьи с целью культивирования в современной семье всего лучшего, что сформировалось в этой сфере в ходе тысячелетней истории (нравственная основа семейной жизни — любовь, верность, поддержка и взаимопомощь всех членов семьи, уважение к старшим, стабильность брачного сожителства), и одновременно недопущения укоренения «язв», существовавших в семейной истории на про-

тяжении веков (полное бесправие женщины, эксплуатация детского труда, устойчивые традиции семейного насилия).

Профессор Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Борисов** обратился в своем докладе к проблеме качества жизни детей как ресурсной социальной базы развития страны, проследив путь от учения о нравственности П.А. Кропоткина к государственной политике СССР по воспитанию советского юношества.

Компаративистский взгляд на конституционно-правовую защиту института семьи представила доцент Университета Правительства Москвы, кандидат юридических наук **Ю.В. Гаврилова**.

Эволюция семейных ценностей при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу стала предметом выступления старшего преподавателя Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидата исторических наук **А.Г. Гордеева**, раскрывшего влияние социальных институтов, которые постепенно берут на себя многие функции семьи, такие как воспитание и экономическая поддержка, проанализировавшего основные тезисы дискуссии между фамилистами и модернистами.

Ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук **О.Ю. Еремина** осветила историко-правовой аспект взаимообусловленности традиционных семейных ценностей и демографической политики в России.

Профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент **Е.В. Калинин** посвятила свой доклад теме «Семья как ценностный архетип традиционных религиозно-правовых систем и ключевой элемент механизма противодействия инверсии нравственных ориентиров общества». Выступающая проанализировала возможности и уязвимости религиозно-правовой системы и семьи как ее эффективного инструмента, которые необходимо учитывать в государственной стратегии противодействия разлагающим трендам (например, западнизации) и инструментам социальной инженерии, на-

правленным на умаление социальной солидарности.

Эволюция, факторы и тенденции государственной политики в отношении семьи в России были проанализированы в докладе заведующего кафедрой Иркутского национального исследовательского технического университета, кандидата исторических наук, доцента **И.В. Курьшиовой**.

Об истории взаимоотношений семьи и школы поведала присутствующим **Н.М. Ладнушкина**.

Роль государства в поддержке, укреплении и защите семьи как фундаментальной основы российского общества была обозначена в докладе доцента Московского государственного юридического университета

им. О.Е. Кутафина, кандидата юридических наук **В.А. Мун**, представившей основные характеристики современной государственной семейной политики Российской Федерации, направленной на преодоление кризиса, испытываемого в наши дни институтом семьи.

Доцент Покровского филиала Московского педагогического государственного университета, кандидат исторических наук **С.В. Пашенцева** обозначила исторические аспекты, основные проблемы и перспективы преподавания курса семействедения в России.

По итогам форума была принята резолюция, в которой участники мероприятия наметили перспективы и актуальные направления современных историко-правовых исследований.

Список источников

1. *Борисов А.М., Уфимцева В.А.* История государства и права: традиции и новации (обзор Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 3. С. 130–143. <https://elibrary.ru/iqqwfw>
2. *Борисов А.М.* Семья, родительство и детство – общественные и государственные ценности (обзор Третьего Всероссийского Форума историков права, Москва, 4–5 октября 2024 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 3. С. 126–140. <https://elibrary.ru/oegfjz>
3. *Борисова Н.Е.* Историко-правовая наука перед лицом новых вызовов (обзор Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 3 (47). С. 127–131. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.47.3.12>, <https://elibrary.ru/gewvcy>
4. *Ситдикова Л.Б.* История государства и права в условиях современных глобальных трансформаций (обзор Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) // История государства и права. 2022. № 9. С. 77–80. <https://elibrary.ru/hfqplf>
5. *Борисова Н.Е., Корчагина Т.В.* История государства и права в условиях перехода к новой научной методологии (обзор II Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 138–145. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.12>, <https://elibrary.ru/jpyrth>
6. Историко-правовой ежегодник – 2022 / гл. ред. Д.А. Пашенцев. М.: Инфотропик Медиа, 2023. 308 с. <https://elibrary.ru/thtamn>
7. Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Zaloilo. М.: Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. 404 с. <https://elibrary.ru/oryfnt>
8. *Лонская С.В.* Цифровая история права: начала методологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 14–33. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>, <https://elibrary.ru/cfnahc>
9. Летопись российской юридической науки: в 5 т. Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (теория права, история права, сравнительное правоведение, международное право) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Изд. Дом «Юриспруденция», 2023. Т. 3. 304 с. <https://elibrary.ru/ztmbbm>
10. *Дорская А.А.* Серафим Владимирович Юшков и дореволюционные традиции историко-правовой науки // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 30–43. <https://doi.org/10.61205/S160565900031223-9>, <https://elibrary.ru/hplmgl>
11. *Залоило М.В.* Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова: IV Международный историко-правовой конгресс // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 52–71. <https://doi.org/10.61205/S160565900031630-7>, <https://elibrary.ru/nbtjgw>
12. *Залоило М.В., Пашенцев Д.А.* Дискуссия 1950 г. о «Русской правде» С.В. Юшкова (к 135-летию со дня рождения ученого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 4 (126). <https://doi.org/10.18254/S207987840024815-5>, <https://elibrary.ru/adwpjy>

13. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Вклад Серафима Владимировича Юшкова в историко-правовую науку в оценках его современников // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 4. С. 210-220. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-4-12>, <https://elibrary.ru/jbanbu>
14. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Профессор Серафим Владимирович Юшков – основоположник науки истории государства и права // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 8. С. 150-163. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.098>, <https://elibrary.ru/jxzojd>
15. Яцук Т.Ф. Роль С.В. Юшкова в институционализации историко-правовой науки // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 15-29. <https://doi.org/10.61205/S160565900031225-1>, <https://elibrary.ru/wntbxm>
16. Юшков С.В. Законы хана Тауке (Жеты-Жаргы) // Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. С. 366-378.

References

1. Borisov A.M., Ufimtseva V.A. (2022). History of state and law: traditions and innovations (review of All-Russian Forum of legal historians, St. Petersburg, June, 10–11, 2022). *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no. 3, pp. 130-143. (In Russ.) <https://elibrary.ru/iqqwfw>
2. Borisov A.M. (2024). Family, parenthood, childhood are social and state values (review of the Third All-Russian Forum of legal historians, Moscow, October 4–5, 2024). *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs = Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*, no. 3, pp. 126-140. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oegfjz>
3. Borisova N.E. (2022). Historical and legal science in the face of new challenges (Review of the All-Russian Forum of legal historians, St. Petersburg, June 10–11, 2022). *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 3 (47), pp. 127-131. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.47.3.12>, <https://elibrary.ru/gewvcy>
4. Sitdikova L.B. (2022). History of state and law in conditions of modern global transformations (a review of the All-Russian Forum of legal historians, Saint Petersburg, June 10 to 11, 2022). *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, no. 9, pp. 77-80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hfqplf>
5. Borisova N.E., Korchagina T.V. (2023). The history of state and law in the transition to a new scientific methodology (review of the II All-Russian Forum of legal historians. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = MCU Journal of Legal Sciences*, no. 3 (51), pp. 138-145. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.51.3.12>, <https://elibrary.ru/jpyrth>
6. Pashentsev D.A. (ed.-in-chief). (2023). *Historical and Legal Yearbook – 2022*. Moscow, Infotropic Media Publ., 308 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/thtamn>
7. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. (gen. eds.). (2023). *Historical and Legal Yearbook – 2023*. Moscow, Association of Legal Historians, Infotropic Media Publ., 404 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oryfnt>
8. Lonskaya S.V. (2024). Digital history of law: principles of methodology. *Journal of Digital Technologies and Law*, vol. 2, no. 1, pp. 14-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.2>, <https://elibrary.ru/cfnahe>
9. Khabrieva T.Ya. (executive ed.). (2023). *The Chronicle of Russian Legal Science: in 5 vols. Scientific Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law (Theory of Law, History of Law, Comparative Law, International Law)*. Moscow, Publishing House “Yurisprudentsiya”, vol. 3, 304 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ztblm>
10. Dorskaya A.A. (2024). Serafim V. Yushkov and the pre-revolutionary traditions of historical and legal science. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 28, no. 9, pp. 30-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900031223-9>, <https://elibrary.ru/hplmgl>
11. Zaloilo M.V. (2024). Scientific heritage of Serafim V. Yushkov: IV international historical and legal congress. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 28, no. 9, pp. 52-71. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900031630-7>, <https://elibrary.ru/nbtjgw>
12. Zaloilo M.V., Pashentsev D.A. (2023). The 1950 discussion about the “Russkaya pravda” by S.V. Yushkov (to the 135th anniversary of the scientist’s birth). *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal «Istoriya» = The Journal of Education and Science “Istoriya”*, vol. 14, no. 4 (126). (In Russ.) <https://doi.org/10.18254/S207987840024815-5>, <https://elibrary.ru/adwpjy>
13. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. (2023). S.V. Yushkov’s contribution to the historical and legal science in the assessment of his contemporaries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 4, pp. 210-220. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-4-12>, <https://elibrary.ru/jbanbu>

14. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. (2023). Professor Serafim V. Yushkov as the founder of the science of the history of state and law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 27, no. 8, pp. 150-163. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.098>, <https://elibrary.ru/jxzojd>
15. Yashchuk T.F. (2024). The role of S.V. Yushkov in the institutionalization of historical and legal science. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 28, no. 9, pp. 15-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/S160565900031225-1>, <https://elibrary.ru/wntbxm>
16. Yushkov S.V. (2024). Laws of Tauke Khan (Zhety-Zhargy). *Historical and Legal Yearbook – 2023*. Moscow, Association of Legal Historians, Infotropic Media Publ., pp. 366-378. (In Russ.)

Автор демонстрирует отсутствие конфликта интересов. / Author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 08.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.15

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-598-608>

Шифр научной специальности 5.1.1

**Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений:
обзор II Всероссийской научно-практической конференции,
приуроченной к 30-летию Института права и национальной
безопасности ТГУ им. Г.Р. Державина**

© ЛАПАЕВА Ангелина Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>, anlapaeva@gmail.com

© МОИСЕЕВА Ольга Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», Российская Федерация, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, <https://orcid.org/0000-0002-6126-7812>, moiseewaolga@yandex.ru

Аннотация

Представлен обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений», приуроченной к 30-летию Института права и национальной безопасности, прошедшей 22–23 ноября 2024 г. на площадке Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Проанализированы основные направления работы конференции: в рамках пленарного заседания состоялось обсуждение актуальных проблем генезиса и современного состояния юридического образования, актуальных векторов его развития, круглый стол на тему «Наследие поколений или первопроходцы юридического образования на Тамбовщине», в рамках которого обозначены основные вехи становления юридического образования в регионе, открытая лекция на тему «Характеристика современной уголовной (уголовно-правовой) политики России», направленная, в том числе, на обмен педагогическим опытом и мастерством. Подведены итоги состоявшейся дискуссии по вопросам, связанным с современным состоянием юридического образования, генезисом его формирования, особенностями организации учебного процесса по отдельным направлениям подготовки. В результате научно-исследовательской деятельности пришли к выводу о том, что стимуляция историко-правовых исследований в области юридической науки и юридического образования позволяют определить эффективный вектор его дальнейшего развития. В рамках дискуссии пришли к заключению, что консолидация профессионального педагогического сообщества, правоприменителей, представителей государственных органов и структур является тем важным ресурсом, способным вывести и юридическую науку, и юридическое образование на качественно новый виток развития.

Ключевые слова

профессия юриста, формирование современного юриста, наследие поколений, история юридической науки, история юридического образования, юридическое образование на Тамбовщине, образ современного юриста

Для цитирования

Лапаева А.В., Моисеева О.В. Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений: обзор II Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Института права и национальной безопасности ТГУ им. Г.Р. Державина // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4. С. 598-608. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-598-608>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-598-608>

**Formation and development of the legal profession: legacy of generations:
review of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference
dedicated to the 30th anniversary of Law and National Security Institute
of Derzhavin Tambov State University**

© Angelina V. LAPAEVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9430-5344>, anlapaeva@gmail.com

© Olga V. MOISEEVA,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law Department of Law and National Security Institute, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6126-7812>, moiseewaolga@yandex.ru

Abstract

We present an overview of the 2nd All-Russian scientific and practical conference “Formation and development of the legal profession: the legacy of generations”, dedicated to the 30th anniversary of the Law and National Security Institute, held on November 22–23, 2024 at the site of Derzhavin Tambov State University. The main venues of the conference are analyzed: within the framework of the plenary session, a discussion of topical issues of the genesis and current state of legal education, current directions of its development, a round table on the topic “Legacy of generations or pioneers of legal education in the Tambov region” was held, within which the main milestones of the formation of legal education in the region were outlined, an open lecture on the topic “Characteristics of modern criminal (criminal law) policy of Russia”, aimed, inter alia, at the exchange of pedagogical experience and skills. The results of the discussion on issues related to the current state of legal education, the genesis of its formation, and the peculiarities of the organization of the educational process in certain areas of training are summarized. As a result of research activities, it is concluded that the stimulation of historical and legal research in the field of legal science and legal education makes it possible to determine the effective vector of its further development. During the discussion, it is concluded that the consolidation of the professional pedagogical community, law enforcement officers, representatives of government agencies and structures is an important resource capable of bringing both legal science and legal education to a qualitatively new stage of development.

Keywords

legal profession, modern lawyer formation, legacy of generations, legal science history, legal education history, legal education in Tambov region, modern lawyer image

For citation

Lapaeva, A.V., & Moiseeva, O.V. (2024). Formation and development of the legal profession: legacy of generations: review of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of Law and National Security Institute of Derzhavin Tambov State University. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 4, pp. 598-608. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-598-608>



22–23 ноября 2024 года в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина (далее – Державинский университет) состоялась **II Всероссийская научно-практическая конференция «Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений»** (далее – Конференция), приуроченная к 30-летию Института права и национальной безопасности Державинского университета. Организаторами Конференции выступили Державинский университет, Институт права и национальной безопасности Державинского университета и Общероссийская общественная организация «Ассоциация историков права» (далее – Ассоциация историков права) при поддержке журнала «Актуальные проблемы государства и права». Партнерами Конференции стали Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», Избирательная комиссия Тамбовской области, Правовое общество «Барристер», Коллегия адвокатов Тамбовской области «Эверест» и Общество с ограниченной ответственностью «Плюс гарантия Тамбов».

Ключевой целью Конференции стало обсуждение актуальных вопросов юридического образования и юридической науки с опорой на историко-теоретические парадигмы,

обеспечивающие преемственность классического юридического образования и определяющие перспективы дальнейшего развития науки и образования.

Основными темами Конференции были избраны:

«Государство, право, общество: история и современность, проблемы, тенденции, перспективы»,

«Теория и практика государственного строительства: в поисках конституционного идеала»,

«Концепция частного права: современные тенденции»,

«Сценарии модернизации процессуального законодательства»,

«Совершенствование уголовной политики в фокусе противодействия современным угрозам».

Помимо ключевых тем Конференции была организована работа Круглого стола по теме «Наследие поколений или первопроходцы юридического образования на Тамбовщине», функционировала площадка – Трибуна молодого ученого-юриста «Наставники и последователи – путь сохранения истории», а также состоялась открытая лекция на тему «Характеристика современной уголовной (уголовно-правовой) политики России».

I Всероссийская научно-практическая конференция «Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений» была посвящена памяти юристов-фронтовиков и приурочена к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. В рамках данной конференции внимание исследователей было приковано к оценке наследия известных правоведов, воевавших на полях сражений в годы Великой Отечественной войны: С.С. Алексеева, В.Е. Чиркина, О.Н. Садикова, А.А. Добровольского, Ю.М. Ткачевского [1–5]. В рамках конференции студенты и преподаватели ознакомились с военным прошлым известных ученых, их боевыми заслугами, а также ключевыми вехами правового пути в науке. Преемственность поколений в процессе обучения и воспитания юриста, сохранение традиций классической высшей школы, изучение исторического опыта становления юридических школ, особенности формирования правосознания и правовой культуры в обществе – стало предметом научно-правового исследования участников конференции. Эта тенденция была продолжена и в рамках Второй Конференции.

II Всероссийская научно-практическая конференция «Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений», обзор которой посвящена настоящая статья, приурочена не только к 30-летию Института права и национальной безопасности Державинского университета, но и 30-летию юбилею юридического образования на Тамбовщине. Для участия в Конференции откликнулись более 150 ученых-правоведов, руководителей высших учебных заведений, практикующих юристов, преподавателей высшей школы, аспирантов, магистрантов, студентов, представляющих разные регионы страны. В рамках своих докладов участники затрагивали различные аспекты историко-правового и практико-ориентированного ракурса развития юридической науки, юридической практики и юридического образования.

Пленарное заседание Конференции, состоявшееся 22 ноября 2024 г., открыли приветствия: ректора Державинского университета *П.С. Моисеева*; директора правового департамента Правительства Тамбовской области *А.В. Турецких*, который выступил с приветственным адресом от лица временно

исполняющего обязанности главы Тамбовской области *Е.А. Первышова*; и.о. Председателя Тамбовского областного суда *И.В. Ледовских*; директора Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, к.ю.н., доцента, полковника внутренней службы в отставке *В.А. Заряева*. Модератором пленарного заседания выступил и.о. директора Института права и национальной безопасности Державинского университета, к.ю.н., доцент, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке *А.В. Кочетков*.

Научная часть пленарного заседания Конференции началась с доклада *Д.А. Пашенцева*, заведующего отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессора департамента права Московского городского педагогического университета, председателя Президиума Ассоциации историков права, заслуженного работника высшей школы РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ, д.ю.н., профессора, доложившего о позиции юридической науки и юридического образования в условиях перехода к постнеклассической научной рациональности. В рамках выступления было отмечено, что постнеклассическая научная рациональность предполагает формирование представлений о человекоразмерности правовой реальности. В заключение было отмечено, что для развития современной юриспруденции важное значение приобретает поиск баланса между всеми уровнями научной методологии: классической, неклассической и постклассической, дополняя успешно апробированные методы новыми, что уместно в условиях новой научной рациональности [6].

Декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор *Ю.Н. Старилов* рассказал о роли университетского учебного курса «Административное право» в формировании личности современного специалиста-юриста. Докладчик особенно выделил, что изменения, произошедшие в области административно-

го права за последнее время, требуют от современного юриста оперативного переосмысления, переустройства и быстрой адаптации к меняющемуся правовому регулированию [7].

Профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник Центра истории России Нового времени, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики, д.ю.н., профессор, член Ассоциации историков права **А.С. Туманова** в своем выступлении провела анализ темы юристов и реформы в праве, представив позицию на примере сообщества российских криминологов в начале XX века [8].

Главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д.ю.н., профессор **Ю.Г. Арзамасов** представил свое видение в отношении новых российских цифровых платформ, применяемых в нормотворчестве. Выступающий назвал ряд цифровых ресурсов, которые возможно использовать эффективно использовать в процессе правотворчества, сделав его эффективным и действенным. При этом докладчик не обошел вниманием и ряд проблем, которые сопровождают процесс цифровизации в области формирования правовых предписаний [9].

В докладе профессора Санкт-Петербургского университета МВД России, профессора Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, д.ю.н., профессора, члена Ассоциации историков права **Н.С. Ниженник** внимание было уделено полицейскому праву как составляющему российской юриспруденции. Автор заострил внимание на том, что история российской полиции и оценка ее современного состояния в последнее время находится в центре внимания исследователей, однако все более значение приобретает ретроспектива исторического опыта российских правоохранительных органов. Выступающий не обошел вниманием и вопрос формирования образа современного юриста в процессе освоения образовательной программы [10].

Главный научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного зако-

нодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д.ю.н., доцент **С.В. Рыбакова** обратилась к роли юридической доктрины в формировании общепрофессиональных компетенций выпускника магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, рассмотрев ситуацию на примере доктрины финансового права [11].

Основные тенденции правового регулирования обеспечения национальной безопасности на постсоветском пространстве стали предметом выступления ведущего научного сотрудника сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, профессора кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, д.ю.н., профессора В.М. Редкоуса. Докладчик раскрыл особенности выстраивания системы поддержания состояния защищенности всех важных интересов личности, общества, государства с учетом экономических, политических, правовых, культурно-исторических, идеологических и иных условий, сформированных на постсоветском пространстве [12].

Р.Б. Осокин, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор, обратился к актуальной злободневной теме осквернения памяти умерших как особого вида публичного экстремистского поведения. Выступающий привел статистические данные, позволяющие оценить масштаб проблемы, проанализировал ряд причин, способствующих распространению данного вида преступных деяний.

Ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, д.ю.н., профессор **А.А. Гришковец** в своем выступлении остановился на анализе проблемы противодействия коррупции в подразделениях по вопросам миграции МВД России. Автор отметил, что проблема борьбы с коррупцией всегда вызывает особый интерес у исследователей, однако данное деструктивное про-

явление в правоохранительных органах требует пристального внимания, и активная работа по противодействию коррупции должна выстраиваться со студенческой скамьи.

Интересный исторический ракурс был освещен в докладе декана юридического факультета Курского государственного университета, к.ю.н., доцента, члена Ассоциации историков права **Т.Н. Ильиной**, которая рассмотрела тему реформирования юридического образования в России, раскрыв целую череду парадигм. В своем выступлении докладчик отразил несколько переломных исторических периодов, когда юридическое образование получало новый вектор своего развития.

А.В. Александрова, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, к.ю.н., доцент, член Ассоциации историков права, предложила рассмотреть тему социальной солидарности, акцентировав внимание на выявлении идеи, конституционного принципа и особенностях ее воплощения в социальном законодательстве.

Доклад на тему «Актуальные проблемы современного юридического образования», подготовленный заместителем главного редактора журнала «Третейский суд», арбитром по международным и внутренним спорам МКАС при ТПП РФ, Арбитражного центра при РСПП, Арбитражного центра при АНО НИРА ТЭК, члена Ассоциации историков права **Д.Е. Баранова** стал завершающим в пленарном заседании и подвел некий итог научной дискуссии по вопросу современного юридического образования, его проблем и перспектив.

Во второй половине первого дня конференции на базе Института права и национальной безопасности Державинского университета состоялся круглый стол на тему «Наследие поколений или первопроходцы юридического образования на Тамбовщине» (далее – Круглый стол). Модераторами мероприятия выступили **В.В. Трофимов**, начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Державинского университета, д.ю.н., доцент, и **Н.Е. Садохина**, заведующий кафедрой конституционного и ме-

ждународного права Державинского университета, к.ю.н., доцент.

Центральной темой Круглого стола стали воспоминания об основоположниках юридического образования на Тамбовщине, ученых-юристах, которые стояли у истоков подготовки практикующих юристов и научно-педагогических кадров в Тамбовской области. В рамках заседания Круглого стола вспомнили выдающихся профессоров, работавших в Институте права и национальной безопасности в разное время: Николая Антоновича Придворова, Валерия Григорьевича Баева, Владислава Васильевича Помогаева, Валентина Васильевича Назарова, память о которых сегодня бережно хранят преподаватели и сотрудники, ученики основоположников, охотно делясь своими впечатлениями со студентами.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратился **А.В. Малько**, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный деятель науки РФ, академик Российской академии юридических наук, почетный профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, д.ю.н., профессор, который также представил научный доклад на тему «Актуальные проблемы государственно-правовых исследований и их разработка в сотворчестве с представителями научного юридического сообщества Тамбовского региона: непредвзятый взгляд представителя Саратовской научной школы права, инициатора научных проектов и почетного профессора Державинского университета».

В рамках Круглого стола в дискуссии приняли участие **В.М. Пучнин**, профессор кафедры гражданского права Державинского университета, к.ю.н., доцент, начальник УВД Тамбовской области в отставке, ранее занимавший должность директора Института права Державинского университета; **М.А. Желудков**, и. о. заведующего кафедрой уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции Тамбовского государственного технического университета, д.ю.н., доцент, выступивший по теме «Подготовка научно-педагогических кадров для вузов

Тамбовской области: история и современное состояние проблемы»; **Б.Б. Сулейманов**, заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), к.и.н., доцент, рассмотревший вопросы теории правообразования в трудах Тамбовской правовой школы; **А.Д. Золотухин**, заведующий кафедрой цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности Державинского университета, к.ю.н., доцент; **Т.В. Плотникова**, и. о. заведующего кафедрой правовых дисциплин среднего профессионального образования Державинского университета, к.ю.н., доцент; **Ю.В. Горюшина**, доцент кафедры теории и истории государства и права Державинского университета, к.э.н., проанализировавшая вопросы участия гражданского общества в реализации государственной правотворческой функции как актуальный тематический аспект ведущего научного направления Державинского университета по государственно-правовой проблематике; **В.Ю. Самородов**, адвокат адвокатского бюро «Селиверстов и партнеры», старший научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Державинского университета, к.ю.н., выступивший с докладом «Проблематика правового сотворчества публичной власти и гражданского общества как элемент предметной области ведущего научного направления Державинского университета по государственно-правовым исследованиям»; **С.Г. Вартамян**, аспирант кафедры теории и истории государства и права Державинского университета; **И.А. Волков**, аспирант кафедры теории и истории государства и права Державинского университета, и другие участники дискуссии.

23 ноября 2024 г., во второй день Конференции, состоялось объединенное секционное заседание, модераторами которого стали **О.В. Моисеева**, доцент кафедры теории и истории государства и права Державинского университета, к.ю.н., доцент, и **А.В. Лапаева**, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Державинского университета, к.ю.н., доцент.

В самом начале работы объединенной секции к участникам с приветственным словом обратился Прокурор Тамбовской области, государственный советник юстиции 3 класса, д.ю.н. **А.Ю. Гулягин**, отметивший важность и актуальность вопросов, затрагиваемых на дискуссионных площадках Конференции. Участников Конференции поприветствовал и.о. директора Института права и национальной безопасности Державинского университета, к.ю.н., доцент, председатель Арбитражного суда Воронежской области в отставке **А.В. Кочетков**, пожелавший интересной и продуктивной работы всем участникам секции.

В рамках объединенной секции выступили докладчики по различной актуальной правовой тематике. Открыл секционное заседание **Ю.Э. Монастырский**, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений МИД России, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета, д.ю.н., представивший доклад на тему «Обязанности и обязательства как род и вид в российском гражданском праве». В рамках выступления докладчик проанализировал категории «обязанность» и «обязательство», определил их сущность и значение и пришел к выводу о возможности соотношения указанных понятий как родовое и видовое.

А.М. Борисов, председатель Курского регионального отделения Ассоциации историков права, к.и.н., доцент, представил научный доклад по вопросу оценки товарищества как простейшей и древнейшей формы юридических лиц по С.В. Александровскому. Докладчик рассмотрел исторические предпосылки возникновения такой формы совместной деятельности как товарищество, раскрыл сущность и правовую природу данного объединения, проанализировал различные формы товариществ с указанием особенностей их совершенствования на современном этапе правовой мысли.

В рамках секционного заседания свой доклад представила **А.А. Смирнова**, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета

Государственной противопожарной службы МЧС России, к.и.н., доцент, раскрывшей вопрос относительно курсов законоведения при Втором отделении СЕИВК в ракурсе оценки истоков юридического образования в России. Докладчик не только дал историческую справку о возможностях получения специального образования, но и детально охарактеризовал те сложности, с которыми были вынуждены мириться и справляться обучавшиеся, сопоставив их с современными условиями получения юридического образования.

Е.В. Ефимов, старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, к.т.н., раскрыл вопрос процессуальной функциональности результатов налоговой проверки как средства доказывания в уголовных делах о налоговых преступлениях. Выступающий подробно раскрыл тему налоговой проверки, процедуры и особенностей ее проведения, а также нюансы оценки её результатов с тем, чтобы детально проанализировать ее потенциал как доказательства в уголовном деле.

Доклад по вопросу особенностей применения ИИ-технологий в юридической деятельности представил доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Высшей школы права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова», к.ю.н., доцент **Т.Э. Зулфугарзаде**, особенно выделивший нюансы использования современных электронных площадок для юридической деятельности с целью недопущения нарушения законодательства РФ.

Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры частного права Государственного университета управления, к.ю.н., доцент **А.В. Серегин** выступил с анализом ценности права и политической целесообразности в истории российской государственности, предложив ретроспективу трансформации права и политического воплощения в условиях различных исторических эпох.

М.М. Степанов, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, к.ю.н., доцент доложил об особенностях развития отечественного законодательства в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.).

Учитывая направленность Конференции – преемственность поколений в юридической науке и юридическом образовании, важно было предоставить слово и молодым ученым, преподавателям и исследователям для апробации своих научных изысканий.

С докладом выступил **А.А. Исаев**, прикреплённое лицо по сектору административного права и процесса Института государства и права Российской академии наук, который рассмотрел вопрос о ведомственном контроле как способе предупреждения правонарушений в правоохранительных органах Российской Федерации. **Н.Н. Мазурова**, аспирант Российского государственного университета имени А.И. Герцена, проанализировала проблему международного ядерного терроризма, раскрыв вопрос с позиции истории и оценив его современное состояние. **А.А. Бросалина**, ассистент кафедры конституционного и международного права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доложила о проблемах достижения баланса интересов на современном этапе между публичной властью и гражданским обществом. **А.И. Яркина**, студентка института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, поддержала тему предыдущего выступающего и презентовала тему проблемы соблюдения баланса частных и публичных интересов при осуществлении уголовно-правовой борьбы с домашним насилием.

Во второй половине дня второго дня конференции для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей института права и национальной безопасности Державинского университета состоялась открытая лекция **С.А. Маркунцова**, профессора Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики, д.ю.н., доцента, на тему: «Характеристика современной уголовной (уголовно-правовой) политики России» [13]. Формат открытой лекции позволит студентам познакомиться с представителями профессорско-преподава-

тельского состава ведущих российских вузов, а преподавателям поучаствовать в обмене педагогическим мастерством.

В рамках открытой лекции была предложена авторская позиция по вопросу генезиса и современного состояния представлений и исследований об отечественной уголовно-правовой (уголовной) политике, раскрыты подходы к понятию и определению места уголовно-правовой политики в рамках общей политики борьбы с преступностью, проанализированы принципы построения, субъекты формирования и реализации, фор-

мы выражения современной уголовной (уголовно-правовой) политики России, а также дана характеристика современной уголовно-правовой политики России сквозь призму новеллизации уголовного закона.

По итогам Конференции готовится сборник научных трудов участников, в рамках которого будут отражены авторские позиции в оценке генезиса и современного состояния отечественного юридического образования, трендов юридической науки и перспектив развития юридической профессии в будущем.

Список источников

1. Моисеева О.В., Ельцов Н.С., Лапаева А.В. Государство, право, общество: история и современность, проблемы, тенденции, перспективы (посвящается памяти С.С. Алексеева) // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Моисеева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 7-8. <https://elibrary.ru/skaooj>
2. Моисеева О.В., Ельцов Н.С., Лапаева А.В. Теория и практика государственного строительства: в поисках конституционного идеала (посвящается памяти В.Е. Чиркина) // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Моисеева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 92-95. <https://elibrary.ru/xtkkbd>
3. Моисеева О.В., Ельцов Н.С., Лапаева А.В. Концепция частного права: современные вызовы (посвящается памяти О.Н. Садикова) // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Моисеева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 155-158. <https://elibrary.ru/zckozh>
4. Моисеева О.В., Ельцов Н.С., Лапаева А.В. Сценарии модернизации гражданского, арбитражного и административного процесса (посвящается памяти А.А. Добровольского) // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Моисеева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 185-187. <https://elibrary.ru/lcdupi>
5. Моисеева О.В., Ельцов Н.С., Лапаева А.В. Совершенствование уголовной политики в фокусе обеспечения национальной безопасности (посвящается памяти Ю.М. Ткачевского) // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Моисеева. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 207-209. <https://elibrary.ru/ndqyym>
6. Пашенцев Д.А. Концептуальная роль юридической науки в развитии законодательства: от классических конструкций к новациям общества постмодерна // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 5. С. 5-15. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.5.1>, <https://elibrary.ru/aguigk>
7. Стариков Ю.Н. Новейшая административная юстиция в России: многотрудный путь к административному иску и специальной процессуальной форме // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 53-63. https://doi.org/10.52433/01316761_2023_01_53, <https://elibrary.ru/lofecj>
8. Туманова А.С. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2023. 480 с. <https://doi.org/10.31085/9785392299355-2019-480>, <https://elibrary.ru/vutbwt>
9. Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 32-41. [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).03](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).03), <https://elibrary.ru/djemrf>
10. Нижник Н.С., Савельева М.В. Юридическая наука в России: особенности современного состояния и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 34-50. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-1-34-50>, <https://elibrary.ru/cjputw>

11. Рыбакова С.В. Изменение социального облика финансового права на рубеже XX–XXI веков // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 32–40. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-32-40>, <https://elibrary.ru/xqozwb>
12. Редкоус В.М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 48–55. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-165-48-55>, <https://elibrary.ru/idppco>
13. Маркунцов С.А. Противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 302–304. <https://elibrary.ru/ogfpec>

References

1. Moiseeva O.V., Yeltsov N.S., Lapaeva A.V. (2021). State, law, society: history and modernity, problems, trends, prospects (dedicated to the memory of S.S. Alekseev). *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Stanovlenie i razvitie professii yurista: nasledie pokolenii (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchaetsya)»* = Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Formation and Development of the Legal Profession: the Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Front-Line Lawyers)”. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, pp. 7–8. (In Russ.) <https://elibrary.ru/skaoj>
2. Moiseeva O.V., Yeltsov N.S., Lapaeva A.V. (2021). Theory and practice of state building: in search of a constitutional ideal (dedicated to the memory of V.E. Chirkin). *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Stanovlenie i razvitie professii yurista: nasledie pokolenii (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchaetsya)»* = Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Formation and Development of the Legal Profession: the Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Front-Line Lawyers)”. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, pp. 92–95. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xtkkbd>
3. Moiseeva O.V., Yeltsov N.S., Lapaeva A.V. (2021). The concept of private law: modern challenges (dedicated to the memory of O.N. Sadikov). *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Stanovlenie i razvitie professii yurista: nasledie pokolenii (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchaetsya)»* = Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Formation and Development of the Legal Profession: the Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Front-Line Lawyers)”. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, pp. 155–158. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zckozh>
4. Moiseeva O.V., Yeltsov N.S., Lapaeva A.V. (2021). Scenarios of modernization of civil, arbitration and administrative process (dedicated to the memory of A.A. Dobrovolsky). *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Stanovlenie i razvitie professii yurista: nasledie pokolenii (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchaetsya)»* = Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Formation and Development of the Legal Profession: the Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Front-Line Lawyers)”. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, pp. 185–187. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lcdupi>
5. Moiseeva O.V., Yeltsov N.S., Lapaeva A.V. (2021). Improvement of criminal policy in the focus of ensuring national security (dedicated to the memory of Yu.M. Tkachevsky). *Sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Stanovlenie i razvitie professii yurista: nasledie pokolenii (pamyati yuristov-frontovikov posvyashchaetsya)»* = Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Formation and Development of the Legal Profession: the Legacy of Generations (Dedicated to the Memory of Front-Line Lawyers)”. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, pp. 207–209. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ndqyym>
6. Pashentsev D.A. (2024). The conceptual role of legal science in the development of legislation: from classical constructions to innovations of postmodern society. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, vol. 28, no. 5, pp. 5–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.5.1>, <https://elibrary.ru/aguigk>
7. Starilov Yu.N. (2023). The latest administrative justice in Russia: arduous road to administrative lawsuit and special procedural form. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, no. 1, pp. 53–63. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2023_01_53, <https://elibrary.ru/lofecj>
8. Tumanova A.S. (2023). *Voluntary Associations in Russia: Legal Status. 1860–1930s*. Moscow, Prospekt Publ., 480 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392299355-2019-480>, <https://elibrary.ru/vutbwt>

9. Arzamasov Yu.G., Arzamasov V.Yu. (2023). The digital state: concept, main activities. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*, no. 4 (43), pp. 32-41. (In Russ.) [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).03](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).03), <https://elibrary.ru/djemrf>
10. Nizhnik N.S., Savel'eva M.V. (2024). Legal science in Russia: peculiarities of the current state and prospects for development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (101), pp. 34-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-1-34-50>, <https://elibrary.ru/cjputw>
11. Rybakova S.V. (2024). Changing the social image of financial law at the turn of the 20th-21st centuries. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 8, no. 1 (29), pp. 32-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-1-32-40>, <https://elibrary.ru/xqozwb>
12. Redkous V.M. (2023). Administrative and legal regimes established for the purpose of ensuring state security. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*, no. 1 (65), pp. 48-55. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-165-48-55>, <https://elibrary.ru/idppco>
13. Markuntsov S.A. (2024). Contradictions of the modern Russian anti-corruption criminal law policy. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (65), pp. 302-304. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ogfpec>

Авторы демонстрируют отсутствие конфликта интересов. / Authors declare no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Received 25.11.2024

Поступила после рецензирования / Revised 27.11.2024

Принята к публикации / Accepted 29.11.2024



Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)